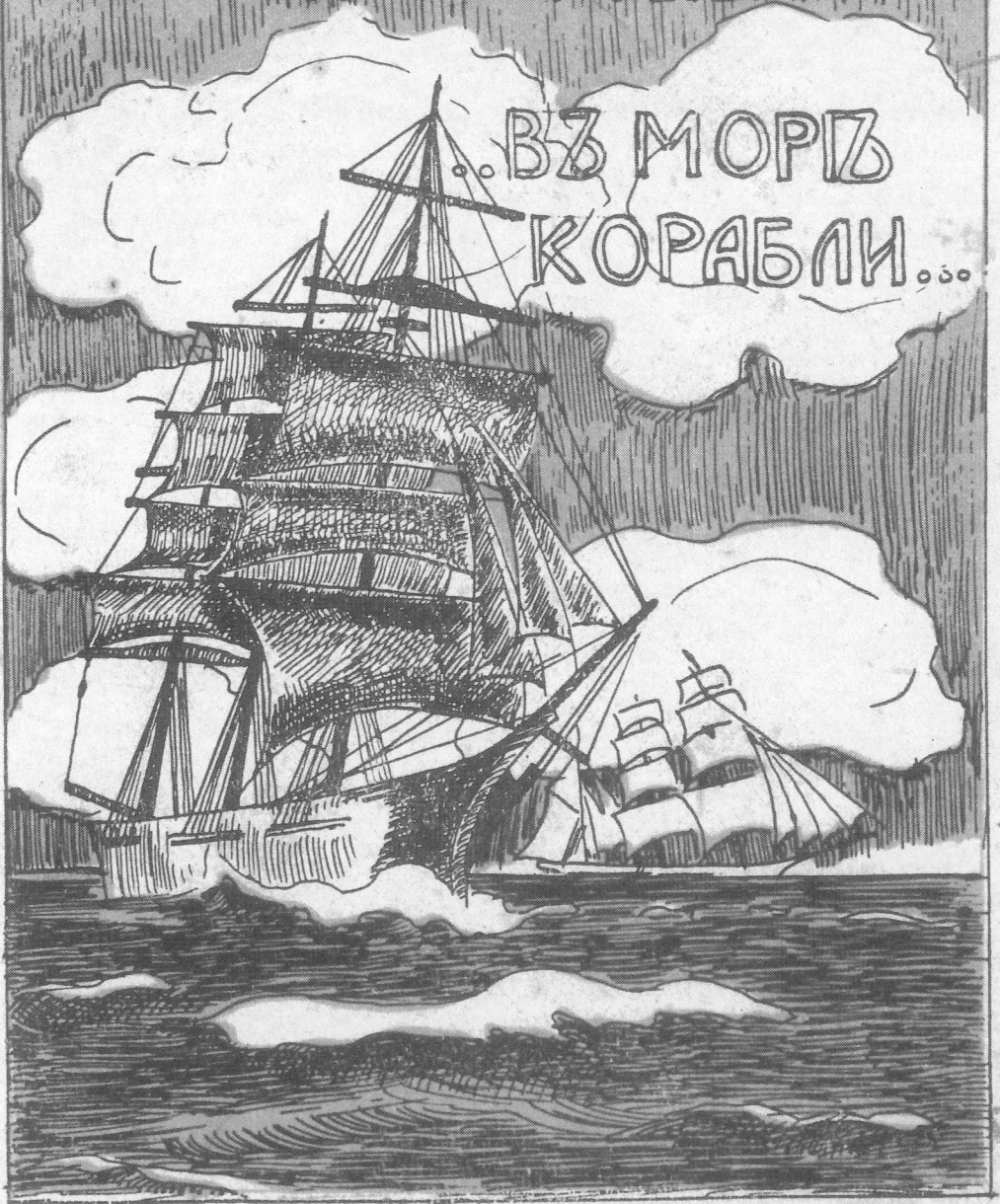

Р. о. рус. 1311 9

A. Gelfer

АЛЕКСАНДРЪ ГЕФТЕРЪ.

..ВЪ МОРЪ
КОРАБЛИ..

ИЗДАНИЕ ВОЕННО-МОРСКОГО СОЮЗА

Александръ ГЕФТЕРЪ

ВЪ МОРЪ КОРАБЛИ...

МОРСКІЕ РАЗСКАЗЫ

ПАРИЖЪ

ИЗДАНИЕ ВОЕННО-МОРСКОГО СОЮЗА

1932

Бэйерингхо
Статистикъ
Манчжун

Tous droits réservés pour tous pays.

Copyright 1932 by the author.

Всѣ права сохранены за авторомъ.

ДВѢ ВОЛНЫ

Эпизодъ, пережитый небольшимъ 35 тоннымъ «Cutter» (яхта) во время перехода черезъ Бискайскій заливъ.

— Посмотрите, Mauduit, что за волна!

Это была дѣйствительно — волна! Высокая и гладкая, подобно скату глетчера, она закрыла собой весь горизонтъ, и половину неба. Черезъ нѣсколько моментовъ она должна была пасть тяжелымъ водянымъ обваломъ и вдавить истерзанную, но упорную «Natalina II» въ воду, на этотъ разъ уже навѣки.

N, который обратился къ матросу Mauduit, перешелъ уже черту человѣческаго воспріятія, когда еще можно оцѣнивать обстановку, когда можно еще испытывать отчаяніе, безграничный ужасъ; онъ перешелъ и слѣдующую границу, именуемуюся безнадежностью. — Въ тотъ моментъ, когда сотни тоннъ соленой воды должны были закрыть исковерканную яхту, въ этотъ моментъ онъ представлялъ лишь регистрирующій аппаратъ, части котораго превосходно работали, глаза видѣли отчетливо до рѣзкости, а уши слышали такъ-же ясно, какъ въ первый часъ шторма, продолжавшагося уже вторые сутки все съ нарастающей силой.

N. посмотрѣлъ впередъ, по носу яхты. Яхта была — онъ самъ, продолженіе его «я», была частью его организма, частью преднѣзначенной для передвиженія по

водѣ, и въ тотъ короткій промежутокъ времени, для оцѣнки котораго секунда является слишкомъ грубой величиной, онъ успѣлъ окинуть взглядомъ «свою» палубу, «свою» мачту, какъ смотрять на свои руки, которыя не имѣютъ больше силы ударить во время боя за жизнь, или на ноги, которыя не могутъ сдвинуть тѣло, чтобы унести его подалеже отъ смерти.

Высокая и стройная мачта «Наталины» казалась изящной тросточкой среди 30 метровыхъ водяныхъ горъ, а спущенный «гротъ», спущенный до палубы, на спѣхъ, неаккуратно, не такъ, какъ въ «тѣ» свѣтлые часы безмятежнаго плаванья, этотъ парусъ теперь намокшій, растрепанный, походилъ на отброшенный въ сторону огромный компрессъ разметавшагося въ горячемъ жару больного.

Но не одинъ N и Mauduit смотрѣли на встававшую за кормой волну. — Рулевой Guillou, не выпуская рукоятку рулевого колеса, видѣлъ ее также. Онъ вдавилъ голову въ плечи, какъ бы защищаясь отъ удара, но не бросалъ колеса, потому, что за 24 часа шторма онъ ни разу не выпустилъ его изъ рукъ, и пальцы его срослись съ деревянными рукоятками.

Однако, волна не подвигалась впередъ, она только подымалась кверху, все выше, еще выше, потому что, очевидно, по ея соображеніямъ, она была недостаточно высока, чтобы упавъ, закрыть собой всю «Наталину»; она какъ бы становилась на цыпочки, чтобы при паденіи протянуться подалеже.

Пока она застыла въ своей томительной неподвижности, можно было нѣсколько разъ «увидѣть» «Наталину» и другія волны, которыя весело прыгали вокругъ съ развѣвающимися по вѣтру свѣтло-голубыми гривами.

Можно было, довольно ясно даже, «увидѣть» и какого-то матроса, лившаго съ бака изъ большого чайни-

ка керосинъ на воду. — Кто онъ былъ, этотъ матросъ, нельзя было понять, — кто-то новый, неизвѣстно откуда взявшійся, потому что раньше «такого» не было на «Наталинъ». — Онъ былъ съ сѣдой головой, а до сихъ поръ на яхтѣ были лишь молодые матросы. Кромѣ того, въ немъ было еще что-то такое странное, какъ будто онъ находился на грани безумія.

Но регистрирующій аппаратъ, замѣнявшій у N сознание и дѣйствовавшій автоматически, сказалъ, что объ этомъ нѣтъ времени думать, такъ какъ «она» сейчасъ покатится внизъ.

Дѣйствительно, когда онъ еще разъ посмотрѣлъ на «нее», то увидѣлъ, что «она» въ самомъ дѣлѣ уже сорвалась и съ музыкальнымъ шумомъ понеслась внизъ.

Несмотря на то, что «она» неслась чрезвычайно быстро, можно было разглядѣть, что «ея» скать, казавшійся гладкимъ и отполированнымъ, на самомъ дѣлѣ былъ покрытъ тонкой сѣтью ряби, и что высоко на небѣ какъ будто стало свѣтлѣе отъ контраста приблизившейся огромной, болѣе темной массы.

Расчетъ волны оказался точка въ точку правильнымъ. — Она закрыла «Наталину» цѣликомъ и вдавила ее въ воду такъ глубоко, что на палубѣ пришлось стоять по грудь въ водѣ. Она оторвала отъ колеса Guillou и вмѣстѣ съ N, который, какъ ему казалось, — давно (на самомъ дѣлѣ секунды 2 назадъ) предложилъ матросу Maudit посмотреть на нее, понесла навстрѣчу оторвавшейся шлюпкѣ,хватила ихъ о нее и скрылась, шумя, какъ водопадъ.

Этотъ ударъ вывелъ N изъ оупѣнія. И тотчасъ-же цѣлый рядъ безпокойныхъ мыслей зашевелился въ его мозгу.

Первая была рѣшена очень быстро. — Это была мысль о сѣдомъ матросѣ, кто онъ такой?

— Floch, Vincint, поѣдѣвшій только что.

Вторая мысль была: встанетъ-ли «Наталина», выльзетъ-ли изъ могилы. куда ее втиснулъ только что прошедшій валъ?

Ясно было, что второй валъ такого-же качества и даже поменьше, долженъ ее прикончить.

А онъ уже подымался за кормой, второй валъ, еще выше, и, казалось, что въ его пѣнномъ гребнѣ переплетаются прозрачныя человѣческія тѣла, огромныя грозныя головы съ сѣдыми бородами.

Тогда капитанъ Beuzit, родомъ изъ Finistère, родившійся на морѣ отъ рыбаковъ, простеръ руки къ безжалостному небу и прокричалъ заклинаніе рыбаковъ, которое они кричатъ, одурѣвъ отъ смертной тоски въ часъ гибели: «Море, успокойся, сгладь свои волны!».

Валъ сбѣгалъ внизъ съ шумомъ, нарастающимъ въ хроматической гаммѣ. Его гребень бѣжалъ по скату со скоростью, превышающей его собственное движеніе, покрывая волну бѣшенымъ кружевомъ безчисленныхъ потоковъ. Но въ тотъ моментъ, когда валъ уже долженъ былъ обрушиться на «Наталину», между нимъ и ею выросла пропасть, такой-же глубины, какъ высота вала.

— Прыжокъ былъ недостаточно длиненъ.

Прошло мгновенье. «Наталина» какъ будто рвалась изъ чьей-то могучей руки, тянувшей ее назадъ (тотъ моментъ, когда разсыпавшаяся волна тянетъ обратно свою добычу), но вдругъ получила страшный толчекъ впередъ и, какъ перо, была выброшена высоко на гребень шумѣвшей передъ ней волны.

Тамъ яхту положило на бортъ, и въ этомъ было ея спасенье, иначе она никогда не могла бы освободиться отъ огромнаго водяного груза, упавшаго на ея палубу съ первымъ валомъ.

Въ вахтенномъ журналѣ капитана Allain Beuzit

мы читаемъ такое краткое обозначеніе происшедшаго: «Два часа утра. Эссенція израсходована. Пользуемся керосиномъ и прованскимъ масломъ. Барометръ 27,66. Море бушующее. Положеніе яхты и персонала безнадежное. Въ виду нѣтъ ни одного корабля. Шесть часовъ. Яхта ежеминутно требуетъ капитана къ помпѣ. Le Floch льетъ керосинъ, Guillou у рулевого колеса. Восемь часовъ. Guillou раненъ въ предплечье каскадомъ воды, швырнувшимъ его на шлюпку».

— Таковъ простой языкъ вахтеннаго журнала!

Когда «Наталину II» швырнуло на вершину впереди шедшей волны, она, не удержавшись на остріѣ гребня, легла на бокъ. При этомъ вся ея палуба очистилась отъ воды, задержанной ея бортами, какъ въ огромной ваннѣ.

Поэтому, съ вершины волны она сбѣжала облегченной.

«Наталина II» вздохнула и бросилась впередъ на борьбу, и вмѣстѣ съ ней вздохнули и приготовились снова бороться всѣ, кто на ней находился, всѣ, кого она несла на своемъ крѣпкомъ и стройномъ тѣлѣ.

Этотъ моментъ былъ кульминаціоннымъ.

Дальше, — это сразу почему то всѣми почувствовалось, должно было пойти легче, и то, что вдругъ бросились въ глаза многочисленныя поломки, что компасъ вралъ на 15 гр., что волны ревѣли и бѣсновались по-прежнему, — все это не притупляло уже сознанія и не гасило мужества. Глаза съ благодарностью обращались къ барометру, который поднимался, уши съ удовлетвореніемъ констатировали, что вѣтеръ спадалъ. И наряду съ нарождающейся и смутной надеждой, сначала едва-едва, а потомъ — все сильнѣе, — загоралось желанье, это желанье было — «земля!» — Твердая, неподвижная, съ деревьями, цвѣтами, пылью, навозомъ, шумомъ, гуд-

ками автомобилей и свистками поѣздовъ. Но, рядомъ съ этимъ желаніемъ, неподвижно, какъ привидѣнье, стоялъ страхъ, что увидѣтъ эту землю когда-нибудь, если не совершенно невозможно, то очень трудно и, во всякомъ случаѣ — не скоро.

А волны прыгали такъ же страшно и били тяжко «Наталину», какъ бы приговаривая при этомъ, «на-же тебѣ отъ Бискайи, на тебѣ!».

Яхта походила на боксера *Knocked down*, пытающагося встать на дрожашія отъ слабости ноги, до того, пока арбитръ просчитаетъ послѣднюю секунду.

Однако, волны уже не обрушивались на нее сверху, онѣ только били ее въ бока; и отъ каждаго такого удара она вздрагивала такъ, что звенѣли ея металлическія части, но снова бросалась впередъ, взлетала на волну и неслась въ пропасть.

Шли часы. Ползли скупю, отсчитывая секунды, и все время — назойливыя волны, надоѣвшія. При спадающемъ вѣтрѣ у нихъ уже не было прежней силы, чтобы накрыть «Наталину» или пробить ей борта, и вотъ теперь онѣ рѣшили ее замотать, а людей, на ней находящихся, — отупить и свести съ ума.

Это было 7 часовъ. Было еще свѣтло, штормовой туманъ разсѣялся и, когда «Наталина» всходила на волну, горизонтъ былъ довольно широкъ. Вдругъ къ сѣверо-востоку показалось туманное пятно. — Что это было? Мысь, скала, маякъ, корабль? Объ этомъ можно было только догадываться, но во всякомъ случаѣ это былъ другъ, нѣчто отъ иной стихіи, не отъ жидкой, вѣчно подвижной, злой, наносящей удары — это было нѣчто твердое, изъ дерева, или желѣза, — если корабль, изъ камня, — если скала или берегъ.

И тотчасъ между этимъ сѣрымъ пятномъ и «Наталиной» былъ переброшенъ мостъ надежды.

Зрачекъ глаза суживался до боли, чтобы яснѣй различить предметъ и, наряду съ напряженнымъ ожиданіемъ, все ширилась въ душѣ благодарность «Наталинѣ» за ея крѣпость и ловкость. Хотѣлось ее похлопать по борту, какъ коня послѣ удачной скачки.

Сѣрый предметъ постепенно обрисовывался.

Такъ какъ очертанія его были довольно опредѣленны, это не могло быть берегомъ, скорѣе всего это былъ корабль; и, дѣйствительно, скоро цѣпкіе глаза различили знакомыя формы рыбацкѣй шхуны.

Въ вахтенномъ журналѣ читаемъ: ... «7 часовъ вечера. Барометръ 28,4; замѣченъ рыбакъ къ востоку. Спускаемся ниже его. 8 ч. 30 м., спрашиваемъ у этого судна его мѣсто. Отвѣчаетъ: Chasseron W. 25 миль. 9 часовъ. Замѣтилъ многочисленные огни...».

Къ этому времени вѣтеръ совершенно спалъ. На смѣну ему, дувшему двое сутокъ безъ перерыва, злomu духу, ненавидящему, желающему уничтожить, пришла страшная, нѣмая, таинственная тишина.

И вотъ тутъ произошло то удивительное явленіе, что тѣлу сталъ недоставать вѣтеръ. Въ воздухѣ образовалась пустота, и сила, вызвавшая и поддерживавшая въ своемъ напряженіи волю и работу мышцъ, теперь, продолжая по инерціи свою работу, разбивала тѣло, какъ разобьетъ автомобиль его-же собственный моторъ, если пустить его полнымъ ходомъ, а колеса задержать, не позволяя имъ вращаться.

— Это была та реакція, которая разбиваетъ, во время которой сходятъ съ ума. Мысль, начавшая работать нормально, какъ бы пришла въ ужасъ отъ того, что было, боясь вспоминать.

И «Наталина II», не находя опоры въ вѣтрѣ, качалась больше на огромной «мертвой зыби».

И вотъ теперь, когда опасность миновала, N сдѣла-

лось ясно, какъ велика она была. Въ это время онъ почувствовалъ, что тотъ комъ, что, сжимая его горло, подобно желѣзной рукѣ, двое сутокъ, какъ будто распускается, и одновременно какой-то экстазъ овладѣваетъ имъ. Боясь потерять минуту и зная, что ему нужно быть одному, что никто изъ команды не долженъ его видѣть, онъ помчался по узкому трапу къ себѣ въ каюту. Онъ самъ не зналъ, что онъ будетъ дѣлать, но вдругъ его колѣни подломились передъ святостью минуты: онъ почувствовалъ въ своемъ сердцѣ огромнаго Бога; оставшись одинъ на одинъ со своимъ сердцемъ, онъ припомнилъ забытую молитву, которую лепеталъ въ далекомъ дѣтствѣ и произнесъ ее почти безсознательно, въ экстатическомъ крикѣ души.

Много-много лѣтъ не читалъ онъ никакихъ молитвъ, и въ этотъ разъ прочелъ ее, какъ благодарственную жертву тѣмъ страшнымъ сѣро-зеленымъ горамъ.

Въ этомъ же экстазѣ счастья онъ зарылся головой въ подушку, чтобы наверху не услыхалъ кто и зарыдалъ отчаянно, весь содрогаясь отъ плача. Онъ чувствовалъ, что если ктонибудь услышитъ его плачъ, то сойдетъ съ ума, почему все глубже зарывался въ подушку, и въ слезахъ счастья для него трепетали безчисленные переливающіеся огни Chassegon'a, огни земли...

ВСТРѢЧА

Вахтенный гардемаринъ Сергѣй Скороходовъ на крейсерѣ «Орелъ» три раза ударилъ въ маленькій колоколь, бравурно и отчетливо. Въ кристалльномъ и радостномъ воздухѣ утра звонкіе, вкусные звуки помчались другъ за другомъ, какъ насмѣшливыя птицы. Отбивъ склянки, Сергѣй подошелъ къ борту и втянулъ въ себя воздухъ, насыщенный сандаломъ и мимозами. Казалось, совсѣмъ недалеко, направо, выступая изъ-за небольшого зеленого острова, безпокойно раскинулся огромный Нагассаки.

Въ двухъ-трехъ кабельтовыхъ отъ «Орла» застылъ необыкновенно изящный маленькій бѣлый итальянскій стаціонеръ. Отъ его борта отвалилъ вельботъ съ босыми гребцами въ большихъ соломенныхъ шляпахъ. Сергѣю уже было извѣстно, что это гребетъ командиръ на берегъ къ своей молодой женѣ — американкѣ. Мысль о томъ, какова она изъ себя, лишь на минуту заняла Скороходова, потому что вода и то, что на ней происходило были исключительно притягательны. — Все водное пространство застыло и казалось густой массой прекраснаго зеленого камня, настолько прозрачнаго, что на нѣсколько метровъ въ глубину видны были медузы съ радужными мантиями и еще какія-то фантастическія водоросли. Воздухъ-же, благодаря тому, что совсѣмъ не было вѣтра, обволакивалъ тѣло дурманомъ ароматовъ,

принесшихся еще ночью съ берега и повисшихъ легкотканнымъ покрываломъ.

Скороходову, человѣку молодому, было ясно, что онъ абсолютно счастливъ, ибо у него не было желаній, и что даже самый несчастный человѣкъ пересталъ бы себя чувствовать таковымъ, если-бъ онъ стоялъ теперь на «Орлѣ» на Нагассакскомъ рейдѣ. — Восхитительно было смотрѣть на сампанъ, съ гребущимъ на немъ атлетомъ-японцемъ, потому, что сампанъ цѣликомъ отражался въ водѣ и казался висящимъ въ воздухѣ, восхитительно также было подумать о томъ, что сегодня — «желающіе на берегъ» и можно будетъ, либо на велосипедахъ — въ Моги, о которомъ Клодъ Фарреръ говоритъ, что это самое красивое мѣсто на земномъ шарѣ, либо вмѣстѣ со Стрежневымъ, другомъ и сосѣдомъ по койкѣ, отправиться на военное кладбище, гдѣ братская могила погибшихъ въ Цусимскомъ бою и откуда тоже, говорятъ, изумительный видъ. «У Стрежнева удивительный характеръ, самъ дохленькій, изъ команды слабосильныхъ, а между тѣмъ, благодаря чему-то дѣйствуетъ на окружающихъ... — Вотъ онъ уже далеко, командирскій вельботъ съ итальянца! Хорошо гребутъ! Навѣрное отлично накаливаетъ командиръ по англійски, онъ маркизь, говорятъ. До чего-жъ, однако, хороша эта бухта и вообще Японія — шикарная страна... Японскіе рабочіе на баржѣ отправляются на верфи. — Ни одного нѣтъ въ киримонѣ, всѣ въ синихъ блузахъ и кэпи. Форма мірового рабочаго... До чего хорошо, до чего!.. Можно будетъ пальмовыхъ вѣтокъ на братскую могилу. Представляю трупы, которые волны выбрасываютъ на скалы! Неприятно смотрѣть, когда море выбрасываетъ что-нибудь мягкое! Говорятъ, и японцы тамъ похоронены. — Что они поставили на могилахъ своихъ?.. Конечно, завтра, на гребномъ ученьи будетъ опять гонка со вторымъ

катеромъ, и очень возможно, что они опять ухитрятся вымазать его саломъ, чтобы лучше шель, какъ уже было разъ. Отъ этихъ господъ можно всего ожидать»...

Очарованье раннего утра понемногу проходило. Портъ все болѣе оживлялся, стали раздаваться гудки, и легкой вѣтеръ, сморщивъ поверхность воды, принесъ съ собой дѣловитость, торопливость, работу.

На кораблѣ начиналась жизнь...

Нигдѣ не сказывается такъ рѣзко переходъ въ иную страну, переходъ грани, раздѣляющей два міра, какъ при спускѣ на берегъ.

И въ океанѣ, правда, встрѣчались «Орлу» суда, отъ которыхъ, еще задолго до прихода въ Японію, вѣяло Азіей. — Встрѣчались военные корабли съ флагомъ восходящаго солнца, китайскія джонки той-же постройки, что и тысячи лѣтъ назадъ, попадались лодки — плывучіе острова, на которыхъ, какъ на сушѣ, жило по нѣсколько семействъ, но все это еще не было въ такой степени инымъ міромъ, какъ тогда, когда Скороходовъ со своимъ другомъ ступили впервые на гранитъ Нагассакской набережной. Первымъ, поразившимъ ихъ впечатлѣніемъ было отсутствіе городского шума и лошадей. Были лишь пѣшеходы. Слышался странный шумъ деревьяшекъ. — Его производили тысячи маленькихъ деревянныхъ сандалій на подставкахъ.

Страннымъ было на этомъ «японскомъ фонѣ» то, что почти половина ребятишекъ была въ гимназическихъ фуражкахъ, на манеръ шведскихъ, и въ киримонахахъ.

Довольно много ихъ шло за Скороходовымъ и Стрежневымъ. Они говорили между собой на языкѣ нѣжномъ и пѣвучемъ, а иногда кричали по русски «японска стрѣляй, русска падай», но въ общемъ настроены были миролюбиво.

Среди этихъ ребятъ выдѣлялась довольно высокая для японца фигура какого-то господина въ киримонѣ, соломенномъ европейскомъ канотье и съ чернымъ шерстянымъ зонтикомъ, тоже европейскаго фасона.

Стараясь уйти отъ мальчишекъ, гардемарины прибавили ходу, но высокій японецъ не отставалъ, хотя сильно запыхался. Отъ быстроты его киримонѣ распахнулся и тогда оказалось, что, кромѣ трусиковъ въ голубую и бѣлую полоску, подъ нимъ ничего не было.

Такъ какъ улица, по которой они шли, была очень узка и извилиста, они потеряли направленіе на кладбище, такъ хорошо видное до того съ моря. Пришлось обратиться за помощью къ преслѣдовавшему ихъ японцу. Незнакомецъ обрадовался чрезвычайно. Онъ такъ захихикалъ отъ удовольствія, что, казалось, готовъ былъ подавиться. «Русска, русска», повторялъ онъ, чтобы показать что понимаетъ и что теперь все пойдетъ хорошо. Плохо было лишь то, что ни по русски, ни по англійски или по французски онъ не говорилъ, такъ что радость оказалась преждевременной. Совершенно неожиданно сговорились по нѣмецки. Хотя съ трудомъ, но разные міры все-же получили возможность столкнуться. Японецъ сказалъ, что онъ служитъ въ банкѣ (канотье и шерстяной зонтикъ!), но что у него есть время оказать имъ услугу и показать нѣчто чрезвычайно важное. Тутъ онъ опять захихикалъ и рѣшительно повелъ ихъ за собой.

Они прошли насквозь какого то дома (частный, показалось Скороходову) сквозь раздвинутыя бумажныя стѣны. Старуха, молчаливая и важная, сидѣла на корточкахъ въ первой комнатѣ, передъ прекраснымъ лакированнымъ ящикомъ и курила длинную трубку съ металлическимъ шарикомъ на концѣ. Она не обратила на нихъ ни малѣйшаго вниманія.

Пройдя сквозь домъ, они вышли въ большой и уди-

вительно чистый сарай, въ которомъ остро пахло сандаломъ. Въ немъ была масса зонтиковъ, уже готовыхъ и подвѣшенныхъ къ потолку. Нѣкоторые изъ нихъ были поразительныхъ тоновъ и сдѣланы изъ пропитанной какимъ то составомъ, пахнувшей клеенкой, бумаги. Другіе зонтики были еще въ работѣ. И то, какъ необыкновенно тщательно были выстроганы бамбуковыя палочки, какъ бережно наклеивалась старичкомъ японцемъ бумага, заставляло думать, что это совсѣмъ, совсѣмъ иная страна, съ иными принципами и инымъ подходомъ къ жизни.

Пройдя черезъ фабрику зонтиковъ, банковскій клеркъ опять ринулся куда-то съ необычайной порывистостью, но Скороходовъ со Стрежневымъ рѣшительно запротестовали «Ja, Ja, Friedhof, Friedhof», захихикалъ японецъ, подавился, присѣлъ и опять быстро пошелъ. Черезъ минуту они были уже на широкой европейской улицѣ съ посаженными на ней въ два ряда пальмами. Въ тѣни ихъ, скрываясь отъ тяжелыхъ лучей солнца, стояли вытянувшись въ рядъ люди въ коническихъ соломенныхъ шляпахъ и въ короткихъ синихъ блузкахъ съ нарисованными на спинахъ бѣлой краской какой-то буквой. Они стояли, опираясь на изящныя двухколесныя колясочки на резиновыхъ шинахъ, съ бархатными сидѣніями и лакированными оглобелями. Это были рикши.

Банковскій служащій сказалъ имъ что-то, отвѣтомъ на что было почтительное хихиканье въ честь иностранцевъ, послѣ чего клеркъ сдѣлалъ серьезное лицо и остался ждать.

Скороходовъ рѣшительно взобрался на пружинное сидѣнье, Стрежневъ, не сказавъ ничего про униженіе человека (чего ждалъ отъ него Скороходовъ), сѣлъ тоже, и они покатили. Рикши рванулись съ мѣста, какъ застоившіеся рысаки, и бѣгъ ихъ мало чѣмъ отличался отъ лошадиного. Только не было цоканья копытъ, а мягкое

шлепанье резиновой подошвы. Изрѣдка скороходовскій рикша оборачивалъ свое сморщенное въ улыбку лицо. «Смѣющаяся лошадь», подумалось ему.

Отсюда, съ широкой улицы, ясно было видно на горѣ бѣлое пятно кладбища съ темной купой кипарисовъ и какимъ-то большимъ строеніемъ сбоку. Однако, рикши не повезли по прямому направленію, а стали забирать влѣво на гору.

Европейская часть города кончалась. Дорога стала круто подыматься. Рикши, тяжело дыша, поплелись шагомъ. Сзади ихъ вырвалась колясочка съ двумя рикшами въ оглобляхъ и съ третьимъ, подталкивавшимъ ее сзади, и рысью промчалась въ гору. Какой-то европеецъ въ тропическомъ шлемѣ съ вуалью сидѣлъ въ ней.

«Консула», хихикнулъ рикша, повернувъ свое старческое лицо.

Жара становилась невыносимой.

Мѣсто, куда они прибыли, было повидимому спеціального характера, потому что отовсюду изъза раздвинутыхъ стѣнъ на нихъ смотрѣли улыбающіяся женскія лица, набѣленные, съ тонкими черными бровями. Они кивали, дѣлали знаки.

Въ одномъ домѣ стояла молодая дѣвушка до пояса обнаженная. Она только что умылась и вытирала грудь.

— Мадамъ, — сказалъ рикша и захихикалъ. Затѣмъ онъ остановился и протянулъ руку, ладонью кверху. Остановился и рикша Стрежнева и тоже протянулъ руку.

«Японія», съ тоской сказалъ себѣ Скороходовъ, «японская женщина и свѣтловолосый мужчина съ другого конца свѣта». И онъ все не могъ оторвать глазъ отъ груди японки. Стрежневъ спасъ положеніе. Онъ быстро расплатился съ рикшами и рѣшительно пошелъ въ гору, сухо бросивъ: «Ты съ ума сошелъ! Забылъ, вѣроятно,

куда мы идемъ!». И гардемарины ушли, удививъ обоихъ рикшъ и полногрудую дѣвушку.

Бѣлая, сверкавшая кристаллическимъ блескомъ, еще никогда не виданнаго японскаго гравія, дорожка началась за строеніями женскаго квартала. Какъ только обогнули лѣсопильный заводъ со ставшимъ уже обычнымъ, прежде удивительнымъ запахомъ сандала и японской сосны, сразу открылся склонъ горы со стоявшимъ на вершинѣ ея кладбищемъ.

Передъ ними была кладбищенская ограда, выкрашенная въ темно-красный цвѣтъ съ воротами японской архитектуры. Сбоку отъ кладбища, вправо, стоялъ большой буддійскій храмъ, строго смотря изъ подъ своей мощной кровли съ опущенными углами. Въ немъ стояла огромная статуя Дайбутсу съ отрядомъ каменныхъ изваяній — добрыхъ духовъ, охранявшихъ его отъ злыхъ. Оконъ въ храмѣ не было. Свѣтъ падалъ сквозь отверстія между кровлей и стѣнами, благодаря чему храмъ былъ въ полумракѣ. Черныя огромныя колонны тускло поблескивали старинной позолотой. На мягкихъ подушкахъ-цыновкахъ стояло нѣсколько дѣтскихъ фигурокъ въ шелковыхъ халатикахъ съ огромными бантами отъ поясовъ и нѣсколько древнихъ стариковъ. Въ этомъ экзотизмѣ, тишинѣ, полумракѣ, въ этомъ запахѣ, чувствовался сильнѣе и неоспоримѣе иной міръ, могучій, какъ будто, бросающій вызовъ Западу, чувствовалась жуткая прелесть и очарованье незнакомой и удивительной страны.

Выйдя изъ храма, гардемарины столкнулись у воротъ кладбищенской ограды съ выходившими оттуда двумя японцами. Одинъ былъ въ киримонѣ, а другой въ круглыхъ очкахъ и рясѣ православнаго священника. Они не обратили никакого вниманія на входившихъ молодыхъ людей. Скороходова и Стрежнева окружили сна-

чала японскія могилы. У подножья каждой изъ нихъ былъ воткнутъ короткій бамбукъ. Пovyше, шагахъ въ ста, возвышалась граціозная мраморная колонна. — памятникъ на братской могилѣ погибшихъ у Цусимы.

Отсюда море было видно на огромное разстояніе.

Оно было теперь ярко-синимъ и свѣжимъ. Со всѣхъ сторонъ сновали моторные боты, сампаны съ одной мачтой и четырехугольнымъ парусомъ и большія, тяжелыя китайскія джонки съ ихъ странной раздвоенной кормой. Огромный «купецъ» съ короткими безобразными мачтами, окруженными щупальцами элеваторовъ, чудовищное вмѣстилище груза, гудѣлъ придушеннымъ низкимъ басомъ, и видно было, какъ сначала рядомъ съ его толстой трубой вылетаетъ струйка пара, а затѣмъ черезъ нѣсколько мгновеній долеталъ ревъ, въ которомъ можно было разобрать двѣ буквы: «в» и «ж». Онъ звалъ лоцмана.

На рейдѣ стоялъ «Орель», а недалеко отъ него игрушечный итальянскій стаціонеръ.

На кладбищѣ не было никого, и больше, чѣмъ гдѣ-либо пахло сандаломъ, соснами и мимозой. Птицъ не было, пролетали огромныя бабочки. Гардемарины присѣли на могилу и долго молчали. «Когда Будда черезъ бамбуковую трубку позоветъ своихъ на страшный судъ, что будутъ дѣлать тѣ, на чьихъ могилахъ стоятъ кресты?», спросилъ Скороходовъ. Стрежневъ промолчалъ. — Нарви пальмовыхъ вѣтвей, — сказалъ онъ, подумавъ.

Скороходовъ поднялся и подошелъ къ одной пальмѣ, гдѣ росла довольно высоко отъ земли необыкновенно крупная вѣтка. Чтобы ухватиться за нее, необходимо было встать на рѣшетку сосѣдней могилы. Въ ней была продѣлана маленькая дѣверь, на которой была прибита металлическая табличка. Влѣзши на рѣшетку, Скороходовъ сильно рванулъ вѣтку. Она не поддалась и потяну-

ла его за собой. Чтобы не упасть, онъ долженъ былъ сильно откинуться назадъ. При этомъ его взглядъ упалъ на табличку съ надписью. За мгновеніе, которое онъ потратилъ на это движеніе, ему удалось прочесть цѣликомъ одно слово: «Надежда», затѣмъ шла фамилія, оканчивающаяся на «лова». Онъ соскочилъ съ рѣшетки и прочелъ: «Здѣсь покоится прахъ Надежды Вавиловой, погибшей при крушеніи парохода «Калланда» въ 19... году, въ Японскомъ морѣ».

Это была маленькая голубая табличка съ золотыми буквами, и то, о чемъ говорили эти буквы, шло изъ страны забвенія. За рѣшеткой глаза Скороходова видѣли стоявшую въ отдаленіи угрюмую кумирню, и рядомъ съ рѣшеткой покачивалась потревоженная имъ пальма. Съ моря купецъ все звалъ лоцмана.

Онъ отошелъ въ сторону, сѣлъ на могилу и, закрывъ руками лицо, старался сообразить, вспомнить что-то.

И вдругъ изъ сумбура впечатлѣній отъ встрѣчъ, своего и чужого, случайнаго и важнаго, ужаливъ его душу глубоко и настойчиво, выплыли изъ міра тѣней два черныхъ глаза. Они, улыбаясь, посмотрѣли на него и опять затянулись туманомъ. Онъ все не могъ вспомнить.

Черезъ мигъ передъ нимъ появилось и стало со-всѣмъ близко смѣющееся лицо съ яркимъ раскрытымъ ртомъ, пушкомъ на верхней губѣ и ровными влажными зубами.

Скороходовъ поднялся. — На ту-же высоту поднялось передъ нимъ лицо. Онъ сѣлъ. И вмѣстѣ съ нимъ опустилось милое, радостное, молодое лицо. Это была Надя Вавилова, такой, какой она была 6 лѣтъ назадъ, на балу въ Институтѣ. Онъ далъ ей тогда свои стихи. Она спрятала ихъ на груди подъ форменной косынкой и, осторожно положивъ маленькую ручку въ короткой замшевой перчаткѣ на твердый галунъ его погона, сдѣ-

лала на пальцахъ первое па вальса по скользкому блестящему паркету.

И вотъ она опять, Надя Вавилова!

Значить, она была въ изумрудной водѣ, которой онъ любовался сегодня на зарѣ, и вокругъ ея мертвенно изящнаго тѣла покачивались медузы съ радужными мантиями, не обращая на нее вниманія, потому что она не изъ ихъ міра!

Волны затѣмъ выбросили ее на Нагассакскія скалы, распухшую и разбитую.

И теперь она была здѣсь передъ нимъ. На днѣ могилы лежитъ ея тоненькій скелетъ. И опять, въ прозрачной дымкѣ отошедшихъ навсегда вещей, проплыли передъ нимъ большіе радостные глаза.

Скороходовъ отвернулся отъ могилы. Море начинало вскипать бѣлками, но прежней ясности картины не было, такъ какъ хрустальные стекла стали передъ его глазами и дробили лучи солнца на радужныя нити.

КОЛЯ ТУРОКЪ

Въ эту ночь Коля Турокъ, рыбакъ изъ «Круглой Бухты», отправлялся въ третій разъ за это лѣто «рѣзать сѣтки». — Дѣло рискованное, потому что рыбаки того, кто крадетъ ихъ богатство, сѣти, убиваютъ, какъ крестьяне — конокрада.

Коля Турокъ работалъ въ одиночку, и до сихъ поръ ему казалось, ни въ комъ не возбуждалъ подозрѣній.

Но это ему лишь казалось, потому что сегодня 8-лѣтній мальчишка, Ванька (Уванька, какъ называлъ его отецъ, рыбакъ Василій) терпѣливо сидѣлъ въ колючихъ кустахъ дерезы, что росла надъ обрывомъ, у тропинки, спускающейся въ бухту, уже съ самаго наступленія темноты.

Былъ темный вечеръ середины августа, беззвѣздный и безлунный. Небо и море сливались другъ съ другомъ у самой прибрежной полосы и казались необъятной черной дырой. Для того, чтобы почувствовать море въ такую ночь, нужно сѣсть въ лодку и отчалить и тогда по мягкому покачиванію и по особому ощущенію сопротивленія массы болѣе плотной, чѣмъ воздухъ, можно понять, что находишься на водѣ.

Вѣтра совсѣмъ не было, когда Коля Турокъ осторожно спустился босикомъ по скользкой глинистой дорожкѣ къ берегу, «отчаянный Коля», какъ его называли горничныя окрестныхъ дачъ.

Сырость густыми каплями опустилась на кусты дерезы и на траву по краямъ тропинки, свѣтляковъ не было, и сверчки не трещали. — Все притаилось и слушало, какъ Турокъ спускался въ своей легкой шаландѣ «въ двѣ доски» (бортъ въ двѣ доски высотой), чтобы въ третій разъ рѣзать сѣтки у своихъ товарищей-рыбаковъ.

Какъ маленькая юркая ящерица метнулся мальчонка Ванька, сидѣвшій въ кустахъ дерезы, когда Коля Турокъ спустился на берегъ къ своей шаландѣ. Метнулся Ванька, и опять замеръ. Вытянулъ свою льняного цвѣта голову на грязной, до черноты загорѣлой шеѣ, подождалъ минутку, не услышалъ-ли Турокъ, а потомъ тихонько выползъ изъ кустовъ и зашлепалъ грязными дѣтскими лапками по длинной аллеѣ, ведущей къ домику садовника Григорія, сильнаго, смѣлаго, любившаго прогуливаться по ночамъ по парку съ арапникомъ, которымъ онъ билъ хилыхъ дачныхъ воришекъ.

Коля же Турокъ въ это время спускалъ на воду шаланду.

Еще днемъ онъ ее поставилъ у самой воды на камни, обросшіе тиной, чтобы не шуршала по гравію, когда будетъ спускать. И не замѣтилъ онъ тогда, какъ угрюмо посмотрѣлъ на него Ванькинъ отецъ.

Легко сошла на воду шаланда, только слабо булькнула вода подъ пойолами. Прислушался Коля. — Все тихо кругомъ: Досталъ онъ тряпки, тѣ самыя, чѣмъ выстилаютъ рыбаки корзины для рыбы, когда несутъ ее на рынокъ продавать. Безъ шума досталъ легкія буковыя весла (не для работы весла, а прогулочныя) и обвязалъ ихъ неширокія лопасти этими тряпками.

Затѣмъ вошелъ въ воду и тихонько повелъ рядомъ съ собой, какъ послушную собаку, шаланду. Провелъ онъ ее такъ нѣсколько шаговъ, пока вода не дошла до

колѣнъ, и, осторожно переложивъ черезъ бортъ ногу въ прилипшей штанинѣ, тихонько забрался въ шаланду.

Весла были на мѣстахъ, на крѣпкихъ новыхъ ремянныхъ штропахъ. Какъ на пружинахъ повернулъ ихъ Турокъ и безшумно опустилъ на воду.

Странно и смѣшно грести ему веслами, замотанными въ тряпки, какъ будто палку въ тѣсто тычешь, и ничего не слышишь, когда гребешь. Изъ воды только вытаскивать трудно.

Какъ погребъ Коля съ поль-версты, снялъ съ весель тряпки и пошелъ грести сильно и нѣжно. — Здоровый онъ былъ и хорошо гребъ! Зналъ онъ, что грекъ Анастасъ и его «ямщикъ» (помощникъ) «сыпали сѣтки» у второй Балки (мели), значить, версть 7 отъ берега. Сѣтки были хорошия, и овидіопольскій воръ, «Цыганъ», съ которымъ у Коли предстоитъ встрѣча подъ утро у Большешонганскаго маяка, дастъ за нихъ хорошо.

Чтобы не пропустить сѣтокъ въ такую темную ночь, когда не увидать ихъ толстыхъ пробочныхъ поплавковъ, Коля на двѣ дыры опустилъ «швертъ» (выдвижной киль), зная, что такъ никакъ не пропуститъ, — обязательно зацѣпитъ сѣтки, когда будетъ проходить надъ ними.

Когда уже оставалось недалеко до мѣста, вспомнилъ Коля, что забылъ онъ обвязать щиколотку ноги новой красной ниткой, — старая истерлась. А нужно это отъ ревматизма и чтобы на водѣ не потонуть. И сразу грустно ему сдѣлалось, въ особенности какъ вспомнилъ, что въ третій разъ идетъ онъ на такое дѣло. Серьезная это вещь — на третій разъ!

А не хорошо грустить, когда на отчаянное дѣло идешь, — зналъ это Коля Турокъ, — потому что, когда на душѣ мутно, слабѣе человекъ дѣлается.

И такъ вышло, что чуть на него буксирный паро-

ходъ не набѣжалъ. Видѣлъ онъ издали его огоньки, красный, да зеленый, да какъ-то не думалъ, что какъ разъ здѣсь она идѣтъ, дорога Херсонскаго буксира.

Быстро пробѣжалъ огромный буксиръ съ глухо, въ три такта работавшей машиной, такъ близко, что высоко вскочила на волну Колина шаланда. А какъ стали бѣжать за нимъ темныя и молчаливыя высокія баржи, совсѣмъ нехорошо сдѣлалось Колѣ Турку. Страхъ сталъ его бить. И неизвѣстно почему началъ онъ тогда думать о томъ, что было 20 лѣтъ назадъ, когда ему не больше 10-ти лѣтъ было.

— На этой самой Херсонской линіи...

Въ темный августовскій вечеръ шелъ тяжелый «дубокъ» (шхуна) съ «монастырскими» арбузами. Его звали «Св. Пантелеймонъ» и принадлежалъ онъ Никитѣ Турку, Колиному отцу.

Ихъ было только двое на большомъ дубкѣ. Отецъ и сынъ.

Но Коля въ десять лѣтъ вертѣлъ свободно корсткій и толстый румпель руля («руль поверталь»), тянулъ тяжелые шершавые концы, управлялъ яликомъ съ Пантелеймона, стоя на кормѣ и работая однимъ весломъ, какъ рыба хвостомъ (галанилъ).

Въ день отхода изъ Херсона, отецъ Коли поссорился со своимъ матросомъ. Была драка. Ясно видитъ Турокъ передъ своими глазами эту отвратительную картину на ихъ дубкѣ: босыя ноги двухъ мужиковъ, скользящія по темнымъ шарамъ арбузовъ, хряскъ отъ ударовъ по головамъ, чѣмъ попало, кровь.

Никита Турокъ вышелъ побѣдителемъ, матросъ былъ выброшенъ на пристань. Но была одна непріятная вещь въ этой исторіи, тревожившая Колю. — Это то, что у отца на спинѣ, повыше пояса была узкая, какъ красная

нитка, ранка, которая слегка кровоточила. И еще отецъ сталъ иногда кашлять и отхаркивать кровь.

Однако, надо было «бѣжать» въ Одессу, везти арбузы.

Они вышли въ море. Помнить Коля Турокъ весь этотъ тревожный переходъ.

Пока шли днѣпровскими гирлами былъ хорошій попутный вѣтеръ, по желто-сѣрой водѣ прыгали бѣляки. Грубая полотнища парусовъ фока и грота надулись и стали твердыми. Шкоты натянулись на «уткахъ», полируя ихъ старое дерево, и большой дубокъ грузно и непреодолимѣ вытѣснялъ вскипавшую подъ его грудью воду.

Это былъ любимый вѣтеръ мальчика, — попутный.

При такомъ курсѣ отецъ не позволялъ ему стоять на руль, — опасно, не справится мальчонка, если вѣтеръ зайдетъ, да переброситъ паруса на другую сторону. Но теперь, когда шли безъ матроса, отецъ далъ ему это мѣсто, а самъ сталъ на шкотахъ, готовый къ повороту, какъ только выйдутъ въ море. И тутъ случилось съ отцомъ то, чего никогда еще не было. Какъ стали вертѣть къ вѣтру, онъ чуть не выпустилъ изъ рукъ толстой веревки, шкота, парусъ освободился, «загулялъ» и сталъ «банить» (биться) со звуками пистолетныхъ выстрѣловъ. Когда-же отецъ управился, онъ густо закашлялся, схватился за спину и сказалъ: «Не иначе, злодѣй меня ножомъ ударилъ». И отъ этихъ словъ сдѣлалось мальчику холодно.

Вечеромъ открыли большефонтанскій маякъ и стали «ливировать», то далеко уходя въ море, то возвращаясь обратно къ берегу, такъ близко, что видны были огни дачъ. И все время не уходила у Коли изъ головы мысль: сдѣлали его батѣ въ спинѣ дырку ножомъ!

И помнить Коля Турокъ, какъ въ этотъ вечеръ, то-

же вотъ такъ, на этомъ разстояніи отъ берега, рѣзалъ имъ дорогу яркоосвѣщенный пассажирскій пароходъ «Графъ Тотлебенъ». Зналъ его хорошо Коля, потому, что стоялъ онъ въ Одессѣ въ той-же гавани, что и дубки, — въ Каботажной.

Всегда училъ его отецъ: «Не сдавайся передъ пароходами, потому должны они паруснымъ судамъ дорогу давать».

И какъ разъ, какъ показался «Графъ Тотлебенъ», пересталъ отецъ Колѣ отвѣчать.

Вдругъ сталъ Пантелеймонъ къ вѣтру бѣжать, захопалъ парусами и сталъ, въ «дрейфъ легъ». А пароходъ все ближе, — не ждалъ, что дубокъ подъ его носомъ вертѣть начнетъ.

«Батъка», кричитъ Колька, «куды прешь!». Но ничего не отвѣтилъ ему отецъ. Подбѣжалъ мальчикъ къ рулю, смотреть, — опустилса его батя на люкъ, голову на плечо склонилъ, будто спитъ, а румпель вправо и влево ходитъ и его по лицу бьетъ. Понялъ сразу Коля, что кончился его отецъ, но былъ онъ морякъ и зналъ, что прежде всего дубокъ спасать надо. — Сталъ онъ на руль, легъ въ полъ-вѣтра и подъ самымъ графъ-Тотлебенскимъ носомъ увелъ дубокъ отъ столкновенія. Положилъ онъ отца на палубу, кровь у него изо рта пошла.

И до самага утра бился онъ одинъ противъ свѣжаго противнаго вѣтра и ввелъ тяжелаго «Св. Пантелеймона» въ большую Заграничную гавань, до Каботажной уже не могъ вылавироваться. Пропечатали въ газетахъ тогда Колю Турка за геройство.

Вспомнилъ обо всемъ этомъ теперь черезъ столько лѣтъ Коля и опять, какъ тогда, пожалѣлъ своего отца. Плакать онъ не умѣлъ, но сильно взяло его за сердце.

... Далеко уже убѣжалъ Херсонскій буксиръ съ баржами.

Одинъ лишь огонекъ оставили они за собой въ темнотѣ: желтенькій. И все — тоска Колѣ...

Вдругъ, когда онъ объ этомъ и думать позабылъ, шаланда натянула что-то упругое, стала и пошла назадъ.

Это были сѣти.

Показалось Турку, что гдѣ-то, совсѣмъ недалеко, справа отъ него, какъ будто весло о бортъ стукнуло. — Короткій стукъ, дерево о дерево. Насторожился онъ, какъ заяцъ.

— Нѣтъ, ничего не слышать. И какъ разъ, какъ на бѣду сталъ въ порту пароходъ гудѣть, третій гудокъ давать:

Все покрылъ низкій ревъ. Три раза гудѣлъ пароходъ, и былъ, казалось Турку, безъ конца каждый гудокъ.

Вотъ какъ разъ подъ прикрытіемъ этого рева, отъ котораго въ груди дрожить, и навалились на весла на шаландахъ, что бѣжали со всѣхъ сторонъ изъ темноты.

Было ихъ три, и на каждой гребли по три пары и гребли изо всѣхъ силъ озвѣрѣлые люди. Зналъ Турокъ, что на него идетъ эта охота, только на него одного, что на этой темной водѣ подъ сырымъ, низкимъ небомъ, безъ единой звѣздочки, сейчасъ рѣшится его судьба. И двѣ у него надежды: низкая, ходкая шаланда, да крѣпкія мышцы на рукахъ, спинѣ и животѣ. И не будетъ ему пощады, если ошибется въ чемъ.

Бросился онъ къ выдвижному килю, чтобы вытащить его и освободиться отъ сѣтокъ. — Не пошла доска кверху, зацѣпилась за сѣтку.

Рванулъ Турокъ что было мочи, порвалъ крѣпкую нитку сѣтей, освободился и прыгнулъ къ весламъ. Присталъ надъ банкой (скамейкой), уцѣпился босыми пальцами ногъ въ сосѣднюю банку и, забросивъ далеко назадъ весла, вонзилъ ихъ съ отчаяніемъ въ черную

соленую воду. — Далеко бросилъ свою шаланду Турокъ первымъ гребкомъ. Но уже видны были всѣ шаланды. Прямо на него справа бѣжала большая, очаковского типа шаланда грека Анастаса, которому принадлежали съѣти. Она называлась «Танго». Кромѣ Анастаса, на ней были его ящикъ и садовникъ Григорій.

Въ пылу погони, почти наскочивъ на Турка, они сбились и перепутали весла. Это спасло его, потому, что не удалось бы ему проскочить передъ ихъ носомъ. Анастасъ визгливо выругался, а Григорій со страшной силой швырнулъ въ Турка плоскимъ круглымъ камнемъ, изъ тѣхъ, что рыбаки привязываютъ къ нижнему краю сѣтокъ для груза.

Турокъ нагнулъ голову, и камень глухо стукнулъ его по плечу, почти перебивъ ключицу. Но опять привсталъ онъ и опять сдѣлалъ отчаянный гребокъ. Вода брызнула изъ килевого ящика отъ огромнаго хода шаланды. И остались всѣ три шаланды позади. — Двѣ, рядомъ, третья немного отставая.

И начали тогда на шаландахъ кричать такъ ужасно, что тошно сдѣлалось преслѣдуемому Турку. — Для того и кричали, чтобы страхъ вошелъ въ него и руки слабыми сдѣлались.

Удивился Турокъ, что не можетъ онъ бросить шаланды, какъ раньше. Разстояніе не уменьшалось, правда, но и не увеличивалось. Правда, по три здоровыхъ чело-вѣка гребли на нихъ, но не должны были они равняться съ Туркомъ и его гоночной шаландой. Не догадался онъ сразу, что отъ ушибленнаго плеча это происходитъ, — нѣтъ такой силы въ лѣвой рукѣ.

Долго гнали Турка шаланды въ море.

Затѣмъ онѣ перестроились. «Танго» гнала, а двѣ другія пошли по косою, вправо и влѣво, чтобы не могъ Турокъ повернуть къ берегу.

«Не убѣчь мнѣ», тоскливо сказалъ онъ себѣ вслухъ, «погибать мнѣ надо». И только онъ это сказалъ, лопнулъ у него на правомъ веслѣ крѣпкій ремянной штропъ, на которомъ оно ходило.

Не долго думаль Турокъ, далеко бросилъ отъ себя освободившееся весло и кинулся самъ головой внизъ въ воду.

Уже находясь подъ водой, услышалъ онъ страшный стукъ отъ столкновения Анастасовой шаланды съ его пустой.

Но не успѣлъ онъ достаточно воздуха въ грудь набрать передъ ныркомъ и, хоть долго онъ подъ водой могъ сидѣть (всѣ призы на праздникахъ общества спасенія на водахъ забираль Турокъ), но тутъ не смогъ, — вынырнулъ, и чуть головой о дно шаланды не стукнулся. — Догадался хитрый Анастасъ и назадъ пошелъ, къ тому мѣсту, гдѣ, по его расчету, долженъ былъ вынырнуть Турокъ. Однако, его никто не увидѣлъ въ первый моментъ. Пользуясь темнотой, чуть придержался онъ руками за бортъ шаланды, у самой кормы, чтобы подышать, да побольше воздуху набрать. Суета была въ шаландѣ, не понимали, куда Турокъ могъ дѣваться и шопотомъ говорили, чтобъ не услышалъ онъ. И только хотѣлъ Турокъ подальше нырнуть, вдоль берега на этотъ разъ, чтобъ съ толку сбить, а потомъ къ берегу поплыть (могъ, зналъ онъ, это разстояніе одолѣть), ахнулъ его изо всей мочи ребромъ весла Григорій по пальцамъ. Разомъ отшибъ ему четыре пальца и, какъ на тряпкахъ повисли мертвыя фаланги.

Одно только понялъ тогда Турокъ: что въ шаланду надо прыгнуть и враговъ своихъ передъ смертью погрызть.

Мокрый и страшный, однимъ прыжкомъ оказался онъ въ лодкѣ и прохрипѣвъ: «Что вы терзаете меня,

псы!», схватилъ камень изъ корзины, что стояла на днѣ и разбилъ имъ Анастасу лицо.

Но уже работникъ Анастаса обвился вокругъ ногъ Турка и Григорій со свирѣпой радостью обвилъ его сзади своими побѣдными руками.

Когда вскорѣ поровнялись вторая и третья шаланды, «Капризъ» и «Дачница», все было уже кончено. Турокъ хрипѣлъ, но мысли въ немъ уже не было.

Крѣпко связанный смоленымъ концомъ, съ чугунной баластиной въ ногахъ, онъ пошелъ въ воду съ тѣмъ легкимъ всплескомъ, который бываетъ, когда бросаютъ въ море тяжесть съ небольшой высоты.

... Поднялся вѣтерокъ, постепенно свѣжѣвшій, и рыбаки стали совѣщаться, не пойти ли имъ къ берегу подъ парусами.

У «КРУГЛОЙ БУХТЫ»

Вечеръ тихонько спускается. На морѣ безвѣтріе.

Кажется, что у природы сегодня воскресенье — такъ спокойно, такой отдыхъ.

Наверху, на дачѣ, гдѣ живетъ мировой судья, играютъ Шопена. Исполненіе его исправлено и дополнено сумерками, запахомъ сирени и огромной водной поверхностью палеваго цвѣта.

Тамъ, далеко, море туманится и переходитъ въ небо такого же цвѣта.

Постепенно, въ одномъ мѣстѣ на горизонтѣ розовато-серебряный полукругъ луны начинаетъ прорѣзывать туманъ.

Прерывистая струйка ртути медленно потекла отсюда, къ берегу. Еще нѣсколько минутъ, и въ двухъ-трехъ шагахъ отъ меня, на водѣ, у темной скалы, съ которой свисаетъ борода черной травы, сразу вырисовывается и начинаетъ дрожать яркій осколокъ луны.

Я лежу у самой воды въ Круглой Бухтѣ и гляжу на свой боть, «Бамбино», стоящій на якорѣ на самой серединѣ бухты. Онъ медленно ходитъ вокругъ своего боченка, какъ молодая лошадка на привязи. Иногда «Бамбино» дергается и останавливается насторожившись. Тонкая высокая мачта его вонзается въ небо, и я вижу, какъ маленькій вымпелъ описываетъ едва замѣтный кругъ среди зеленоватыхъ, еще блѣдныхъ звѣздъ, —

первыхъ, вечернихъ. Затѣмъ, прислушавшись къ Шопену, который теперь звучитъ яснѣе, такъ какъ потянулъ нѣжный бризъ, онъ продолжаетъ свое движеніе.

Я понимаю его; ему нравится ходить подъ музыку.

Изъ-за темныхъ декорацій скаль, образующихъ бухту, далеко-далеко, миляхъ въ пяти, показывается штилюющій уже сутки у нашихъ береговъ большой бригъ, «Санта Марія», изъ Бразиліи. — Я подходилъ къ нему утромъ на тузѣ. На меня смотрѣли черныя лица матросовъ-негровъ. Днемъ онъ былъ весь бѣлый, а теперь смягчился и подъ луной онъ призрачно-бирюзовый.

Снова я люблю «Бамбино» и думаю о томъ, какъ отлично ходитъ онъ въ свѣжій вѣтеръ, подымаясь на волну, дрожа отъ страсти при быстромъ ходѣ. Мысль, что это наслажденіе повторится еще много разъ, дѣлаетъ меня счастливымъ. — До конца лѣта еще далеко...

Внезапно, съ безпокойнымъ всплескомъ быстро разсѣкаемой воды, совсѣмъ близко отъ берега проходитъ большая яхта. Бризъ положилъ ее на бокъ. Я вижу на ея кормѣ группу людей, залитыхъ луннымъ свѣтомъ. Звуки мандолины, женскій голосъ, начавшій и оборвавшій музыкальную фразу, смѣхъ доносятся отсюда.

Яхта отдаетъ паруса и спускается въ море. Скоро она дѣлается похожей на туманную птицу.

Изъ сосѣдней бухты знакомые рыбаки тихо выходятъ на большой шаландѣ «сыпать» сѣтки.

Ихъ лодка удаляется, дѣлается все меньше...

Вотъ она вошла въ лунную полосу...

Луна подымается все выше, и все шире становится серебряная, торжественно-прекрасная дорога...

У меня до сихъ поръ хранится портмонэ, неизмѣнно сопутствующее мнѣ во всѣхъ эмигрантскихъ моихъ странствованіяхъ. Когда мнѣ приходится сниматься съ якоря, и я укладываю свои вещи, я беру въ руки эту истертую кожаную вещицу и открываю ее.

Тамъ лежитъ нѣсколько квитанцій почтовыхъ переводовъ.

Глядя на даты штемпелей я вспоминаю, что вотъ тогда-то и тогда-то я отправилъ деньги своей покойной матери и думаю о томъ, что она лежитъ теперь на кладбищѣ далекой Россіи и что это хорошо, что она умерла до революцій и не пережила всего того, что видѣлъ я.

Затѣмъ, я достаю изъ портмонэ двадцатикопеечную монету. Она позеленѣла и почернѣла, и когда я ее держу, мнѣ кажется, будто въ моихъ рукахъ монета изъ гробницы Тутанкамона, — такой далекой и невозможной рисуется мнѣ эпоха, когда она была вычеканена. Тысячелѣтія назадъ!

И еще лежитъ тамъ, въ этомъ портмонэ ключъ отъ американскаго замка съ надписью «Yale». — Была такая система замковъ въ Россіи, очень распространенная.

Это ключъ отъ моей петербургской квартиры на Большой Зелениной. По существу, онъ безцѣленъ, потому что никогда не откроетъ больше двери, для которой онъ предназначенъ, онъ можетъ служить только сувениромъ.

Одинъ разъ, правда, я заставилъ его вспомнить прошлое. Одинъ разъ, уже изъ изгнанія, пробравшись тайкомъ въ Петербургъ, я снова вложилъ его въ замочную скважину двери своей квартиры и вошелъ туда.

Но больше этого не будетъ, у меня такое чувство. Я хочу рассказать объ этомъ маленькомъ происшествіи.

Въ то время я былъ секретнымъ курьеромъ одной изъ союзныхъ державъ.

Въ компаніи двухъ финновъ-контрабандистовъ я продѣлалъ трудный переходъ на гребной шлюпкѣ черезъ Финскій заливъ въ довольно свѣжую погоду. Финны мои были смѣлые люди и хорошіе, неутомимые гребцы.

По пути мы должны были зайти на Толбухинъ маякъ, стоящій на одинокой скалѣ посреди залива, но ночью мы прошли мимо, не замѣтивъ его изъ-за темноты. Онъ не горѣлъ въ то военное время, и было почти невозможно найти его ночью.

Подъ утро, находясь уже у русскаго берега, мы увидѣли маякъ далеко позади себя, въ видѣ туманной колонки. И мы снова стали грести обратно противъ частой и злой волны. Намъ нужно было попасть на маякъ во что бы то ни стало, такъ какъ тамъ насъ ждали матросы-контрабандисты, которые должны были дать намъ свѣдѣнія о патруляхъ на станціи «Спасательной», куда мы направлялись.

И вотъ, послѣ цѣлой ночи безпрестанной гребли, мы должны были снова грести обратно четыре часа. Пузыри, вздувшіеся на ладоняхъ, лопнули, мясо открылось и рукоятки веселъ были въ крови.

Когда, наконецъ, мы пришли на маякъ, оказалось, что наканунѣ команда его перемѣнилась, и среди матросовъ не было никого, кого-бы знали мои финны.

Я былъ одѣтъ финскимъ рыбакомъ. На мнѣ была синяя вязанка съ высокимъ глухимъ воротникомъ, рыбачьи, выше колѣнъ сапоги и картузь съ кожанымъ козырькомъ.

Я нарочно не брилъ двѣ недѣли бороды, и теперь все мое лицо густо заросло щетиной.

Но у меня были бѣлыя «непролетарскія» руки. Когда мы зашли въ помѣщеніе команды, одинъ высокій матросъ все время пристально смотрѣлъ на насъ. Потомъ онъ поднялся, дошелъ до двери, обернулся, еще разъ посмотрѣлъ на меня и пошелъ.

Онъ отправился звонить по телефону въ Кронштадтъ, что на маякѣ высадились подозрительные люди. Но телефонъ былъ испорченъ, и онъ не смогъ ничего донести.

Ихъ было пятеро, насъ — трое. Они, очевидно, не хотѣли получить пулю въ голову или животъ, для того, чтобы принести жертву на алтарь революціи, поэтому имъ пришлось сдѣлать видъ, что они вѣрятъ нашимъ рассказямъ, и они насъ выпустили съ неохотой и злобой.

Мы опять сѣли на весла съ клейкими рукоятками и, борясь со сномъ и невѣроятной усталостью, снова стали грести, такъ и не узнавъ, какъ ходятъ патрули въ прибрежной къ станціи «Спасательной» полосѣ.

Когда маякъ былъ далеко позади, мы повернули къ берегу. Погони не могло быть. Они, вѣроятно, отливали воду изъ затопленнаго мной баркаса. Я вынулъ изъ дна его пробку, когда былъ на маякѣ. Въ чемъ дѣло, они не скоро еще могли догадаться, а мы въ это время приставали къ мелкому и песчаному берегу «Спасательной».

Тамъ, въ кузницѣ восьмидесятилѣтняго кузнеца корелла мы оставались до утра.

Войдя въ эту кузницу, я упалъ, какъ подкошенный, на земляной полъ, недалеко отъ чернаго горна и наковальни, гдѣ хлопоталъ помощникъ кузнеца, маленькій, почти карликъ, весь прокопченный дымомъ, персонажъ изъ Калеваллы.

Я погрузился въ глубокой сонъ, длившійся до вечера...

**
*

Подъ вечеръ, я вышелъ изъ избы на песчаный берегъ, чтобы посмотрѣть на Кронштадтъ, лежавшій какъ разъ напротивъ, на низкомъ горизонтѣ. Тамъ начинали теплиться мягкіе огоньки.

... Тамъ я мучился, и оттуда бѣжалъ. Издали, все было какъ раньше, но я зналъ, что это ложь.

Мои ладони нарывали и горѣли. Тоска охватила мою душу.

Утромъ, по желѣзной дорогѣ мы добрались до Балтійскаго вокзала. Спустившись съ перрона, мы вышли на людную когда-то площадь. — Не было грохота тяжелыхъ воевъ по мостовой, не было рабочей, живой и сильной толпы, какъ раньше, и тишину нарушали лишь звонки трамваевъ, звенѣвшихъ по прежнему, но отъ нихъ дѣлалось еще тоскливѣе. Вдали, въ сизомъ туманѣ, плылъ въ воздухѣ колоссальный куполъ Исаакія, какъ памятникъ на кладбищѣ мертваго города...

Когда, выполнивъ порученіе и переодѣвшись, я шелъ въ шикарней, длинной до пяты «комиссарской» шинели, съ портфелемъ подъ мышкой по Каменноостровскому проспекту, выбритый и вымытый, мнѣ казалось далекимъ то время, когда мы надрывались на веслахъ противъ короткой и злой волны Финскаго залива. Остались лишь бинты на рукахъ, пропитанные неперестававшей итти матеріей.

Я шелъ, какъ во снѣ, по знакомымъ мѣстамъ. Мнѣ казалось, что я иду по мертвымъ улицамъ, что идущіе навстрѣчу — призраки и что, если я самъ проснусь, то умру отъ страданій, перенести которыя я не буду въ силахъ.

Мнѣ необходимо было найти зачарованный уголокъ прошлаго, чтобы забыться въ немъ и отойти.

И, какъ во снѣ, вспомнилъ, что еще раньше, до похода, я рѣшилъ: если мнѣ придется побывать еще въ Петербургѣ, я непременно зайду къ себѣ на квартиру, на Большой Зелениной улицѣ.

У меня въ кармане было мое портмонэ съ ключемъ «Yale» отъ моей квартиры. Я зналъ, что въ ней поселились мои знакомые и что теперь они должны были находиться на дачѣ въ Павловскѣ. Мнѣ нужно было незамѣтно проскользнуть мимо дворника. Въ этомъ заключалась единственная трудность.

Мнѣ хотѣлось зайти въ свою квартиру, чтобы набраться силъ, принявъ нѣсколько капель воспоминаній.

Мнѣ нужно было прикинуть грудью къ прошлому, физически коснуться его, потрогать письменный столъ, перелистать одну изъ моихъ книгъ, потрогать бархатъ моего кресла, посидѣть передъ Маріей Магдалиной знаменитаго мастера Прокачини и глядя на отдѣльныя вещи, повспоминать и погрустить.

Я благополучно пересѣкъ дворъ, и поднялся по лѣстницѣ, никого не встрѣтивъ. Подойдя къ двери, я остановился и вынулъ ключъ. Онъ легко вошелъ въ скважину и мягко отстранилъ пружину замка. Дверь беззвучно открылась, какъ тогда, въ тѣ времена, когда я не жилъ во снѣ.

Мои шаги гулко отозвались въ пустой и пыльной квартирѣ. Она была пуста. Я зашелъ въ кабинетъ. Онъ былъ пустъ, какъ разграбленная могила.

На моемъ письменномъ столѣ лежалъ почему-то голубой парикъ, на мѣстѣ тахты стояла узкая желѣзная койка съ неубранной постелью. На окнѣ лежала разбитая фигура рысака «Холстомѣра», работы Сверчкова,

служившая ему моделью для его «Николая I-го на Марсовомъ полѣ». На потолокъ подъ лампой висѣлъ огромный синій бумажный зонтикъ, вывезенный мной изъ Японіи. Пропуская сквозь себя свѣтъ лампы, онъ погружалъ комнату въ густые лиловые тона. Это было все, что осталось. Не было моихъ картинъ, не было прокачиніевской Магдалины, не было моихъ книгъ, не было бронзы, фарфора, всего того, что я собиралъ вначалѣ съ такимъ трудомъ и радостью.

Я сѣлъ на незнакомый мнѣ плетеный стулъ и смотрѣлъ вокругъ себя, ничего не понимая и не соображая, на эту чужую комнату, въ которой я былъ «у себя».

Меня начинало знобить. Не грусть, а тоска и отчаяніе наполняло мою душу. Было ли это слѣдствіемъ тяжелаго похода и переживаній съ нимъ связанныхъ, но каждая деталь изъ моей прошлой жизни въ этой комнатѣ выросла въ моемъ представленіи въ мучительные образы, какъ у челювѣка, отравленнаго наркотиками.

Передо мной въ углу стояло трюмо, запыленное и загаженное мухами. Я не рѣшался взглянуть въ него. Я опасался, что изъ его холодной поверхности войдутъ въ комнату образы прошлаго. Я самъ себя увѣрялъ, что оттуда, если я посмотрю, на меня взглянуть глаза женщины, которая любила меня и погибла изъ-за меня, послѣ моего побѣга изъ Кронштадта. И въ то-же время меня неудержимо влекло посмотреть. Я зналъ, что посмотрю, если подымусь со стула. Поэтому я не подымался и сидѣлъ, какъ приросшій, не знаю, сколько времени.

Начинало смеркаться, можно было уже зажечь свѣтъ, но это было небезопасно... Кромѣ того, я боялся подняться съ мѣста, чтобы не посмотреть въ зеркало.

Подъ вліяніемъ надвигавшейся темноты и напря-

женной позы, я сталъ испытывать странную галлюцинацію. Мнѣ вдругъ почудилось, что изъ угла несется шопоть.

Я прислушался. — Шопоть повторился. Кто-то шепталъ короткое слово изъ одного слога: «Ми».

Такъ называла меня «она» здѣсь, въ этой комнатѣ въ минуты счастья. Она придумала такое сокращеніе слова «милый».

И я оставался сидѣть такъ, боясь взглянуть въ трюмо и съ ужасомъ прислушиваясь къ звукамъ «ми», тоненькимъ, едва слышнымъ, какъ пискъ мыши.

Весь домъ какъ-бы замеръ. Съ мертвой улицы не доносилось ни одного звука. Голубой парикъ на столѣ потерялъ свои очертанія и казался отрубленной, лежащей на боку головой. Шопоть «ми» повторялся все чаще...

Я пересилилъ себя и всталъ...

**
*

... Теперь я снова за-границей. Моя жизнь тягуча и монотонна.

Когда, иногда, я достаю свое старенькое портмонэ и вынимаю ключъ съ надписью «Yale», я говорю себѣ: этимъ ключемъ въ мой послѣдній прїѣздъ въ Петербургъ я открылъ дверь въ могилу моего прежняго «я».

Да такъ оно и есть. Мое прежнее «я» умерло, а теперешнее, — оно не настоящее.

СЛУЧАЙ СЪ ЦИКАДОИ

Авральныя работы закончены, якорь отданъ, боцманская дудка и вахтенные уже оповѣстили: «желающіе на берегъ».

Крейсеръ стоитъ на большомъ рейдѣ Кобе.

Кажется, совсѣмъ близко вросъ въ аметистовую воду недавно спущенный на воду сверхдредноутъ «Миказа». Гигантскія орудія глядятъ изъ башенъ. У гюйса стоитъ маленькая фигурка часового съ винтовкой, но на обширной верхней палубѣ не видно народа.

По другому борту крейсера — маленькій итальянскій стаціонеръ, розовый подъ лучами заходящаго солнца. Съ его спардека спускаютъ на воду командирскій вельботъ. А подалеже — большой американскій крейсеръ «Миссури».

Причудливые кружевные узоры далекой бухты открываютъ архипелагъ зеленѣющихъ островковъ, оттуда приносится бризомъ свѣжій запахъ сосны и мимозъ.

Въ морѣ, по направленію къ крейсеру, виденъ мотъръ подъ русскимъ флагомъ: консуль съ визитомъ.

— Ну что-жь, Горлопанъ, пойдешь со мной на берегъ япановъ смотрѣть и пиво-жинжеръ пить? — спросилъ огромный комендоръ Ткаченко маленькаго, совсѣмъ квадратнаго сигнальщика.

Горлопанъ впервые въ заграничномъ походѣ. Уз-

кіе, сѣрые глазки на веснучатомъ лицѣ вятича смотрять насмѣшливо; видно, что онъ вообще не склоненъ ничего принимать на вѣру. На берегъ онъ пойдетъ и для того, чтобы ноги размять послѣ долгаго плаванія, и чтобы «пиво-жинжеръ» попробовать, о которомъ еще сегодня былъ разговоръ у матросовъ...

Ткаченко шагаетъ немного впереди, пошевеливая въ карманѣ большими серебряными монетами, что онъ намѣнялъ сегодня у ревизора; за нимъ, покачивая могучими плечами, слѣдуетъ Горлопанъ.

— Мы, слышь, будемъ держать руля прямо вонъ по этой улицѣ. «Махи» по японски будетъ улица. Какъ догребли до 3-го поворота, тамъ у нихъ паркъ Маруяма начинается.

Для бодрости зайдемъ въ одинъ кабачекъ. Поглядишь, какъ у нихъ дверь, ни до пола, ни до потолка не дотягиваетъ. Американская система для прохлады воздуха и противъ мухъ.

... Сразу послѣ заката солнца, почти безъ сумерекъ, опускается теплая ночь. Матросы выходятъ изъ кабачка съ «американской» дверью. Экзотика, въ видѣ массы бумажныхъ фонарей и фонариковъ, бѣгущіе люди-лошади, рикши, шлепающіе резиновыми подошвами по асфальту мостовой, стукъ деревянныхъ сандалій, японки въ шелковыхъ и японцы — въ шерстяныхъ киримонахъ, все это на пріятелей мало дѣйствуетъ. Ихъ вниманіе съ пьянымъ упорствомъ обращено на одно поражающее ихъ явленіе: невидимые, безчисленные звоны въ темнотѣ...

Непонятно: кто играетъ?

По этому поводу они не обмѣниваются ни однимъ словомъ, но ясно, что чувствуютъ другъ друга.

Тѣсно сплетя толстые пальцы своихъ задеревянѣв-

шихъ отъ гребли и корабельной работы рукъ, они идутъ, покачиваясь, медленнымъ и крупнымъ шагомъ. Ткаченко ведетъ бѣзъ колебанія. Онъ помнитъ дорогу, по которой проходилъ хотя бы однажды. И всякій разъ, какъ они погружаются изъ свѣта въ темноту, изъ кустовъ несетя легкій, металлическій, трепещущій звукъ.

— Играетъ, а самого не видать, — хриплымъ голосомъ прерываетъ молчаніе Горлопанъ.

Наконецъ, онъ не выдерживаетъ и, оторвавшись отъ друга, подходитъ къ кусту, задѣваетъ за вѣтки и шлепается на-земь.

Въ темнотѣ смутно бѣлѣетъ его широкая спина.

Ткаченко, сопя, подымаетъ его, и шествіе продолжается.

На углу, какъ разъ у входа въ тѣнистый паркъ Маруяма, расположилась освѣщенная игрушечными фонариками фруктовая лавка: ананасы, бананы, спѣлые, золотые, срѣзанные цѣлой вѣткой и темно-красныя горки невѣдомыхъ плодовъ.

Здѣсь тоже слышенъ металлическій, тоненькій и нѣжный звукъ струны. А поодаль — въ глубинѣ парка — звучитъ цѣлый оркестръ.

«Асей», обращается къ хозяину Ткаченко и, показавъ образованность, переходитъ на русскій языкъ.

— Скажи, добрый человѣкъ, гдѣ у тебя играетъ?

Хозяинъ, худенькій японецъ въ купальныхъ трусикахъ, темно въ киримонѣ и въ очкахъ, не понимаетъ, но хихикаетъ поощрительно. Онъ — сама любезность и желаніе услужить.

— Вотъ опять! — и Ткаченко указываетъ пальцемъ въ уголъ между корзинами, затѣмъ на свое ухо.

— Іесь, іесь, — захлебывается японецъ, — моя понимай русска.

Онъ бѣжитъ за корзины и выносить оттуда маленькую, удивительно сдѣланную клѣточку. Въ ней сидитъ огромная цикада.

Попавъ въ полосу свѣта, насѣкомое умолкаетъ.

Видны блестящіе, черные глаза-бусы, выходящіе изъ клѣтки.

— Ахъ ты, мать честная, ой не могу, не перенести, охъ ты, Господи, дьяволица то какая! — раздражается басовымъ кашляющимъ смѣхомъ Горлопанъ, — «вонъ такъ мандолина! Ха-ха-ха. Ой не могу».

Онъ присѣдаетъ, хлопаетъ себя по ляшкамъ тяжелыми ладонями. На глазахъ выступаютъ слезы.

Но Ткаченко не смѣется, онъ что-то обдумываетъ. Затѣмъ, пошатываясь, опускаетъ могучую руку на щуплое плечо хозяина и говоритъ мрачно и коротко: «Хамачъ?».

Это должно означать «сколько» — (how much?).

Хозяинъ хихикаетъ, но только собирался назначить дѣну, Ткаченко перебиваетъ: «Я тебѣ вотъ что скажу. Ты хоть японецъ, но долженъ понимать матроцкую душу. Желая эту насѣкомую имѣть на кораблѣ для музыки въ своемъ законномъ помѣщеніи, батарейной палубѣ. Поэтому и спрашиваю, сколько тебѣ за эту музыку желательно получить. Хамачъ?».

Торгъ дологъ. Обѣ стороны повторяются. Ткаченко терпѣливъ и знаетъ, какъ нужно себя держать въ заграничномъ плаваніи.

Горлопанъ старается просунуть палецъ сквозь прутья клѣточки и надавить на брюшко цикады. Тамъ, по его мнѣнію, у нея музыкальный отдѣлъ, и ежели попасть въ точку, насѣкомое начнетъ играть.

— Не балуй, деревня, — сурово бросаетъ ему пріятель и продолжаетъ торгъ. Когда обѣ стороны дошли

до хрипоты, сдѣлка заключена. Друзья съ покупкой углубляются въ темную улицу.

Двое ребятишекъ въ шелковыхъ халатикахъ провожаютъ ихъ нѣсколько шаговъ, затѣмъ останавливаются и, крикнувъ тоненькими голосами — «японска стрѣляй, русска падай», — поворачиваютъ назадъ и бѣгутъ что есть духу, шлепая босыми лапками. Большіе банты развѣваются за ихъ спинами.

— У-у-у, вотъ я васъ, — реветъ Горлопанъ. Затѣмъ добавляетъ обыкновеннымъ голосомъ: «до чего ядовитыя дѣти у этихъ япановъ». Но онъ не разсерженъ. Онъ по-прежнему занятъ и очарованъ маленькой музыкантшей, которую несетъ въ клѣткѣ его другъ.

Попавъ въ темноту, цикада снова начинаетъ свою нѣжную металлическую однозвучную мелодію.

— Ребята то наши, какъ на корабль придемъ! Вотъ потѣха, вотъ удивятся матросики.

И, представивъ себѣ эту заманчивую картину, Горлопанъ опять раздражается громовымъ хохотомъ и кашляетъ отъ восторга.

— Лѣвая табанъ, правая загребай, — командуетъ Ткаченко и останавливается.

— Я такъ считаю, по случаю новаго пріобрѣтенія, надо обязательно выпить.

Внезапно, отъ двухэтажнаго яркоосвѣщеннаго домика отдѣляется маленькая фигурка японки, и старушечій голосъ заискивающе останавливаетъ ихъ: «Мадамъ, мадамъ, мунога мадамъ. Японска дѣвуска курасива, любить русска матроса».

Въ дверяхъ показывается нѣсколько крупныхъ людей во всемъ бѣломъ. Фуражки съ длинными лентами указываютъ, что это русскіе матросы.

— Глянь-ка, — Бобровъ, Оедюковъ и вся машинная

команда! Эй, ребята, гребите сюда. Съ законнымъ бракомъ! — вопить Горлопанъ. Бобровъ со своими спутниками всматриваются и, узнавъ своихъ, встрѣчаютъ Ткаченко и Горлопана такъ радостно, будто вѣкъ не видались.

— Ну что же, я смотрю насъ теперь достаточный комплектъ. Пошли въ портъ. Тамъ въ кабакъ, какъ мы давеча сюда шли — французовъ видѣли. Такое дѣло, что надо имъ съ шапокъ красные шарики спарывать.

Говорить это Бобровъ. Его сильно «кладетъ». Разговаривая, онъ, чтобы удержать равновѣсіе, то наступать на собесѣдника, то отходить назадъ.

Бобровъ драчунъ. Бой ему необходимъ на сушѣ для пріятныхъ воспоминаній въ походѣ. У него всегда есть запутанные счета съ матросами другихъ національностей.

Теперь онъ мечтаетъ о французахъ.

— А это что у тебя за чуда заморская? Гляди, усы то какіе у нея.

— Отойти, пьяная морда, не твоего ума музыка. Мы ее въ американскую ресторацію несемъ, оказать уваженіе за пѣсню. Вотъ услышите, какая у нея въ грудкахъ сила, — солидно и резонно говоритъ Ткаченко, — пошли всѣ разомъ туда.

... Ходящая на пружинѣ гигиеническая «американская дверь» приходитъ въ сильное движеніе, впуская новопривывшихъ.

Въ барѣ полнымъ-полно и необычайно шумно.

Пахнетъ душистымъ табакомъ «Вирджинія» и винныхъ духомъ. Зеркала, по всѣмъ стѣнамъ, запотѣли и ничего не отражаютъ. Множество всякихъ никкелированныхыхъ приборовъ и металлическихъ украшеній. Бутылки всѣхъ формъ и цвѣтовъ. За кассой необыкновен-

но толстый китаецъ въ черной шелковой кофтѣ и круглой шапочкѣ съ помпономъ. Съ желтаго лица потѣлъеть ручьемъ.

Французовъ нѣтъ, зато есть американцы съ «Миссури», въ ихъ оригинальныхъ бѣлыхъ колпачкахъ и черныхъ галстукахъ поверхъ рубашекъ. Ихъ такъ много, будто корабль спустилъ на берегъ всю свою команду. Лица у нихъ красныя, — много выпито.

— Ага, господа американскіе повара, шипитъ Бобровъ со злорадствомъ. У него счеты и съ американцами.

Жара, духота, винные пары бросаются вошедшимъ въ голову.

Имъ хочется двигаться, орать пѣсни, хочется показать удалъ, хочется попробовать силу.

— Эй, ходя, — раздѣльно и внушительно говоритъ Ткаченко хозяину, — гони намъ, славному россійскому флоту, пива-жинжеру по числу присутствующихъ. Желаю привѣтствовать мою новую мамзелю-музыкантшу.

И онъ ставитъ передъ собой на прилавокъ клѣточку съ цикадой.

Ея появленіе производитъ необычайный эффектъ.

Сидящіе поднимаются со своихъ мѣсть, чтобы узнать въ чемъ дѣло.

— Гребн назадъ, поварская рота, дальше отъ трапа! — вопитъ Бобровъ. Но американцы — добродушные люди, и цикада и ихъ приводитъ въ умиленіе.

Изъ ихъ среды выходитъ уже пожилой матросъ съ бѣлыми шрамами морщинъ на кирпичномъ лицѣ. Въ его рукѣ стаканъ съ джиномъ. Въ честь находящагося въ клѣточкѣ существа, онъ говоритъ длинную рѣчь и заканчиваетъ крикомъ «чиръ». Крикъ повторяется всѣми безъ исключенія присутствующими. Ткаченко растроганъ. Онъ обнимаетъ оратора, пѣетъ однимъ духомъ

джинъ и затѣмъ трижды лобызаетъ пожилого американца. Тотъ снимаетъ съ Ткаченко фуражку, надѣваетъ на него свой бѣлый колпачекъ, а на себя его фуражку. Ткаченко выглядитъ какъ быкъ въ наколкѣ, американцу фуражка сползаетъ на брови.

Обмѣнъ головными уборами, символъ дружбы, сближаетъ, и создаетъ атмосферу мира и веселья.

На мраморномъ прилавкѣ клѣточка съ цикадой. Ея тоненькіе усики шевелятся, будто тоже хотятъ сказать привѣтствіе добрымъ людямъ.

— Стой, — кричитъ Ткаченко такимъ голосомъ, будто случилось несчастье. Онъ размахиваетъ одной рукой, а другой обнимаетъ за шею американца и нещадно раскачиваетъ его въ тактъ рѣчи:

— Господа американскіе матросики со славнаго крейсера «Миссури», сейчасъ вамъ будетъ показана самая первѣйшая въ мірѣ чуда въ память сближенія американской державы съ россійской. Сейчасъ, какъ я ее въ темное мѣсто поставлю, будетъ моя мамзеля играть, словно, какъ на мандолинѣ, не отличить.

— Слышь, Ткаченко, — говоритъ ему на ухо Горлопанъ, — дай ты ей, ради Христа водки глытнуть, сдѣлай милость. Много веселья пойдетъ.

— Господа иностранцы, — продолжаетъ Ткаченко, — я ее сію минуту джиномъ буду поить передъ концертомъ. А какъ у ней горла нѣтъ, то придется ее окунуть, чтобы она джинъ корпусомъ забрала...

Какъ бы понимая, что сейчасъ произойдетъ и желая избавиться отъ непріятности, цикада отбивается изо всѣхъ силъ.

Но что она, слабенькая, можетъ подѣлать? Толстая деревянная лапа держитъ ее крѣпко. Напрасно ея то-

ненькія съ зазубринами ножки стараются разъединить пальцы.

— Чтобъ не утопла, гляди, — волнуется Горлопанъ.

Цикада снова водворена въ свою клѣточку и стоитъ на полу, покрытая фуражкой. Для темноты.

— Ш-ш-ш, — командуетъ Ткаченко. Граммофонъ останавливаютъ. Наступаетъ тишина. Изрѣдка икнетъ американскій славный матросъ съ «Миссури» или свой.

Пѣнія нѣтъ.

Постепенно шумъ возобновляется.

— Скажи имъ, что она должна передыхнуть, потому она, думать надо, поперхнувши, — совѣтуетъ Горлопанъ.

Снова заводится граммофонъ, кто-то начинаетъ гнусавую американскую пѣсенку. Два молодыхъ матроса лихо танцуютъ джигу. Ихъ бѣлокурые волосы выбились изъ подъ колпачковъ. Они веселятся отъ души: па стариннаго матросскаго танца — все бѣшенѣй все неудержимѣе. Окружающіе хлопаютъ въ ладоши и пронзительно свищутъ. Атмосфера накаляется нестерпимо.

Эпизодъ съ цикадой исчерпанъ.

— Я думаю, Горлопанъ, у нея какая пружина заскочивши. Надо ей подъ груди надавить, — упавшимъ голосомъ говоритъ Ткаченко. Цикада извлекается изъ клѣточки, но въ тотъ моментъ, когда твердый палецъ нажимаетъ на брюшко, происходитъ нѣчто удивительное и непредвидѣнное.

Цикада выпускаетъ изъ своего поджатаго задка сильную и жгучую струю прямо въ глазъ пораженнаго Ткаченка.

Отъ неожиданности онъ выпускаетъ на полъ клѣточку. Американцы въ восторгѣ и хохочутъ надъ обалдѣвшими владѣльцами цикады.

— Ахъ ты, обезьяна амѣриканская, — срывается Ткаченко, внезапно разсвирѣпѣвъ, — давай обратно мою шапку и бери свой поварской колпакъ. Смѣяться рѣшаешься надо мной? — Онъ бросаетъ американцу въ лицо его легкій пикейный колпачекъ, подымаетъ съ пола клѣточку съ цикадой и рѣшительно направляется къ выходу.

Горлопанъ слѣдуетъ за нимъ.

— Что ты съ ей хочешь дѣлать?

— Потоплю ядовитую гадюку, погублю ее, стерву, что меня опозорила за мою ласку.

Шагахъ въ двадцати торжественно плещется и переливается подъ лунными лучами море.

Напрасно Горлопанъ старается спасти цикаду. Онъ летитъ въ сторону отъ толчка разсвирѣпѣвшаго Ткаченка, а легкая клѣточка летитъ по воздуху и падаетъ въ спокойную воду.

Полный несдерживаемаго гнѣва, мчится Ткаченко обратно въ баръ. Отъ тяжелой пьяной тоски, угрызений совѣсти и обиды онъ готовъ на все. Остановившись на порогѣ, онъ обводитъ помѣщеніе мутными глазами.

— Бобровъ, другъ, поддержи! Ко мнѣ наши! Покажемъ американцамъ русскую силу.

И онъ врѣзается въ толпу, какъ былинный молодецъ.

Слышна грозная команда Боброва: — «Весла... на воду!».

**
*

Въ то время, какъ въ барѣ идетъ грозный бой со звономъ разбитыхъ зеркалъ, посуды, бутылокъ, трескомъ разламываемыхъ табуретовъ, воплями, молодецкимъ свистомъ, — въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега

покачивается на водѣ маленькая клѣточка изъ бамбуковыхъ прутиковъ. Изъ нея чуть-чуть высовываются усики, какъ бы молящіе о помощи.

Но спасенья нѣтъ! Не поняло японское насѣкомое матросской души.

*

БОКСЪ

На корабль «Двина»*) только что кончили объ-
дать. Вахтенный начальник, мичманъ Бобарыковъ, со-
шелъ къ себѣ переодѣться передъ тѣмъ, какъ итти на
берегъ.

Маленькая каюта, съ койкой краснаго дерева и бле-
стящими свѣжимъ лакомъ стѣнами, была уютна и чиста
особой «морской» чистотой, какъ бываетъ только на
военномъ корабль. Въ открытый иллюминаторъ виденъ
былъ несущійся отъ Грахары дивизионъ миноносцевъ,
вспарывавшій свѣтло-синюю воду въ бѣлые буруны. Ка-
залось, что корабли несутся подъ музыку, такъ гармони-
ченъ и плавленъ былъ ихъ ходъ.

Со стоявшаго въ южномъ углу пловучаго дока не-
слись звуки электрическихъ сверль, автоматическихъ
молотковъ, свистъ пара. Къ нимъ примѣшивались гудки
портовыхъ катеровъ.

Бобарыковъ подошелъ ближе къ иллюминатору,
чтобы разобрать по трубамъ миноносцевъ номеръ ди-
визиона. Въ это время надъ его головой, на верхней
палубѣ застучали босыя ноги нѣсколькихъ бѣгущихъ
матросовъ. Черезъ короткій промежутокъ — еще и еще.

*) Бывшемъ, во время войны, базой для англійскихъ подвод-
ныхъ лодокъ.

Въ иллюминаторъ донесся шумъ возбужденныхъ голо-
совъ, все нараставшій.

На корабль что то произошло.

Бобарыковъ поспѣшилъ изъ каюты, на ходу застегивая китель. Однимъ духомъ, бокомъ взялъ трапъ и очутился на верхней палубѣ.

На бакъ собралась толпа русскихъ и англійскихъ матросовъ. У праваго борта «Двины», много ниже ея, распласталась на водѣ англійская подводная лодка «Е 19», которую матросы называли «Инайтинъ», сверху удивительно напоминавшая жюльверновскій «Наутилусъ», какъ его рисовалъ Ріу.

Оттуда, по узкому и крутому трапу, поднималось на «Двину» нѣсколько англичанъ.

Стоявшій на мостикѣ необыкновенно франтоватый, стройный мичманъ, увидѣвъ Бобарыкова, сталъ звать его знаками.

— Подымайся скорѣе, — сказалъ онъ, когда тотъ былъ уже на трапѣ, — Маршаллъ выбилъ ударомъ ноги самоваръ у Черноморца. Сейчасъ тотъ ему сдачи да-
етъ. Отсюда хорошо видно. Разнимать не будемъ. —
Потомъ добавилъ — Знаешь, этотъ здоровенный англи-
чанинъ!

Сверху было дѣйствительно хорошо видно. Съ вы-
сокаго мостика корабль казался необычайно широкимъ
и мощнымъ. Чистая, вышарованная пескомъ палуба,
подъ лучами солнца, сіяла бѣлизной. На ней рѣзкими
темными пятнами выдѣлялись матросы: одни — въ
страшно широкихъ, закрывавшихъ ступни ногъ штанахъ
и въ галанкахъ въ обтяжку — англичане, другіе, болѣе
подвижные, въ фланелькахъ на выпускъ, немного пузы-
рящихъ, и съ длинными развѣвающимися лентами ша-
покъ, — русскіе.

Толпа образовала ровный кругъ, въ центрѣ котораго стояли два человѣка: колоссальный боцманъ «Двины» Черноморецъ и другой, пониже его, кондукторъ съ «Е 19» — Маршаллъ. У Маршалла былъ наполовину оторванъ рукавъ; по квадратному подбородку Черноморца текла кровь. Маленькій, ярко начищенный самоваръ, съ отскочившей крышкой, лежалъ у самага борта.

Маршаллъ, хоть и высокаго роста, былъ все же на полъ головы ниже Черноморца. Онъ стоялъ въ типичной позѣ боксера, перенесъ всю тяжесть тѣла на правую ногу и выставивъ впередъ лѣвую. Огромный, красивый, поросшій бѣлыми волосами правый кулакъ былъ прижатъ къ груди, лѣвый — выставленъ впередъ для парада.

Видно было, что, несмотря на свою величину, англичанинъ былъ очень быстръ и упругъ, какъ футбольный мячъ. Гладко выбритое, красивое и молодое лицо его съ бронзовымъ загаромъ было спокойно и чуть насмѣшливо, и такъ же спокойны были лица зрителей-англичанъ. Одни жевали резину, другіе набивали трубки, закуривали.

Черноморецъ стоялъ насупившись, мрачно сплевывая кровь. Видно было, что онъ рѣшилъ биться, не щадя живота, до послѣдняго вздоха. Дѣло для него выходило нелегкое: драться на кулачки съ лучшимъ въ отрядѣ лодокъ боксеромъ, не имѣя никакого понятія о боксѣ. Это было необходимо и для престижа его, какъ боцмана, и для поддержанія долготѣней славы богатыря. Сейчасъ передъ своими и англійскими матросами рѣшалась его судьба.

Маршаллъ неоднократно уже пытался вызвать Черноморца на бой. Разъ даже ударилъ его, но Черноморецъ стерпѣлъ, пренебрегъ, не удостоилъ англичанина. Кро-

мѣ того; какъ старшій боцманъ, онъ былъ «дипломатомъ» и понималъ, что ссору заводить съ англичаниномъ неудобно.

Но теперь — другое дѣло. Выбитый изъ его рукъ ударомъ ноги самоваръ — это ужъ не вызовъ на бой, а издѣвательство! До случая съ самоваромъ и матросамъ не казалось страннымъ, что ихъ Василий Макарычъ «молчитъ англичанину». А теперь — шалишь! Никто не сомнѣвался, что боцманъ въ долгу не останется.

Хоть русская галанка не такъ облипаётъ тѣло, какъ англійская, все же ясно выступали мышцы Черноморца, онѣ были не такъ массивны и развиты, какъ у англичанина, и шея Черноморца менѣе напоминала башню, плечи не закруглялись, подобно двумъ ядрамъ, и ляшки ногъ не напрягали такъ ткань штановъ, но его слегка сутулая плечи были значительно шире, руки и ноги много длиннѣе, а спина — ширины необозримой. И было еще что то, что ощущали по крайней мѣрѣ русскіе зрители: при взглядѣ на боцмана чувствовалось, что его никакъ не свалить...

Лицо Маршалла было спокойно; Черноморецъ, напротивъ, казался разъяреннымъ, тихо и упруго переступая съ ноги на ногу, подобно танцующему медвѣдю, онъ повторялъ все время рыкающимъ басомъ: «Я те покажу, сукинъ-сынъ, какъ самоваръ изъ рукъ вышибать». И эта фраза будто подхлестывала его во время всего боя.

Англичане были увѣрены въ побѣдѣ «своего». После первой же схватки, — когда Черноморецъ сгребъ англичанина, разорвавъ на немъ галанку, а тотъ легко «ушелъ», нанеся при этомъ боцману потрясающей силы «дайректъ» лѣвой рукой, а правой — «свингъ», отъ котораго боцманъ не сумѣлъ защититься, — стало очевидно, что русскій понятія о боксѣ не имѣетъ. Къ тому

же Маршаллъ славился своей силищей: одинъ передвигалъ аккумуляторъ подводной лодки. Но для русскихъ зрителей дѣло не представляло этого, по преимуществу, спортивнаго, интереса, имъ нужно было другое: чтобы Макарычъ «постоялъ за себя», «не далъ себя въ обиду».

Боцманъ не отвѣтилъ сразу на удары. Выжидалъ.

Затѣмъ, повернувшись бокомъ, онъ развернулся и его огромный кулакъ прорѣзалъ воздухъ. Типичный русскій ударъ «въ ухо». Если бы дошелъ до цѣли, англичанинъ не выдержалъ бы.

Но на сторонѣ Маршалла была тренировка и старинная культура кулачнаго боя. Отпрыгнувъ въ сторону, чтобы уклониться, онъ это самое движеніе, всю инерцію своего прыжка, вложилъ въ «дайректъ» подъ сердце противника.

Послышался глухой звукъ удара, какъ бы по ребрамъ лошади.

Черноморецъ охнулъ и согнулся, и въ тотъ же мигъ цѣлый градъ ударовъ посыпался на него. Глаза его напухли и превратились въ багровыя пятна. Кровь пошла изъ носа и изо рта. Но онъ не дрогнулъ.

Онъ все наступалъ и искалъ встрѣчи съ противникомъ. Его удары постоянно парировались контрами Маршалла, который оставлялъ безъ вниманія только слабые. Черноморецъ не умѣлъ закрываться, поэтому при каждомъ своемъ выпадѣ самъ подвергался ударамъ.

Нѣсколько разъ, противъ правилъ боя, онъ пытался схватить англичанина, сломить и подмять подъ себя. Но каждый разъ Маршаллъ находилъ нужное движеніе и уходилъ, нанося при этомъ тяжелые удары.

Однако, избитый и истерзанный, Черноморецъ не сдавался и не былъ жалокъ. Несмотря на всѣ неудачи, онъ упорствовалъ грозно, казалось, онъ не теряетъ силы,

а напротивъ, силы его прибываютъ вмѣстѣ съ бѣшенствомъ. Не онъ, а побѣдитель Маршаллъ замедлилъ свои движенія.

Нанося удары, Маршаллъ уже не притопывалъ, какъ дѣлалъ въ началѣ, — его выпады потеряли красоту, сдѣлались грузными, будто бойцу сталъ уже тяжелъ вѣсъ собственнаго тѣла.

Ни одинъ самый сильный боксеръ не можетъ бить безъ остановки изо всѣхъ силъ, даже по тренировочному мячу дольше 2-3 минутъ, — неминуемо начнетъ выдыхаться. А Маршаллу, вдобавокъ, приходилось освобождаться отъ тяжелыхъ объятий Черноморца.

Помимо усталости, было еще одно обстоятельство, гасившее мужество англичанина: удивленіе, постепенно переходившее въ ужасъ, передъ этимъ имъ же исковерканнымъ противникомъ, который продолжалъ стоять призрачнымъ окровавленнымъ великаномъ. Мысль, что русскаго никакъ не свалить, что онъ никогда не упадетъ, лишала англичанина мужества. Теперь онъ работалъ кулаками, какъ бы въ полуснѣ, уже не для побѣды, а лишь бы самому уйти цѣлому; наносимые имъ удары словно обрушивались на него самого, больно отдаваясь въ его тѣлѣ.

Наступала критическая для боксера минута рѣзкаго упадка силъ.

И все же, былъ мигъ, когда окончательная побѣда казалась близкой отъ него. Послѣ одного удара въ голову Черноморець покачнулся и задѣвъ ступней о чугунный кнехтъ для закрѣпленія канатовъ, чуть было не рухнулъ.

И все таки, устоялъ. Успѣлъ опереться одной ногой о чугунный столбъ и удержалъ равновѣсіе. Было видно, какъ его огромная, широкая ступня судорожно дрожить,

выдерживая на себѣ вѣсъ всего тѣла и инерцію только что полученнаго удара.

Всѣ матросы устали на эту дрожащую ступню: выдержать ли, пока онъ выпрямится передъ слѣдующимъ ударомъ?

Но Маршаллъ не ударилъ. Видимо, не могъ. Его покинули силы. Мускульное напряженіе достигло предѣла.

Англичане стали поддерживать его криками поощренія: «Не теряй времени, не давай ему опомниться, пощекочи его», — несло съ ихъ стороны.

Бобарыковъ впился руками въ поручни мостика, весь подавшись впередъ: «только бы не упалъ, только бы выпрямился», молил онъ про себя.

И какъ въ замедленномъ темпѣ фильма на экранѣ, увидѣлъ онъ слѣдующее: Черноморецъ, еще не выпрямившись окончательно, развернулся бокомъ, размахнулся и съ оханіемъ, съ какимъ дровосѣки опускаютъ топоръ, ударилъ Маршалла. Тотъ взмахнулъ руками, какъ бы ища опоры въ воздухѣ, отлетѣлъ въ сторону на нѣсколько шаговъ и съ деревяннымъ стукомъ грохнулся на палубу. И въ то же мгновеніе на него прыгнула огромная фигура.

Пронесся вопль толпы и сразу стихъ.

Офицеры бросились внизъ, пробиваясь сквозь толпу возбужденно шумѣвшихъ матросовъ.

«Садани его», «покажи ему, Макарычъ», слышались взволнованные голоса.

«Они ему, ваши благородія, дорвались въ ухо дать» — скороговоркой, свѣжимъ и радостнымъ голосомъ торопился объяснить сигнальщикъ Бобровъ, — «англичанинъ, упавши руки задралъ, что прекращаетъ, но нашъ

не желаетъ считаться, какъ отъ нихъ много потерпѣвши»...

Пробившись сквозь толпу, офицеры увидѣли, какъ Черноморецъ мертвой хваткой держитъ англичанина. Онъ какъ бы сжималъ его въ своихъ объятіяхъ, любовно и нѣжно. Красивая голова Маршалла безсильно свисала на плечо боцмана, который не переставая, со звѣрской радостью, повторялъ: «Самоваръ! С-самоваръ выбилъ! С-самоваръ выбивать!». Когда, послѣ долгихъ усилій, у него вырвали безчувственнаго Маршалла съ раздавленными ребрами, Черноморецъ поднялся, посмотрѣлъ вокругъ непонимающимъ взглядомъ и пошелъ въ кубрикъ отмывать кровь.

Затѣмъ вернулся, поднялъ самоваръ, снова налилъ его, поставилъ, и когда самоваръ закипѣлъ, — чинно, въ прикуску, выпилъ свою порцію — двѣнадцать стакановъ.

Кончивъ, онъ удивленно и вмѣстѣ неодобрительно покачалъ головой и въ послѣдній разъ, какъ бы въ раздуміи, произнесъ: «самоваръ выбилъ»...

И опять сокрушенно покачалъ головой.

ГРЕБНАЯ ГОНКА

Четырнадцатилѣтняя Манола Діазъ, дочь губернатора острова Санта Лючія, въ первый разъ попала на военный корабль. Море было для нея родной стихіей, какъ для всѣхъ островитянь, такой же родной, какъ земля; и туземная пирога, большой катеръ отца, пароходики, поддерживавшіе сообщеніе въ архипелагѣ, были для нея то же, что автомобиль или трамвай для европейской дѣвушки. Но военный корабль она видѣла впервые.

Огромный англійскій крейсеръ «Молборо» стоялъ далеко на рейдѣ, и итти къ нему пришлось долго. Подальше и поближе, — заснувъ въ чудесной голубой водѣ океана — стояли: нѣмецкій крейсеръ «Фридрихъ Барбаросса», нарядный бѣлый стаціонеръ-итальянецъ «Болонья», американскій крейсеръ «Стейтъ Огайо» и французскій «Жанна д-Аркъ», съ его странной надпалубной постройкой, мористѣе — японецъ «Фудисіама». Влѣво отъ «Барбароссы», между нимъ и «Стейтъ Огайо», гремѣлъ отдаваемымъ якорнымъ канатомъ только что пришедшій русскій крейсеръ «Витязь».

Когда по трапу, покрытому краснымъ сукномъ, приглашенные поднялись на бортъ «Молборо», подъ звонкіе звуки мѣди, Манола увидѣла подъ тентомъ юта большое общество: членовъ англійской колоніи, иностранныхъ консуловъ съ ихъ семьями, мѣстныхъ чиновни-

ковъ и купцовъ, — все это въ перемежку съ англійскими моряками и офицерами морской пѣхоты.

Въ палаткѣ изъ шелковыхъ флаговъ былъ устроенъ буфетъ: тутъ хлопотали вѣстовые. Стояли кадки съ рододендронами и пальмами, всюду — цвѣты. Обычно грозный боевой корабль теперь походилъ на влюбленнаго Арея.

Навстрѣчу къ Манолѣ, отдѣлившись отъ группы мичмановъ, бросилась Лиліанъ Джонстонъ. дочь англійскаго консула, ея подруга. Некрасивая и угловатая, она чувствовала себя здѣсь, какъ дома. Корабль былъ для нея частью Англии.

— Какъ мило, что вы все таки собрались. Сейчасъ будетъ выстрѣлъ, начало гонки. Идемъ къ флагу, оттуда хорошо видно. Сондалъ объяснить намъ все, — и она потащила Манолу на самый конецъ кормового отдѣла, юта.

— Ну, начинайте характеристику участниковъ состязанія, — весело крикнула она худому и невѣроятно длинному — на голову выше всѣхъ — моряку.

Сондалъ шутливо взялъ подъ козырекъ и началъ, подражая гиду:

— Нѣмцы, — и онъ показалъ на отвалившій отъ «Барбароссы» большой двѣнадцативесельный катеръ, на которомъ сидѣли гребцы въ соломенныхъ шляпахъ съ немного приподнятыми полями. — Хорошій тренингъ, но не очень сильные гребцы.

Нѣмецкій катеръ шелъ четко, показывая въ нитку сръзанную линію весель къ «Молборо», у котораго былъ стартъ. Стоявшій у руля офицеръ, весь въ бѣломъ, кричалъ что-то гребцамъ металлическимъ голосомъ, — словъ нельзя было разобрать.

— Американцы, — Сондалъ показалъ на катеръ съ

гребцами въ бѣлыхъ колпачкахъ. Звѣздный флагъ свисалъ съ флагштока, уходя концомъ въ воду.

— Развращены моторами. Мало мускульной работы на кораблѣ. Нѣтъ стиля... Японцы. Серьезный народъ. Я не видѣлъ ихъ работы, но они все дѣлаютъ хорошо. Кромѣ того, очень любятъ эту вещь, — и онъ показалъ на ихъ флагъ: красный кругъ на бѣломъ полѣ. — Я боюсь,, — продолжалъ онъ, — что, если проиграютъ гонку, ихъ офицеръ сдѣлаетъ себѣ харакири.

Сондалъ разсмѣялся. Слово «харакири» онъ произнесъ на англійскій манеръ — «хейрекири».

Почти одновременно отвалили катера отъ «Жанны д-Аркъ» и отъ «Болоньи».

— Смотрите, какъ этотъ народъ открываетъ себѣ дыханіе. Можно подумать, что гонка уже началась. Слишкомъ много темперамента! Если бы ихъ было только двое, я поставилъ бы на итальянцевъ: они лучше, чѣмъ французы, знаютъ весло.

Быстро, одни за другими, подходили большіе снѣжно-бѣлые катера съ молодыми загорѣлыми людьми. Засученные по локоть рукава показывали крѣпкія рабочія руки, босыя ноги упирались въ банки, и лишь «загребные», сидѣвшіе впереди, упирались въ подставки, укрѣпленные на днѣ катера.

Позже всѣхъ подошли къ линіи старта англичане, дѣлавшіе пробный пробѣгъ въ глубину бухты.

— Cheer up, fellows! — крикнулъ Сондалъ, перегибаясь черезъ поручни. — У васъ всѣ шансы. Дайте вырваться французамъ и итальянцамъ, они потрудятся для васъ на даровщинку... У нашихъ преимущество, — обратился онъ къ дамамъ, — большой вѣсъ безъ жира.

— Посмотрите, какая прелесть! — крикнула вдругъ Манола.

Отъ трапа, только что ставшаго на якорь русскаго крейсера, отвалило небольшое гребное суденышко. На немъ сидѣло лишь пять гребцовъ, — три съ одного, два съ другого борта.

Длинные и тонкія «распашныя» весла сгибались, какъ пружины. При забрасываніи весла гребцы сгибались такъ низко, что едва не касались головой сидѣвшаго передъ ними, а, откинувшись, касались колѣнъ сидѣвшаго сзади гребца.

Огромные люди, въ шапкахъ съ длинными лентами, казались какъ будто слишкомъ большими для вельбота, и отъ этого ихъ движенія имѣли такой видъ, словно они гребутъ шутя.

При каждомъ взмахѣ весель вельботъ приподнимался немного изъ воды и, казалось, что онъ весело танцуетъ.

— Какъ хорошо, — радостно вскрикнула Манола, они тоже будутъ гнаться? Но почему они не катерѣ?

— Не имѣетъ никакого значенія, — бросилъ Сондалъ, — они не записаны въ гонку. Кромѣ того, что за глупость выходить впятеромъ противъ двѣнадцати гребцовъ, не отдохнувъ даже послѣ похода.

Катера выстраивались. Ближе всѣхъ къ «Молборо» сталъ итальянецъ. Гребцы склонились впередъ, забросивъ назадъ весла на вытянутыхъ рукахъ. Большой «загребной», черный, какъ жукъ, неаполитанецъ, посмотрѣлъ изъ подъ соломенной шляпы на стоявшихъ на югѣ дамъ и что-то сказалъ своему сосѣду.

Оба разсмѣялись.

За итальянцами стояли нѣмцы, французы, англичане и послѣдними японцы.

Состязавшимся предстояло пройти по прямой линіи до «Стейтъ Огайо», обойти его по носу, пойти по

прямой до «Болоньи», обойти его по кормѣ и оттуда — на «Молборо», гдѣ кончалась гонка.

Цѣлая туча всевозможныхъ гребныхъ судовъ съ публикой, пришедшей изъ «Санта Лючія» съ гребцами-неграми обрамляла путь состязанія.

Вдругъ выстрѣлила пушка. Короткое злое пламя вырвалось изъ дула съ трескомъ взрыва, и далеко по водѣ помчался плотный гуль, будто огромный кегельный шаръ побѣжалъ толчками по сухой доскѣ.

Сразу, боясь потерять долю секунды, весла вонзились въ воду. Она вспѣнилась и зашипѣла.

Впереди, какъ и предвидѣлъ Сондалъ, пошли итальянцы и французы. Почти рядомъ. Чуть-чуть позади — японцы, и на одну длину отъ нихъ, рядомъ, катера съ «Молборо» и «Фридриха Барбароссы».

На одной линіи съ японцами, но много ближе ихъ къ открытому океану неслась лодка съ пятью гребцами. Синій по діагонали крестъ былъ на флагѣ этой лодки.

Русскій вельботъ принялъ участіе въ состязаніи, безъ права на призъ!..

Это произошло такъ:

Когда «Витязь» спустилъ на воду вельботъ, чтобы везти командира «являться старшему на рейдѣ», всѣмъ на корабль было извѣстно, что предстоитъ гребная гонка.

Принять участіе въ этой гонкѣ на законномъ основаніи нельзя было, не записавшись наканунѣ. Единственнымъ выходомъ оставалось: «показать свой классъ», такъ какъ никому не запрещалось итти рядомъ съ состязующимися на нѣкоторомъ разстояніи, не мѣшая имъ.

Эту идею далъ рулевой катера № 4, унтеръ-офицеръ Васюковъ, необыкновенный любитель состязаній съ иностранцами во время заграничнаго плаванія. Любитель

очень часто платоническій: въ дракѣ подзадориваль, въ греблѣ — до хрипоты кричалъ подбодренія и совѣты.

— Ваше благородіе, разрѣшите доложить, — обратился онъ къ старшему офицеру, Коротневу, — такъ что очень печально, команда убивается, что ей не позволяютъ передъ иностранцами отличиться. Сами изволите видѣть, развѣ это мыслимо.

— Говори про себя, Васюковъ, нечего сваливать на команду. Да къ тому же и не успѣтъ катеръ спустить на воду, у нихъ, гляди, сигналъ будетъ данъ.

— Ваше благородіе, да вѣдь ихъ што! Да вѣдь ихъ не то, что на катерѣ, ихъ на вельботѣ побьемъ, если принажать, да по чаркѣ дать. А вельботъ вѣдь на водѣ уже.

— А ты отвѣтишь мнѣ, если оскандалимся?

— Никакъ невозможно, ваше благородіе, немыслимо даже. Вельботъ то нашъ самъ идетъ, его Господь Богъ несетъ. Десять длинъ позади ляжетъ. Съ ручательствомъ.

На весла сѣли люди, какъ были въ рабочемъ брезентѣ.

Мѣста загребныхъ заняли Птаха и Тимошкинъ, великаны, по семи пудовъ вѣсу. Птаха былъ молчаливъ и задумчивъ обыкновенно. Тимошкинъ живъ, порывистъ и веселъ. Онъ принадлежалъ къ разновидности балагуровъ. Начиналъ фразу съ междометія «ытъ». «Ытъ», такъ я, «ытъ», такъ мы...

Въ этотъ разъ онъ былъ въ восторгѣ отъ того, какой «супризь» иностранцамъ готовится.

Васюковъ, работавшій ради чистой идеи, оставался на кораблѣ.

Когда вельботъ уже отваливалъ, онъ, стоя на нижней площадкѣ трапа, давалъ совѣты:

— Птаха, молю тебя, не давай безъ крайности всю

силу, это тебѣ не съ катера весло, почувуй его деликатность, не измывайся надъ нимъ безпощадно...

Вельботъ пошелъ быстро съ мѣста.

На рулѣ былъ самъ Коротневъ, великій знатокъ гребли. Первое время его безпокоило, окажется ли на мѣстѣ Птаха, не нарушить ли гармоніи гребцовъ, привыкшихъ работать вмѣстѣ, но послѣ первыхъ же взмаховъ его весла успокоился. Птаха отлично держалъ счетъ, безукоризненно «разворачивалъ» легкое вельботное весло и нѣжно безъ брызгъ опускалъ въ воду.

«Ать-два-а-а», командовалъ Коротневъ и нѣсколько разъ для пробы мѣнялъ темпъ. Все было хорошо, онъ держалъ гребцовъ въ рукѣ, какъ хорошій дирижеръ оркестръ. Вельботъ слегка приподнимался надъ водой, когда гребцы заносили, и опускалъ носъ, когда вытягивали весла. Онъ какъ-бы ритмично дышалъ, словно гребъ на немъ одинъ человекъ, онъ былъ «собранный».

— Ать-ать-ать, — далъ для пробы Коротневъ команду финиша въ одинъ счетъ. И весла заработали съ крайней быстротой опять въ безукоризненной согласованности.

Передъ носомъ вельбота поднялся бурунь, какъ у мѣторнаго катера.

— Суши весла!

Весла застыли въ воздухѣ.

— Послѣдній разъ напоминаю, ребята, не смотри на другихъ, когда обходишь или тебя обходятъ. Я за васъ буду смотрѣть. Смотри лишь на лопату, дыши носомъ. Ну, дай Богъ!

Коротневъ положилъ руля, и вельботъ по широкому кругу завернулъ къ старту.

— Смотри, Птаха, — началъ онъ, но въ это время грянулъ выстрѣлъ.

Вельботъ рванулся и вынесся впередъ. Коротневъ взялъ темпъ англичанъ и держался съ ними въ одной линіи. Онъ былъ крайнимъ, поэтому, огибая слѣва американскій крейсеръ, описывалъ самую короткую кривую поворота, что было нѣкоторымъ выигрышемъ времени и позволяло экономить силы гребцовъ.

«Не долго выдержали», подумалъ онъ, взглянувъ на итальянцевъ и французовъ. Ихъ работа не казалась тщательной, линія веселъ не была строгой плоскостью, «разворачивали» неважно.

Онъ перевелъ глаза на ближайшихъ сосѣдей, японцевъ. Ихъ офицеръ на рулѣ выкрикивалъ счетъ по японски, и отъ этого получалось впечатлѣніе чего-то экзотическаго, хотя матросы одѣты по-европейски, и катеръ по виду ничѣмъ не отличался отъ другихъ. Они хорошо гребли, но чутье говорило, что въ гребцахъ нѣтъ «сердца», которое чувствовалось у англичанъ и нѣмцевъ. Нѣмцы были несомнѣнно хороши, но единственными соперниками Коротневъ чувствовалъ лишь англичанъ, и повѣривъ этому чувству, сталъ сообразоваться лишь съ ними..

У нихъ онъ увидѣлъ замѣчательнаго загребного, огромнаго свѣтлаго блондина съ кирпичнымъ лицомъ. Слѣдующій за нимъ гребецъ былъ тоже очень хорошъ.

— Навались!

Какая-то лодка, слѣдившая за состязаніемъ, полная народа, съ гребцами неграми, быстро промелькнула передъ глазами и по этому можно было судить, какъ быстро пошелъ вельботъ.

Позади шли нѣмцы, бросившіе японцевъ. Уже всѣмъ близко былъ «Стейтъ Огайо» съ трепетавшимъ на его носу сигнальнымъ флагомъ.

Коротневъ рѣшилъ сдѣлать еще бросокъ и обойти поворотъ темпомъ финиша. Англичане повторили. Сбоку послышался грохотъ и стукъ сбившихся весель.

Коротневъ оглянулся: французы и итальянцы сшиблись другъ съ другомъ, подойдя на поворотѣ слишкомъ близко.

Два конкурента вышли изъ состязанія!

Начинался безконечно длинный бортъ «Стейтъ Огайо». Онъ отбросилъ отъ себя длинную тѣнь, въ которой сразу сдѣлалось прохладно.

Лица гребцовъ покраснѣлись, потъ струился изъ подъ фуражекъ. Коротневъ видѣлъ, какъ Птаха дѣлалъ головой движеніе, чтобы сбросить каплю, попавшую въ глазъ.

— Не робѣй, навались, — хриплымъ голосомъ рявкнулъ Коротневъ, — ать-два! — и вторая часть счета «два», была почти такъ же коротка, какъ первая.

Англичане держались почти рядомъ. Казалось не было никакой возможности оторваться отъ нихъ.

Коротневъ ускорилъ еще темпъ и увидѣлъ, что его гребцы на предѣлѣ, и больше дать не могутъ. Онъ скопилъ глаза направо, англичане прибавить тоже не могли.

Нѣсколько секундъ онъ не рѣшался поднять глазъ на своихъ, когда же поднялъ, то увидѣлъ, что все — благополучно. Лица всѣхъ были красны, какъ кумачъ, но ни у кого не было видно отчаянія. Новымъ было только то, что теперь они опускали весла съ оханіемъ, для того, чтобы подбодрить себя.

Коротневъ понялъ, что «вынесутъ» и сердце заколотилось у него. Люди сгибались и разгибались четко, видно было, что кисти рукъ еще не одеревенѣли, что

онѣ давали, правда, всю силу, но до изнеможенія было далеко.

Можно было держать въ такомъ темпѣ, пока разстояние между ними и англичанами не увеличится еще на двѣ-три длины.

Когда поровнялись съ прелестнымъ бѣлымъ стационаромъ «Болонья», побѣда была въ рукахъ. Изступленнымъ «E viva!» — встрѣтили ихъ итальянцы.

И издалека, съ «Монборо» съ лодокъ со зрителями, отовсюду, тоже гремѣли одобрительные клики. И вотъ тогда-то Коротневъ далъ бѣшенный темпъ финиша.

— Спасибо, орлы! — крикнулъ онъ гребцамъ, едва сдерживая слезы и готовый разрыдаться отъ волненія и счастья, когда была прорѣзана линия старта...

**
*

Съ «Молборо» видно было, какъ столкнулись французы и итальянцы. Нельзя было разобрать положенія прочихъ.

Манолѣ показалось, что и русскій вельботъ пострадалъ въ этомъ столкновеніи. Ея сердце сильно билось, ей было жалко маленькаго героическаго суденышка.

Когда длинный «Стейтъ Огайо» закрылъ состязаніе, она впиалась глазами въ промежутокъ между нимъ и «Болоньей», откуда должны были показаться катера. Время, хоть и исчисляемое секундами, тянулось мучительно долго. Ей и хотѣлось и казалось невозможнымъ счастьемъ увидѣть русскій вельботъ впереди другихъ...

Но тутъ изъ за кормы американскаго крейсера вырвался русскій вельботъ. Онъ шелъ на двѣ своихъ длины впереди англичанъ. Видно было, что между противниками ожесточенная борьба, но только тогда, когда

съ «Болоньи», къ которой уже подходили суда, грянуло «E viva!» — Манола поняла, что русскіе выигрываютъ...

Подойдя къ старту, вельботъ на полномъ ходу описалъ красивую кривую и пошелъ къ своему кораблю, откуда все росло и ширилось громкое «ура».

«Классъ» былъ показанъ.

СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ

Танъ-Фунгъ чудовищными прыжками понесся изъ среднеазиатскихъ пустынь, взметая до самаго неба тучи вертящейся желтой пыли и разстерзаннаго гаоляна. Наткнувшись на извѣчную гряду Тянь-Шаня, онъ ударился о нее грудью и завылъ. Старыя сосны, пихты и ели полетѣли по воздуху съ приставшими къ корнямъ комьями земли, глины и песку.

По дорогѣ, вдоль ущелья, проходилъ караванъ кочевниковъ. Въ арбахъ, запряженныхъ быками, сидѣли женщины и дѣти, рядомъ бѣжали остромордыя собаки, впереди, на маленькихъ бѣлыхъ лошадакахъ, ѣхали мужчины въ цвѣтныхъ халатахъ съ длинными косами.

Танъ-Фунгъ дунуль на караванъ, и на воздухъ поднялись двухколесныя арбы, женщины, быки, собаки и бѣлыя лошадки со всадниками въ халатахъ.

Въ Кантонѣ подъ его напоромъ затрещали китайскіе домики и тучами полетѣли кровли. Онъ спустился къ порту, и спокойная вода закипѣла, забурлила отъ прикосновенія къ раскаленному Танъ-Фунгу.

Большіе океанскіе пароходы, стоявшіе на рейдѣ, срывались съ якорей и разбивались о гранитныя набережныя и волнорѣзы. Китайскія джонки, съ ихъ странными раздвоенными кормами, взлетали на гребни волнъ и погружались навсегда въ воду со всѣмъ скарбомъ.

Пловучіе острова съ воющими отъ ужаса жетолицыи исчезали въ тучахъ водяной пыли.

А вокругъ, въ черномъ столбѣ земли, сшибались другъ съ другомъ доски, крыши съ приподнятыми углами, деревья, заборы, люди, собаки, тощія свиньи.

Смѣтя все, что онъ могъ, на сушѣ, Танъ-Фунгъ по-мчался по поверхности океана. Разбросавъ караваны малайскихъ катамаранъ съ грузомъ ананасовъ, и потопивъ яхту англійскаго негоціанта, пятидесятитонную «Snow Drop», — онъ повернулъ къ востоку и встрѣтилъ тамъ трехъ купцовъ, а на сто миль южнѣе, — русскій минный крейсеръ «Аметистъ».

**

Первымъ, кто попалъ въ тайфунъ, былъ груженный зерномъ пароходъ «Вампоа», четырнадцать тысячъ тоннъ, подъ шведскимъ флагомъ. «Вампоа» былъ построенъ специально для перевозки зерна.

Его корпусъ у ватерлиніи былъ много шире, чѣмъ у верхней палубы, поэтому, при качкѣ зерно не пересыпалось на одну сторону. На серединѣ парохода возвышалась необыкновенно высокая труба, а къ носу и къ кормѣ шло по пять низкихъ мачтъ, окруженныхъ щупальцами элеваторовъ. Команда, за исключеніемъ шести рулевыхъ шведовъ, была сплошь малайская. Личный составъ: капитанъ Кнутъ Ларсенъ, два его помощника, англичанинъ и шведъ, и механикъ — латышъ.

Ларсенъ огромный, краснолицый, которому перевалило за шестьдесятъ, начавъ плавать еще на парусникѣ, былъ уже сорокъ лѣтъ въ компаніи, которой принадлежалъ «Вампоа». Теперь онъ былъ ея акціонеромъ и служилъ капитаномъ послѣдній годъ, чтобы затѣмъ перейти въ правленіе.

Приближеніе тайфуна обозначилось на барометрѣ страшнымъ паденіемъ давленія. Стрѣлка перешла предѣлъ, обозначенный словомъ «Tempest» и шла ниже...

На сердцѣ у Кнута Ларсена было не вовсе спокойно: пароходъ былъ перегруженъ, машина нуждалась въ ремонтѣ, котлы стары. Оставалось надѣяться на Бога и на необычайную крѣпость корпуса «Вампоа», построеннаго въ Ньюкастлѣ.

Кнутъ Ларсенъ спустился съ мостика въ свое помѣщеніе: у него была большая каюта, выходившая на верхнюю палубу. Надъ письменнымъ столомъ, на стѣнѣ, облицованной лакированнымъ краснымъ деревомъ, висѣли фотографіи семьи, а надъ кроватью — портретъ его жены, сѣдой дамы, похожей на Сельму Лагерлефъ.

Ларсенъ, не торопясь, натянулъ высокіе резиновые сапоги, надѣлъ пальто изъ просмоленнаго брезента и, нохожую на шлемъ — зюйдвестку. Застегивая ея подбородочный ремень, онъ подошелъ къ портрету жены.

Въ открытый иллюминаторъ ворвался вѣтеръ со звукомъ игрушечной сирены: скромное, незначительное завываніе...

Солнца уже не было, небо — багрово сѣрое. Ларсенъ крѣпко завинтилъ иллюминаторъ и вышелъ на палубу, плотно закрывъ за собой дверь каюты. Онъ зналъ, что не скоро въ нее вернется.

Уже тяжело было дышать. Необыкновенная тишина царила на огромномъ водномъ пространствѣ. Море застыло свинцово-сѣрымъ зеркаломъ, слегка измѣнявшимъ отраженіе бурыхъ облаковъ.

Опять завывала небесная сирена, но въ этотъ разъ — съ такой силой, что отозвалось въ ушахъ.

Ларсенъ поднесъ къ глазамъ длинный морской бинокль. Далеко-далеко, на лѣво подымалась черная гря-

да. Справа, на разстояніи миль трехъ, било вѣтромъ джонку, и было видно, какъ кучка людей что-то дѣлала у наклонившейся мачты съ четырехугольнымъ парусомъ.

Матросы бѣгомъ потащили канатъ по верхней палубѣ на корму. Протягивали лееръ, за который во время бури держится работающая на верхней палубѣ команда.

Когда они были уже у кормы, у одного изъ нихъ сорвало шапку. Она быстро поднялась къ небу и скрылась въ бурной мглѣ.

Тайфунъ накрывалъ «Вампоа».

Пѣнные валы шли прямо по носу «Вампоа» и первый изъ нихъ, слегка приподнявъ корпусъ, съ шумомъ водопада покрылъ всю верхнюю палубу, заглянулъ въ кубрикъ, добѣжалъ до кормы и скатился за бортъ грязно-желтыми потоками.

Съ мостика паруходъ казался небольшой шлюпкой, спускающейся по масляному скату чудовищной волны. До слѣдующей волны было по меньшей мѣрѣ полъ-мили, но она быстро приближалась, еще выше, грознѣе, чѣмъ первая.

Опасенія Кнута Ларсена оправдывались. «Вампоа», слишкомъ нагруженный, неохотно ползъ на валъ, который вскорѣ накрылъ его еще больше, чѣмъ первый. Съ минуту онъ былъ подъ водой, и командирскій мостикъ казался маленькимъ островкомъ среди массы кипящей воды.

Сквозь вой вѣтра слышалось зловѣщее жужжаніе работавшихъ въ воздухѣ винтовъ. Каждая снасть, каждый острый уголъ, стонали и свистѣли. Вѣтеръ дулъ съ такой силой, что казался плотной массой, ударившей по тѣлу. На мгновение онъ сталъ, и въ воздухѣ хлопнуло, будто тряхнули мокрую простыню. Маленькій бѣлый платокъ понесся кверху.

— Сорвало со штока флагъ. «Вампоа», какъ будто, спустилъ флагъ передъ врагомъ. Въ этомъ старикъ Ларсенъ увидѣлъ дурное предзнаменованіе.

Пропустивъ подъ мышку лееръ, разбрызгивая воду, по палубѣ пробирался человекъ, съ оливковымъ лицомъ, въ грязномъ, полосатомъ натѣльникѣ.

Это былъ посланный механикомъ машинистъ Юанъ-Сингъ. Онъ пришелъ съ плохими вѣстями: машинная команда не хотѣла больше бороться. Старый Ларсенъ долженъ былъ спуститься въ машину, чтобы съ револьверомъ возстановить порядокъ...

**

Крейсеръ «Аметистъ», шедшій изъ «Намбо Сото» на Формозѣ, къ двѣнадцати часамъ ночи былъ на высотѣ Лиу-Киу.

Погода была тихая, безъ луны. Небо было покрыто огромными сіяющими звѣздами, лившими зеленоватый свѣтъ. Море темнѣло, безъ одинаго проблеска, и если смотрѣть на него съ борта, производило впечатлѣніе бездонной пропасти. Въ этой темнотѣ, «по носу смотрящіе», стоявшіе на вахтѣ на бакѣ, не могли разглядѣть надвигавшейся гряды водяныхъ горъ. Машинисты, смѣнившіеся съ послѣдней вахты, мылись въ банѣ, когда «Аметистъ» внезапно положило. Скользя въ мыльной теплой водѣ, вся груда голыхъ мускулистыхъ людей, покатила въ уголь, опрокидывая баки съ кипяткомъ.

— Ишь ты, словно катокъ, — недовольно сказалъ машинный унтеръ-офицеръ Войтковскій, самый сильный человекъ на кораблѣ, — и чего бы это такое могло приключиться?

«Аметистъ» не подымался.

Кренометръ у входа въ машинное отдѣленіе показывалъ 42 градуса крена.

— Никакъ погибаемъ братцы! — сорвавшимся голосомъ крикнулъ веснушчатый молодой машинистъ «Молибога», — что-жъ это будетъ?..

Откуда-то донесся неописуемый грохотъ и стукъ, то вылетали изъ гнѣздъ винтовки. Въ камбузѣ со звономъ билась посуда.

«Молибога» бросился къ трапу.

Но «Аметистъ» сталъ подыматься и, дойдя до нормальнаго положенія, медленно началъ ложиться на другой бокъ. Хотя испугался не одинъ «Молибога», но, обрадовавшись случаю показать себя безстрашными молодцами, матросы загалдѣли всѣ разомъ, высмѣвая «Молибога».

— Эхъ ты, морской герой! Ужъ, дѣйствительно, моли-бога, — радостнымъ басомъ кричалъ Войтковскій. — Фамилія у тебя реліозная, и ходитъ тебѣ въ подрясникѣ, не въ матроцкой формѣ.

И весело пригнулъ за мокрые волосы его голову своей огромной лапой.

«Аметистъ» повернулъ въ разрѣзъ волнамъ, и боковая качка смѣнилась на килевую. Въ закрытые иллюминаторы стали бѣшено биться волны...

**

... Радиотелеграфистъ, бѣлесый кондукторъ Курочкинъ, принималъ радіо.

— «Эсоэсъ», — сказалъ онъ, обернувшись къ стоявшему тутъ же вахтенному офицеру, мичману Грехе.

— Спросите скорѣе его мѣсто, — быстро и почему то шепотомъ, бросилъ тотъ Курочкину.

Кондукторъ сталъ выстукивать фразу, нажимая на клавишу круглой пуговкой.

— Опять «Эсоэсъ», а мѣста не говорить. Все время даетъ «твердо», значить, «слушайте всѣ». А вотъ — опять «Эсоэсъ».

— Ну, что, разбудилъ? — спросилъ Греве появившагося въ дверяхъ вахтеннаго.

— Его благородіе, господинъ командиръ, сейчасъ идутъ, — крикнулъ вахтенный, но свистъ вѣтра заглушилъ конецъ фразы.

— Вотъ-вотъ, кажется, даетъ, — быстро сказалъ Курочкинъ и поднялъ руку, какъ бы для того, чтобы ему не мѣшали слушать. — Двадцать, сорокъ два и пять Нордъ, 122, два и сорокъ Истъ, — сказалъ онъ Греве съ такимъ удовлетвореніемъ, будто главное въ дѣлѣ спасенія было уже сдѣлано.

— Еще говорить. Имя даетъ. «Вампоа», карго. Сейчасъ-сейчасъ. Взрывъ котловъ!

Было еще темно, часа три утра, когда у «Аметиста», шедшаго на помощь погибающему «Вампоа», лопнулъ штуртросъ, цѣпь отъ рулевого колеса.

Корабль легъ. Почти каждая волна перекатывалась черезъ него и уходила, разсыпавшись по палубѣ съ шумомъ горной рѣки.

Переносная люстра освѣщала группу людей, бившихся надъ наложеніемъ скобы на порванную цѣпь. Было видно, какъ изъ темной бездны выпрыгивали танцующія, тяжелыя волны и накрывали работавшихъ.

Нѣсколько разъ удавалось сблизить концы, но только готовились вложить болтъ въ скобу, что нибудь случалось съ румпель-талями, и цѣпь снова расходилась.

«Вампоа» продолжалъ звать на помощь, но только давалъ «твердо» — «слушайте всѣ», будто, онъ уже не въ силахъ былъ сказать больше. Были перехвачены еще два радіо съ англійскихъ «купцовъ», бывшихъ много съвернѣе «Вампоа».

Наконецъ, штуртросъ починили, и «Аметистъ» опять пошелъ, то взлетая на водяныя горы, то, будто, скользя на салазкахъ внизъ.

**
*

Наступалъ разсвѣтъ... Четверо рулевыхъ ворочали штурвалъ. Работа была трудная, люди были въ поту. Приходилось напряженно слѣдить за компасомъ, такъ какъ корабль, идя полнымъ ходомъ, по попутной волнѣ, зарывался и уклонялся съ курса.

Море было мутно-желтаго цвѣта, и, казалось, что въ своемъ кипѣннн подымало песокъ и глину и варилось вмѣстѣ съ ними въ огромномъ котлѣ. Тучъ не было, носящаяся водяная пыль закрывала горизонтъ, будто молочная стѣна.

Когда пришла смѣна, рулевые, цѣпляясь за лееръ, перешли въ кубрикъ. Снявъ мокрую одежду, они молча сидѣли нѣкоторое время.

Затѣмъ, одинъ изъ нихъ, старшина Левчукъ, медленно перекрестился, другіе сдѣлали то же.

— Упокой, Господи, ихъ души, — медленно сказалъ Левчукъ. — Здоровеннѣйшій былъ человекъ, — продолжалъ онъ, можно сказать, настоящій атлетъ. И какъ это его волна захватила? Подумать, что какъ разъ, когда кончилъ клепать. Не помогла Войтковскому его сила.

Опять наступило молчаніе.

— А что это тотъ другой за нимъ увязался, Молибога этотъ? — сказалъ кто-то.

— Хотѣлъ безстрашіе свое показать. Рассказывали, что въ банѣ, какъ въ первый разъ положило, онъ ослабъ.

— Вотъ теперь и оправдался, самъ на смерть напросился.

— А скажи, пожалуйста, для чего все это, вѣдь, купецъ тотъ, должно, уже давно кончился, его, Курочкинъ говоритъ, пожаромъ охватило.

— А для того, козья голова, что на всякій случай! Мало ли что можетъ быть, какая чуда. А вдругъ на водѣ сейчасъ, вотъ, одна душа еще держится и трепещетъ, чтобы спасли. Вотъ, мы эту душу и идемъ спасать. Ты бы, небось, радъ былъ, чтобъ къ тебѣ цѣлая эскадра пошла на помощь.

— Такъ, выходитъ, что за одну единственную душу, а можетъ, и ни за кого, своихъ двѣ души въ глыбу ушли?

— Это по нашему, такой счетъ, а у Бога другая арифметика, и до этого тебѣ съ твоимъ умомъ не дойти, Дуняша!

И Левчукъ сталъ карабкаться на уходившую отъ него и качающуюся койку.

ЖЕНЩИНА ВЪ МЪХАХЪ

Хотя якорь уже «сталъ», «Моржъ» продолжалъ еще идти впередъ по инерціи, беззвучно и безъ брызгъ прорѣзая зеленовато-молочную воду бухты, пока не натянулъ якорнаго каната. Тогда онъ тихонько пошелъ по кривой, начавъ циркуляцію.

«Моржъ» находился въ бухтѣ «Провидѣнія», единственной гавани маленькаго, заброшеннаго народца, чукчей, далеко за полярнымъ кругомъ, въ Беринговомъ проливѣ.

Отъ низкаго, безотраднаго берега отдѣлилось десятка два темныхъ точекъ, быстро направлявшихся къ кораблю.

Командирскій вѣстовой, Станиславъ Поплавскій, котораго команда называла «Штаньснявъ», веселившій публику своимъ сквернымъ русскимъ языкомъ и особымъ шутовскимъ хвастовствомъ, чрезвычайно любившій знакомства съ новыми странами, смотрѣлъ теперь, затаивъ дыханіе, на узкую линію берега и на маленькія суденышки, въ которыхъ гребли къ «Моржу» одѣтые въ мѣховыя одежды безусые, женоподобные, широкоскулые люди съ узкими, въ щелку глазами.

Они гребли однимъ весломъ съ двумя лопастями необыкновенно ловко, словно играя, безъ усилій, какъ рыба работаетъ хвостомъ и плавниками. Ихъ мѣховые

капоры были спущены и изъ просторныхъ малиць выглядывали маленькія круглыя головки съ плоскими, спускавшимися на лобъ черными волосами.

Первымъ поднялся по трапу маленькій чукча со старческимъ сморщеннымъ личикомъ, старшина племени, судя по молчаливому вниманію, которое ему было оказано другими.

Съ медленной важностью онъ выпросталъ изъ круглаго отверстія байдарки свои ноги въ мѣховыхъ чулкахъ, легко и мягко, какъ кошка, выпрыгнулъ на рѣшетчатую площадку трапа, даже не накренивъ на бокъ вертакаго челнока, чуть чуть оттолкнулъ его назадъ и привязалъ къ столбику поручня.

Затѣмъ онъ медленно сталъ подниматься по невысокимъ пологимъ ступенькамъ трапа. За нимъ послѣдовали другіе чукчи, неся на спинѣ грузъ: моржовую кость, спермацетъ, китовый жиръ.

Однимъ изъ послѣднихъ подошелъ къ «Моржу» челнокъ, въ которомъ сидѣло совсѣмъ маленькое мѣховое существо.

Оно медленно выползло на трапъ, и хотя на немъ были тѣ же мѣховые штаны, что и на другихъ гостяхъ, — короткая черная съ просѣдью косица съ грязной тряпичей на концѣ указывала, что это была женщина.

Въ ея рукѣ былъ узелокъ когда то красный, но потемнѣвшій отъ грязи. Расправивъ короткія, кривыя ноги, она въ нерѣшительности остановилась передъ никогда невиданнымъ сооруженіемъ — трапомъ, поколебавшись немного, опустилась на четвереньки и по обезьяньи, при дружномъ ржаніи глазѣвшихъ на нее матросовъ, довольно быстро поднялась на верхнюю палубу.

— Гляди, Николаевъ, никакъ, баба, — сказалъ смѣшливый трюмный старшина Здоровчукъ, своему пріятелю.

лю канониру. — Убей Богъ, баба. Мать честная, совсѣмъ цыганская обезьяна, что съ шарманкой ходить, только изъ себя фигуркой побольше.

— Это мы сейчасъ у Поплавскаго спросимъ, онъ живо разберетъ, какъ онъ есть специалистъ, баба или мужикъ?

— Поплавскій! Гдѣ онъ? Поплавскій! — раздались голоса. — Гроби сюда Штанысвѣвъ, дѣло будетъ!

— Къ Поплавскому жена пріѣхала!

Подталкиваемый со всѣхъ сторонъ смѣющимися матросами появился Поплавскій. Понявъ, что онъ — центръ вниманія, вѣстовой важно остановился передъ чукчей, едва доходившей ему до груди и серьезно обошелъ ее кругомъ.

Чукча, крѣпко прижавъ къ груди узелокъ, поворачивалась слѣдомъ за нимъ, пристально смотря ему въ лицо узкими глазками съ воспаленными вѣками.

— Я такъ мыслю, — произнесъ Поплавскій, послѣ хорошо разыграннаго раздумья, — же то есть кобита, по-россійску — баба.

Раздался громкій смѣхъ.

— Но она есть аристократка, бо ма сличны перфумы. Ладне пахне.

Новый взрывъ смѣха. Отъ чукчи шелъ удушающій запахъ ворвани и тюленьяго жира.

— Ай-да Штаныснявъ, вотъ повезло матросу! Поплавскій на листократкѣ жениться будетъ.

Зрители присѣдали отъ смѣха, хлопая себя по крѣпкимъ ляшкамъ красными лапами, стонали, кашляли и отплевывались отъ восторга.

Маленькая мѣховая женщина, какъ будто понявъ, что надъ ней смѣются, медленно произнесла на пѣвучемъ языкѣ какія то слова, въ которыхъ были почти

однѣ гласныя, затѣмъ присѣла на корточки и закрыла глаза.

Она не хотѣла никого видѣть. Сухая, до черноты грязная ручка ея опустилась на узелокъ, впилась въ него пальцами.

Въ этой позѣ чукча оставалась до вечера, до того момента, когда гостей просятъ очистить верхнюю палубу и удалиться съ корабля.

Маленькую фигурку во всемъ мѣховомъ пришлось силой отнести въ байдарку. Она не хотѣла уходить.

Въ теченіе недѣли, что «Моржъ» стоялъ въ бухтѣ «Провидѣнія», старая чукча первой являлась на корабль, и всякій разъ вечеромъ приходилось ее удалять силой...

Звали ее матросы, либо «листократкой», либо «госпожей Поплавской».

Имѣвшія отдѣльныя каюты, боцманъ Шульга, маленькій и кряжистый, вылитый, какъ изъ желѣза, и баталеръ Роксиковъ, толстый и рябой, сидѣли въ центрѣ общаго стола и ужинали.

Ѣда состояла изъ «биточковъ» и каши. Они ѣли медленно и дѣловито, съ такимъ видомъ, какъ будто оказывали командѣ особую честь тѣмъ, что сидѣли съ ней за однимъ столомъ.

Каждое ихъ движеніе, аккуратность, съ какой они разрѣзали огромные «биточки» или отрѣзали ломти хлѣба, медлительность пережевыванія пищи и даже то, какъ дѣловито икнули они послѣ ужина, все говорило объ ихъ прекрасномъ воспитаніи и о глубокомъ уваженіи, которое оба питали къ своей собственной особѣ.

— Николаевъ, — металлическимъ голосомъ обратился боцманъ къ канониру, — налей мнѣ, дорогая, анкерку чая... А что, ребята, — обратился онъ ко всѣмъ,

принимая обѣими руками огромную кружку горячаго питья, — есть ли новости по поводу «листократки»? Какъ ты, Штаньсныявъ, не огорчаешься, что скоро долженъ разстаться съ супругой навѣки?

Послѣдовалъ почтительный смѣхъ команды.*

— Поплавскій, что-жъ ты пригорюнился? — вводилъ его въ игру Здоровчукъ. — Отвѣчай господину боцману, какъ они насчетъ твоей супруги безпокоются.

Польщенный общимъ вниманіемъ, Поплавскій наморщилъ лобъ, готовясь дать отвѣтъ.

— Я ее венце не желаю, — произнесъ онъ медленно и важно. — Бо она носе майтке, штаны по россійску, а не сподницу, какъ аристократычна кобита.

Боцманъ закашлялся отъ смѣха и стукнулъ кулакомъ по столу. Величавый баталеръ улыбался съ какимъ то горькимъ удивленіемъ. Команда гоготала, не сдерживая своего восторга.

Кончивъ смѣяться, Шульга вздохнулъ, обсосалъ усы и опять послалъ Николаева за чаемъ. Выпивъ вторую чашку, онъ поставилъ ее вверхъ дномъ и всталъ отъ стола. Проходя, онъ заглянулъ въ иллюминаторъ.

— А та все крутить, да крутить коло корабля. Боятся, какъ безъ ее не ушли. Должно, ума рѣшивши.

И боцманъ, безнадежно махнувъ рукой, прослѣдовалъ къ себѣ. Матросы посмотрѣли по указанному направленію.

На палево-розовой закатной водѣ застыла байдарка старухи чукчи. Море было такъ спокойно, что отраженіе ея не колыхалось и не ломалось на водѣ. Точно въ зеркалѣ...

На утро пришелъ въ бухту «Провидѣнья» второй ледоколъ экспедиціи, «Тюлень». О чукчѣ на время за-

были и вспомнили о ней только вечеромъ, передъ спускомъ флага.

За обѣдомъ было нѣсколько выпито по поводу «встрѣчи друзей», пылкій «динамитъ», старшій офицеръ Бемме, былъ нѣженъ и ласковъ.

— Докторъ, медицина моя дорогая, — говорилъ онъ слегка заплетающимся языкомъ Покоеву, врачу съ «Тюленя», — разъясни мнѣ одну загадку, необыкновенную загадку. Тутъ чукча одна есть... Попплавскій, взвейся наверхъ и скажи, что я приказалъ, чтобы ее не трогали, эту старуху... Мы сами сейчасъ придемъ туда.

— Такъ вотъ... Ты ничего не знаешь? Чукча тутъ такая необыкновенная есть, все тянетъ ее къ нашему кораблю, не отгонишь. А понять ее никто у насъ не «могитъ». Ты вѣдь можешь съ ними объясняться, съ чукчами? Поговори съ ней, медицина! Я увѣренъ, что тутъ не спроста. Наши гранды, конечно, скептически настроены. Хочешь, подыдемся?

Покоевъ, толстый и большой, лѣтъ подъ шестьдесятъ, но еще крѣпкій, съ сѣдыми свисающими усами и голубыми, какъ васильки, смѣющимися глазами, поднялся и потянулся. — У него была манера безшумно насвистывать какой-нибудь мотивъ.

Сегодня это было: *la donna e mobile*.

— Ну, пойдемъ, другъ динамитъ, посмотримъ твою чукчу, — и онъ сталъ подыматься по трапу, продолжая насвистывать свою дежурную арію.

Старая чукча, какъ всегда, была окружена толпой балагурившихъ матросовъ. Шелъ послѣдній актъ ежедневной комедіи. Въ это время ее сносили на рукахъ внизъ по трапу къ байдаркѣ, такъ какъ сама уходитъ она не соглашалась. Она была уже готова къ борьбѣ и уцѣпилась цѣпкими, сухими руками за поручни.

При видѣ офицеровъ, матросы разступились, и хотють затихъ.

Сама чукча, при появленіи двухъ новыхъ лицъ, въ которыхъ она почувствовала начальниковъ, оставила поручни и обратилась къ офицерамъ съ довольно длинной рѣчью на своемъ странномъ птичьемъ языкѣ.

Докторъ пристально смотрѣлъ на нее смѣющимися глазами и продолжалъ насвистывать.

Вдругъ онъ остановился и повторилъ одно слово, которое только что произнесла чукча. Повидимому, онъ былъ въ величайшемъ изумленіи.

Тогда старуха опустила за пазуху свою тонкую руку, напоминавшую лапу хищной птицы, и, слегка пошаривъ на груди, вытащила нѣсколько предметовъ.

Сначала, большой шаръ изъ тюленьяго жира, затѣмъ — колотый кусокъ сахара, весь пропитанный жиромъ и очень грязный.

Третьимъ предметомъ была фотографическая карточка кабинетнаго формата.

Докторъ съ необычайной для него живостью овладѣлъ снимкомъ.

Бемме потянулся къ нему, и они стали разсматривать вдвоемъ.

Съ промасленнаго насквозь альбумина бумаги на нихъ смотрѣли задумчивые глаза миловидной дѣвушки въ формѣ привилегированнаго учебнаго заведенія.

Докторъ отступилъ назадъ.

Маленькая старушка тоже смотрѣла на него своими узкими гноящимися глазами, въ которыхъ была тревога, мольба и ожиданіе.

— Ея дочь, — крикнулъ Покоевъ и почему то сердито щелкнулъ пальцами по карточкѣ. — Вотъ, знаете,

положеньице, хуже губернаторскаго! Она требуетъ, чтобы ее везли къ Бѣлому Царю, къ дочери.

— Да, да... Я вспоминаю, былъ такой случай, былъ, — быстро заговорилъ докторъ. — Какимъ то образомъ ей доставили съ китобоя эту карточку лѣтъ пять назадъ. Пойдемъ, поговоримъ, — и онъ крупными шагами пошелъ къ трапу, ведущему въ каютъ-компанію.

Спустившись внизъ, Покоевъ откинулся въ глубокомъ кожаномъ креслѣ, держа передъ собой фотографію.

— Безусловно, судя по карточкѣ, раса улучшена. Хвала и честь американскимъ китобоямъ...

Затѣмъ онъ бросилъ фотографію на столъ и продолжалъ:

— Докторъ Плетневъ разсказалъ мнѣ эту исторію. Лѣтъ двадцать тому назадъ, онъ, еще молодымъ человекомъ, плавалъ на «Тунгузѣ» и былъ какъ разъ въ этихъ мѣстахъ. У чукчей въ этотъ годъ былъ голодъ. Не то, что хлѣба не было, а былъ рыбій неурожай, такъ сказать. Люди умирали. Въ первую голову, — дѣти, разумѣется.

У этой самой дамы, что ждетъ наверху рѣшенія судьбы, умерло двое дѣтей, оставалась еще дѣвочка лѣтъ пяти. Очень славненькая, между прочимъ. Наши взяли ее.

— Кажется, за мѣшокъ муки или боченокъ рома, что-то въ этомъ родѣ. «Тунгузъ» усыновилъ эту дѣвочку. — Дочь корабля...

Да неужели никто ничего не слышалъ объ этомъ, господа? Дѣвочку привезли въ Петербургъ, ею заинтересовались. Отдали въ Смольный. Она была очень хороша собой и необыкновенно проста и естественна.

По окончаніи института, ея увлекся богатый чело-
вѣкъ, гвардейскій офицеръ.

— Особнякъ на Сергіевской. Выѣздъ. Абонементъ,
журъ-фиксы, придворные балы...

Продолженіе — на «Моржѣ». Маманъ хочетъ къ ней,
къ своей собственной дочери въ Санктъ-Петербургъ, въ
особнякъ на Сергіевскую.

— Представьте себѣ такую картину: Швейцарь... Ог-
ромный съ медалями... Парадная дверь, зеркала, лѣстни-
ца, покрытая коврами.

Маманъ въ мѣховыхъ штанахъ ползетъ по ней на
четверенькахъ.

— Это, такъ сказать, начало. Но главное, главное!

— Встрѣча съ дочерью. Они не знаютъ поцѣлуя, чук-
чи, они трутся носами. Если у дочери есть собачка, то
въ ней больше культуры, чѣмъ въ чукчѣ. Но, тс-с-с!..
Одна вещь, страшная вещь, непреоборимая вещь, —
сердце матери! Да, она вползетъ на четверенькахъ по
парадной лѣстницѣ, она трется носомъ съ дочерью, все
это великолѣпно, но она мать! Такъ сказать, законъ
естества, священное право.

Впрочемъ, не мнѣ рѣшать этотъ вопросъ, — доба-
вилъ докторъ, растягивая слова. — Я рассказалъ, что
зналъ и осмѣлился нескромно привести свои соображе-
нія. По моему дѣло весьма запутанное, но рѣшить его
долженъ командиръ корабля...

«Моржѣ» не взялъ съ собой старой чукчи.

Когда отъ винта забурлила молочная вода бухты
«Провидѣнія», подъ круглой подобранной кормой ледо-
кола пошла широкая и пѣнная струя, подобная малень-
кому водопаду. Подальше, она сглаживалась, становясь
похожей на замысловатая кружева въ движеніи. Еще

дальше — рядъ быстрыхъ водоворотовъ, постепенно успокаивающихся и сглаживающихся.

По этой струѣ еще долго держалась байдарка чукчи, гнавшаяся за кораблемъ, безъ всякой надежды, для того только, чтобы отвести душу, чтобы въ напряженной работѣ заглушить тоску.

— ... А какъ вы полагаете, Спиридонъ Митрофановичъ, — сладкимъ голосомъ спросилъ за обѣдомъ боцмана баталеръ Роксиковъ, — правильно ли поступили господа офицеры, что эту самую мѣховую мадаму не взяли съ собой?

— А я такъ полагаю, что это твоей писарской морды вовсе не касается, — вскипѣлъ и на «ты» рявкнулъ на него Шульга.

СОНЪ

Было уже одиннадцать часовъ вечера, когда командиръ ступилъ на скользкую, скрипящую сходню миноносца. Стоялъ морозъ градусовъ въ пять, снѣгъ падалъ мелкими, колющими лицо крупинками.

На морѣ было свѣжо. За слабо освѣщенной огнями порта и судовъ границей неба нависла кромѣшная тьма. Вѣтеръ раскачивалъ миноносецъ, стальные тросы съ унылымъ стономъ и визгомъ входили въ клюзы, то натягиваясь, то опускаясь.

Слѣва и справа стояли еще корабли, поблескивая топовыми огнями, очертанія ихъ уходили въ темноту. Прорѣзая мракъ, далеко загорались на верхушкахъ мачтъ дредноута желтые огоньки: дредноуть съ кѣмъ то переговаривался по азбукѣ Морза.

Внезапно вспыхнулъ совсѣмъ близко красный огонь лавирующей лайбы, слишкомъ близко подошедшей къ берегу. Хриплый голосъ что то прокричалъ по-фински.

Командиръ съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на красный огонь. Хоть ничего необычнаго и страшнаго не было въ томъ, что бѣдную лайбу порывомъ вѣтра навалило на стѣнку лѣвымъ бортомъ, но красный огонь, огонь тревоги и надвигающейся опасности, такъ живо напоминалъ этотъ тяжелый сонъ, что снился командиру три ночи кряду! Да еще — предстоящій походъ, послѣд-

ній въ году, изъ Гельсингфорса въ Петербургъ, ночной походъ въ свѣжую погоду и... въ пятницу. Надо было везти адмирала, не признававшего примѣтъ и, конечно, ни за что не согласившагося бы отложить походъ на другую ночь. Итти ночью ему было удобнѣе, днемъ онъ былъ всегда занятъ. Но, все же довольно таки неприятное сочетаніе: «пятница» и «послѣдній походъ».

Такъ старался думать командиръ, но глубоко и спокойно подъ этими мыслями шевелилась другая: «вдругъ исполнится сонъ?».

И тутъ же онъ старался улыбнуться: «надо взять себя въ руки, забыть. Вздоръ эти вѣщіе сны», — и командиръ уже весело принималъ рапортъ отъ вахтеннаго офицера, совсѣмъ молодого человѣка съ пушкомъ на розовомъ лицѣ.

Пары были подняты, ждали только прибытія адмирала, чтобы отвалить отъ стѣнки. И все время, черезъ короткіе промежутки, подымалась у командира, сейчасъ же подавляемая, тревожная мысль: «сонъ, красный огонь». Хотѣлось поскорѣе выйти въ море, услышать шумъ винта и плескъ разбиваемой волны.

Онъ ходилъ по мостику размѣренными, твердыми шагами. Въ освѣщенной секторами огня полосѣ показывались мелкія снѣжинки, порой сгоняемыя вѣтромъ въ сплошной бѣлый пологъ, и исчезали, уходя въ темноту.

Завыла сирена «Новика» на противоположномъ концѣ порта. Командиръ вздрогнулъ отъ неожиданности, и сейчасъ же за сиреной зазвенѣли вѣрные, металлическіе удары «рынды». Били склянки: три двойныхъ и одиночный ударъ: половина двѣнадцатаго.

«Сейчасъ будетъ адмиралъ... Сколько ужъ разъ до-

водилось проходить изъ Гельсингфорса въ Петербургъ — и ночью, и не въ такую погоду. Похуже бывало».

«Да, но вѣдь тогда не было этого сна», — невольно вспоминалъ командиръ, — «и вѣдь какъ прочно застрялъ въ мозгу, только о немъ и думаю. А попробуй не думать! — Все равно, что не думать о бѣломъ медвѣдѣ».

По палубѣ пробѣжалъ машинистъ въ полосатомъ тѣльникѣ, — въ его рукахъ былъ чайникъ, полный кипятку, отъ котораго подымался совсѣмъ бѣлый паръ, — и скрылся въ кубрикѣ.

«Плохо то, что если сонъ исполнится, кромѣ меня погибнетъ и сто человекъ команды. Интересно, снилось ли еще комунибудь изъ нихъ?.. Какой вздоръ».

Порывъ вѣтра злобно потрясъ брезентомъ мостика и принесъ съ собой автомобильный гудокъ. Но машина адмирала еще не скоро вынырнула изъ темноты.

Шофферъ, матросъ въ кожаной курткѣ и въ шапкѣ съ развѣвающимися ленточками, соскочилъ съ сидѣнья и отворилъ дверцу. Изъ автомобиля вышла маленькая и плотная фигура адмирала и бодро поднялась по сходнѣ на бортъ корабля. Командиръ спустился навстрѣчу.

Когда остались позади портовые ворота, онъ уже не думалъ о своемъ снѣ. Было достаточно другихъ заботъ. Навигация заканчивалась, купцы изъ разныхъ странъ торопились доставить свои карго. Огней было столько, будто торговый флотъ весь цѣликомъ вышелъ на прогулку.

Миноносецъ шелъ при попутномъ вѣтрѣ своимъ двадцатипятиузловымъ ходомъ и, спускаясь съ гребня волны, зарывалъ носъ. При этомъ онъ уходилъ немного съ курса, и его надо было выравнивать. Когда свѣрили компасъ съ маячными створами, адмиралъ, до тѣхъ поръ остававшійся на мостикѣ, пожелалъ спокойной ночи и,

попросивъ разбудить, «если что случится», спустился къ себѣ.

Наверху оставались командиръ и старшій офицеръ.

Вѣтеръ все крѣпчалъ, порой переходя въ бурю. Миноносець звенѣлъ при ударѣ о волну и затѣмъ яростно бросался впередъ. Кругомъ были огни. Совсѣмъ, какъ во снѣ.

Разъ, скользя внизъ волны, миноносець такъ зарылся носомъ, что поднялась корма и винты обнажились и загудѣли, какъ огромные шмели.

— Не уменьшить ли ходъ? — спросилъ старшій офицеръ, стараясь говорить спокойно, и взялся было за рукоятки телеграфа.

Командиръ отрицательно покачалъ головой. Уменьшать ходъ было не въ его обычаѣ.

На траверзѣ Гогланда стало тише. Командира клонило ко сну.

— Я пожалуй, спущусь въ каютъ-компанію, немного согрѣться чайкомъ. Если что произойдетъ, пошли за мной, — сказалъ онъ старшему офицеру, сгибая и разгибая рукава пальто и дѣлая движенія корпусомъ, чтобы разломать и стряхнуть намерзшій ледъ. — Но я полагаю, ничего не произойдетъ, — улыбнулся онъ и сталъ спускаться по трапу, пристально всматриваясь въ огоньки, мерцавшіе на совсѣмъ черномъ фонѣ моря.

Въ каютъ-компаніи тепло и привѣтливо. Командиръ, сбросивъ на руки вѣстового обледенѣлое пальто, приказалъ подать чаю съ ромомъ. Сѣлъ и надвинулъ фуражку на глаза, защищаясь отъ яркаго свѣта лампы. Здѣсь, въ мягкомъ кожаномъ креслѣ, особенно уютно послѣ долгой вахты на обледенѣломъ мостикѣ.

Вѣстовой принесъ стаканъ изъ толстаго стекла, съ

горячимъ чаемъ и граненый графинчикъ рому. Командиръ сдѣлалъ нѣсколько глотковъ, потянулся.

Запахъ рому напомнилъ ему Ямайку, яркій цвѣтушій островъ, на которомъ довелось ему побывать гардемариномъ, — Ямайку, а заодно и краткій романъ съ тоненькой миссъ, которой онъ былъ представленъ на вечерѣ у губернатора. Онъ вспомнилъ и о поцѣлуѣ во время прогулки верхомъ...

Надъ головой сѣхо потрескивала рулевая машинка и по этимъ звукамъ командиръ узнавалъ, когда клали руля. Машинка передвигалась чуть-чуть. Держали прямой курсъ, выравнивая его, когда сбивали волны.

Подъ этотъ трескъ командиръ заснулъ, сразу и такъ внезапно, будто какой то часовой механизмъ захлопнулъ ему вѣки. И сразу пришелъ знакомый сонъ. Тотъ же сонъ, что снился три ночи кряду, еще на берегу. Но теперь, въ морѣ, среди волнъ, наносящихъ желѣзнымъ бортамъ звонкіе и тяжкіе удары, этотъ сонъ былъ особенно ярокъ и страшень.

Командиру снилось, что онъ стоитъ на мостикѣ. Волны, огромныя и неестественныя, какія могутъ быть только во снѣ, поднимаются высоко надъ миноносцемъ, все выше, выше, пока совсѣмъ не закрываютъ мрачное, глухое, беззвѣздное небо. Но корабль не подымается на волну, онъ прорѣзаетъ ее насквозь, проходя какъ бы въ туннель изъ темнаго стекла. Командиру ничто не кажется страннымъ, но сердце его бьется учащенно. Онъ знаетъ, что сейчасъ произойдетъ встрѣча. Она неминуема. Такъ всегда случалось въ этомъ снѣ... И, дѣйствительно; издалека послышался гулъ, будто били въ огромный турецкій барабанъ. Гулъ разрастался, но среди волнъ долго ничего не было видно.

Гуль становился все громче и ближе, вскорѣ можно

уже различить отдѣльные звуки, стукъ чудовищной, неровно работающей машины. Она стучитъ въ два хромящихъ темпа «та-таа», и второй — «та», болѣе продолжительный, чѣмъ первый. Порой присоединяется визгъ заржавѣлой рулевой цѣпи и тяжкій ударъ ея по палубѣ. Шумъ слышится то по носу, то по кормѣ, иногда удаляясь, почти затихая, потомъ сразу — у самага борта... Командиръ не можетъ оторвать рукъ отъ поручней. Онъ не можетъ пошевелиться, не можетъ оторваться отъ своего мѣста. Лишь когда миноносецъ уходитъ въ туннель, онъ вздыхаетъ свободнѣе на короткое мгновеніе.

Это продолжалось долго. И вдругъ, совсѣмъ близко — огонь, красный огонь на лѣвомъ борту. И сейчасъ же, сразу вырисовался, освѣщенный багровыми отблесками бортъ наваливагося на миноносецъ чудовищно-огромнаго парохода. На немъ нѣтъ жизни. Только слышится глухой гулъ и ржавый скрипъ старой усталой машины... Наконецъ, командиру удается сдвинуться съ мѣста. Онъ бросается въ рулевую рубку. Фуражку его сносить вѣтромъ. Оттолкнувъ рулевого, командиръ хватаетъ штурвалъ. Онъ кладетъ руля до отказа, лѣво на бортъ, все время глядя на призрачный корабль, не будучи въ силахъ отвести отъ него взгляда. Все залито краснымъ свѣтомъ, корабль какъ бы тонетъ въ морѣ крови, но миноносецъ не слушается руля. Разстояніе между нимъ и призракомъ не мѣняется. Командиръ даетъ задній ходъ, полный задній ходъ, но красный огонь горитъ все ближе. И вдругъ — громъ удара и визгъ разрываемаго желѣза...

Командиръ подскочилъ въ креслѣ и проснулся.

Надъ его головой неистово трещала рулевая машинка. Послышался стукъ ногъ бѣгущихъ людей. Руля клали съ предѣльной быстротой то на право, то на лѣво.

Миноносецъ давалъ перемѣнные хода и вдругъ покотился назадъ.

Командиръ, не надѣвая пальто, нѣсколькими прыжками взялъ трапъ и поднялся на мостикъ.

Прямо въ глаза ему билъ близкій красный огонь лѣваго борта. Огромный коммерческій пароходъ навалился на миноносецъ. Они не могли разойтись, какъ два прохожихъ на улицѣ, когда каждый пытается дать другому дорогу, пока не столкнутся другъ съ другомъ.

Миноносецъ сталъ вертѣть на лѣво, карго повторилъ его маневръ и еще приблизился. Уже видны были на немъ суетившіеся оторопѣлые люди. Столкновение, казалось, неизбежно.

— Полный впередъ, — рѣзко крикнулъ командиръ, — прямо руля! — И въ то время, какъ «купецъ» клалъ «право руля», прошелъ у него по кормѣ, обрѣзавъ въ нитку, чуть задѣвъ его ванту реей своей мачты.

Черезъ мгновение, позади, свѣтились лишь иллюминаторные огни удалявшейся громадины... Все произошло, какъ во снѣ, только не было конца — столкновения.

У командира прошла тревога, сняло, какъ рукой, но почему то на душѣ сдѣлалось невыносимо скучно.

— Послушай, дорогой, — сказалъ онъ усталымъ голосомъ старшему офицеру, — я адски усталъ. Вы съ вашимъ купцомъ прервали мнѣ одинъ изъ самыхъ интересныхъ сновъ, какіе я видѣлъ въ своей жизни. Боюсь, что онъ больше не повторится. Я иду внизъ. А ты смотри, скоро, пожалуй, откроемъ «Толбухинъ».

И онъ сталъ спускаться по трапу, ловя ногой уходящія отъ сильнаго крена ступеньки.

ДВА ШИЛЛИНГА

Ревизоръ роздалъ почту. Мичману Посошкову письма опять не было. То есть было одно, но не то, которое онъ ждалъ... не интересное, даже отвратительное письмо, напоминаніе о долгѣ. А ждалъ онъ другого, длиннаго-предлиннаго, написаннаго мелкимъ женскимъ почеркомъ, съ милой, коротенькой подписью. На присланномъ письмѣ тоже была подпись, чортъ бы ее подралъ!

Мичманъ Посошковъ съ тоской посмотрѣлъ въ иллюминаторъ. Океанъ сверкалъ подъ солнцемъ, больно было глазамъ. Въ разстояніи полутора миль отчетливо виднѣлись пальмы одного изъ острововъ Зеленаго Мыса.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ, куда ни заходилъ бы клиперъ, все тѣ же пейзажи изъ пальмъ. «Банные вѣники!» — мысленно выругался огорченный мичманъ... «Забыть, окончательно забыть. Никакого сомнѣнія. Ужъ три мѣсяца прошло со дня послѣдняго письма... Вотъ онѣ, женскія клятвы», — думалъ онъ, шагая по своей маленькой надраенной какуткѣ, — «тотъ скажи любви конецъ... Познакомилась съ кѣмъ нибудь на балу въ собраніи и утѣшилась».

Ему представился огромный залъ кронштадскаго собранія, вальсирующія пары; Ната, «его» Ната, опирающаяся на чье то плечо, томно, какъ только она умѣла...

Бѣлокурые волосы окружають нимбомъ головку. А «тотъ» нашептываетъ ей всякую чепуху...

Посошковъ пріостановился и застоналъ. Будто кортикъ вонзили ему въ спину. «А я былъ такъ нѣженъ, такъ остроумень, такъ предупредителенъ! О, когда вернусь и узнаю, кто онъ, — бѣда...».

Мичманъ сжалъ кулаки.

Потомъ присѣлъ на койку и охватилъ руками голову.

... «Сейчасъ тамъ зима, ночь. Ната спитъ, должно быть. На дворѣ морозъ, а у нея тепло. Спитъ себѣ тихонько, какъ мышка».

**

— Топи, топи его, Бѣловъ, не пущай! — слышались громкіе грубые голоса. — За ногу его тащи!

Посошковъ просунулъ въ иллюминаторъ голову: команда купалась. Брызги поднимались тучей въ томъ мѣстѣ, гдѣ барахталась сотня здоровенныхъ молодцовъ... Гоготаніе, смѣхъ, вопли стояли надъ водой.

Посошковъ сердито захлопнулъ иллюминаторъ.

«Жеребцы, идіоты!» — сказалъ онъ въ сердцахъ и сѣлъ на койку.

— Ваше благородіе, — раздался голосъ.

Дверь тихонько отворилась, показалась голова сигнальщика, унтеръ-офицера Боброва.

— Время на берегъ иттить, насчетъ провѣрки хронометровъ.

— Отчего не стучишь, когдаходишь, балда! Сколько разъ учить васъ, чертей, надо! Хорошо, ступай, я сейчасъ.

Онъ поднялся съ койки.

Итакъ, рѣшено. «Тамъ» все кончено, но у него, сла-

ва Богу, еще осталось кое что въ жизни: долгъ и честь. Имъ посвятить онъ остатокъ дней. Женщины отнынѣ для него лишь аксессуаръ, не больше...

Посошковъ выдвинулъ одинъ изъ ящиковъ койки. Наверху лежала связка писемъ, перевязанная ленточкой. Онъ поколебался мгновение: вышвырнуть эту дребедень въ воду? Ладно, потомъ успѣю.

Воздухъ безъ малѣйшаго дуновенія окружалъ тѣло прозрачной знойной стѣной. Океанъ остро дышалъ іодомъ и солью, пазы палубы и снасти — горячей смолой.

Стоявшій у трапа вельботъ не шевелился, на зеленой, какъ хризопразъ водѣ. Босые гребцы и Бобровъ, тоже босикомъ, сонно поджидали мичмана.

Вельботъ заскользилъ къ острову. Плотная струя неохотно подымалась передъ его носомъ, будто по густому киселю проводили ложкой... Пальмы приближались, и ужъ достигалъ вельбота другой запахъ, запахъ земли, пряный, сыроватый, сладостный. Береговая полоса цѣликомъ отражалась въ водѣ, безъ единой полоски ряби.

Вельботъ съ шуршаніемъ выскочилъ на песокъ.

Закончивъ провѣрку, мичманъ Посошковъ рѣшилъ немного пройтись по острову, размять ноги.

Солнце жалило, какъ тысячи ось сквозь китель, бѣлую фланель брюкъ и полотно тонкихъ туфель. Въ густой листвѣ баньяновъ показывался порой переливающийся сине-горячій океанъ. Среди баньяновъ было совершенно темно, и отъ разницы освѣщенія, роца казалась необычно праздничной, даже немного театральной...

Густое дыханіе странныхъ цвѣтовъ, — бабочки то-

новъ бархата, величиною въ птицу, пролетали въ замедленномъ полетѣ...

Откуда то донесся свѣжій голосъ:

— Гля-ань-ка, Фаддѣевъ, бабика какова огромная!
И другой голосъ, басистый и важный — Боброва:
— Шапкой накрой, шапкой ее...

Потомъ опять тишина...

Тамъ, гдѣ тѣснымъ строемъ росли мандровыя деревья, было совсѣмъ темно и сыро. И вдругъ въ просвѣтѣ стволовъ открылся огненно-синій океанъ и, какъ показалось Посошкову, совсѣмъ близко отъ берега, застылъ клиперъ. Его бѣлый флагъ съ глубымъ по диагонали крестомъ неподвижно повисъ въ спящемъ воздухѣ.

Посошковъ остановился на минутку, любуясь кораблемъ, затѣмъ пошелъ дальше.

Внезапно, впереди, направо отъ него, послышался шорохъ, шумъ раздвигаемыхъ листьевъ, и появилась женщина съ корзинкой конической формы на головѣ.

Негритянка — лѣтъ пятнадцати, была совершенно обнажена, — только маленькій, въ ладонь величиною передничекъ, сплетенный изъ бичевокъ, прикрывалъ ее, да на рукахъ, повыше локтей и на щиколоткахъ ногъ, рядъ деревянныхъ браслетовъ. Вымазанная кокосовымъ масломъ кожа блестѣла, отражая зелень, небо, море.

«Совсѣмъ, какъ зеркало», — подумалъ мичманъ и застылъ на мѣстѣ. Дѣвушка была поразительно сложена! Поразительно!

Онъ стоялъ, какъ загипнотизированный, сердце отчаянно колотилось. Но что сказать ей и на какомъ языкѣ?

Негритянка вдругъ широко улыбнулась, открывъ сплошной рядъ безукоризненныхъ зубовъ и показала

мичману два пальца. Наканунѣ, когда Посошковъ покупалъ попугая, малиноваго въ ярко-желтомъ жилетѣ, негры тоже показывали два пальца. Это означало:

— Два шиллинга...

**
*

Возвращаясь на корабль, мичманъ Посошковъ обратилъ вниманіе на то, что гребцы, особенно загребной Фаддѣевъ, были въ непонятномъ смѣшливомъ настроеніи. Загребной хитро превращалъ свой смѣхъ въ кашель, чтобы усыпить подозрѣнія офицера.

И не успѣлъ мичманъ подняться на палубу, какъ ему навстрѣчу попался его пріятель ревизоръ Поплавскій.

— Сержикъ, милый, прости меня, пожалуйста, — сказала онъ Посошкову, — а вѣдь для тебя письмо! Самъ не понимаю, какъ оно завалилось за столъ.

Поплавскій вынулъ изъ кителя плотное письмо и передалъ своему другу.

— Чѣмъ ты себѣ китель испачкалъ? Какъ будто масло? — бросилъ онъ мимоходомъ и пошелъ, сильно размахивая по привычкѣ руками.

Посошковъ разсматривалъ письмо, не вѣря глазамъ. Потомъ взглянулъ на китель.

«Выходъ одинъ, стрѣляться», — прошепталъ онъ въ отчаяніи и поплелся въ каюту.

Проходя по батарейной палубѣ, онъ увидѣлъ издали кучку матросовъ, окружавшихъ Фаддѣева. Его громкій голосъ былъ ясно слышенъ.

— Ну и черная была та дѣвка и, видать, скользкая, какъ гадюка, — рассказывалъ Фаддѣевъ...

«Стрѣляться», повторилъ Посошковъ, сидя передъ письмомъ въ четырнадцать страницъ.

«Милый Сержикъ», начиналось письмо, «мой морской волчонокъ! Думаешь ли еще обо мнѣ? Последнее письмо твое... — и почему то сразу успокоился и даже просіялъ мичманъ Посошковъ — съ Мадеры, а съ тѣхъ поръ прошло столько дней... Я сдерживаю себя, какъ могу, и стараюсь не ревновать, хоть это очень трудно. Пока ты въ дикихъ мѣстахъ, я, сравнительно, спокойна. Не ревновать же мнѣ моего изящнаго тонкаго Сержика къ грязной негритянкѣ или къ какой нибудь другой дикаркѣ?..»

«Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это измѣна?» — подумалъ онъ и съ улыбкой продолжалъ читать письмо.

ВЗБЪСИВШЕЕСЯ ПИАНИНО

Сверхсрочный матросъ, шестидесятилѣтній Ковалевъ, любилъ жевать табакъ. По его мнѣнію, зажигать табакъ, вдыхать и выпускать дымъ — праздная и вредная затѣя.

«Нашъ Ковалевъ, равно, какъ коза, табакъ ѣстъ», говорили про него матросы.

Если дать Ковалеву табачку пожевать, онъ за это что-нибудь интересное расскажетъ, — за свой вѣкъ не мало перевидалъ онъ диковинныхъ вещей и пережилъ приключеній. А нѣтъ подъ рукой табаку, онъ и папиросы приметъ. Сейчасъ бумажку раздереть, высыпетъ табакъ на свою деревянную ладонь и — въ ротъ. Пожуетъ-пожуетъ, а потомъ проглотитъ, чтобъ даромъ не пропало.

Роста Ковалевъ былъ небольшого, лысоватъ, а жилисть и здоровья отмѣннаго. Въ береговыхъ дракахъ давно уже не принималъ участія, но сходилъ на берегъ охотно: любилъ пиво. Во всѣхъ портахъ были у него пріатели, самыхъ разнообразныхъ профессій: въ Либавѣ — портной изъ флотскихъ казармъ, въ Гельсингфорсѣ — слесарь изъ судостроительнаго завода «Соколь», въ балтійскомъ порту — сторожъ.

Все это были люди дѣльные, положительные, но молчаливые. Съ ними Ковалевъ любилъ и пивца выпить.

Разказы свои онъ пріукрашалъ, но ядро событій было крѣпкое, темы занимательны и сочны. Противъ географіи онъ подчасъ грѣшилъ. Такъ, напримѣръ, въ Нагасаки у него былъ «случай» съ хунхузомъ, на Мадагаскарѣ, по его разказамъ, жили китайцы и т. д. Однако, слушатели не жаловались и не перебивали его. Этого Ковалевъ не переносилъ. Самолюбивъ былъ чрезвычайно.

Были среди матросовъ и другіе разказчики, но съ Ковалевымъ никто не могъ сравняться. И то сказать: были разказчики-завиралы, разказчики-хвастуны, разказчики-трепачи, а Ковалевъ былъ разказчикомъ-художникомъ Божьей милостью.

Больше всего любилъ онъ разказывать у «фитиля», гдѣ матросамъ разрѣшалось курить.

Бывало — конченъ рабочій день. Темнѣетъ. Слышно, какъ со свистомъ рѣжетъ носъ корабля вечернюю воду... Звѣзды вспыхиваютъ на начинающемъ темнѣть небѣ, контуры корабля становятся все мягче, и понемногу затуманиваются. Вахтенная смѣна на бакѣ стоитъ въ бушлатахъ. Только что били склянки, и еще звенить въ воздухѣ послѣдній ударъ «рынды». Уже зажигаются огни, отличительные и топовый.

Хорошо на кораблѣ. Тихо вокругъ, тихо и на душѣ... Сидитъ себѣ Ковалевъ, окруженный внимательными слушателями, аккуратно жуетъ табачекъ и разказываетъ.

Откуда только берется у человѣка!..

**
*

— Д-да! — началъ Ковалевъ и на минуту умолкъ, — будто въ оркестрѣ скрипачъ, дающій «ля».

Помню, въ тотъ вечеръ «Строгий» подходилъ къ

Симоносеки, у самага выхода изъ японскаго средиземнаго моря.

— Вы вотъ не повѣрите, а самое страшное, что пришлось повидать изъ всѣхъ плаваніевъ, самое ужасное, это не черезъ бури пришло, не черезъ тифуны, не черезъ мели и скалы, не черезъ орудійную пальбу, не черезъ самодвижущія мины, а черезъ самую обнаковенную пянину...

— А пянина эта, — продолжалъ онъ, — стояла въ помѣщеніи господъ офицеровъ, въ каютъ-компани. Есть, конечно, такіе матросы изъ молодыхъ, которые по своему сроку службы не понимаютъ, что есть пянина...

Ковалевъ ехидно улыбнулся и, отправивъ въ ротъ порцію табаку, сталъ его медленно пережевывать.

— Пянина есть такой струментъ для музыки, что одному не поднять и въ руки, какъ гармонію не взять, — тяжелый. И сдѣлана она изъ чернаго дерева, что въ водѣ тонетъ, и изъ кости слоновыхъ клыковъ. Такъ какъ она страшной тяжести, то для того, чтобы не было кораблю вреда, принайтавливается она къ палубѣ навѣки, чтобъ не гуляла во время качки и не пробивала бортовъ.

— Было это... въ, — Ковалевъ поднялъ къ небу глаза и замеръ, — устанавливая дату, — въ тысяча восемьсотъ восемьдесятъ пятомъ году. Плавали мы тогда на клипперѣ «Весна». Командиромъ былъ у насъ Пустовойтовъ, капитанъ второго рангу. Старшимъ офицеромъ, — Ковалевъ снова задумался и сталъ что то шептать, — Билинскій, Александръ Николаевичъ. Да, да, именно. И черезъ нихъ какъ разъ произошло это несчастье, что привезли къ намъ на корабль пянину, такъ какъ были они любителями музыки. Сидитъ, бывало, и лупить по ней, да и трясется, а звукъ такой, что не по-

нять: не то шумъ дѣлаетъ, не то сердится на кого, все равно по мѣдной кастрюлѣ бьетъ. Это тебѣ не цимбалы, не геликонъ-басъ, ни какой другой благородный струментъ. Какъ не бейся, а пѣсни не поймать!

— Да... Шли мы тогда изъ англійскаго королевства въ Испанію, въ портъ Бульбао. Хотя и была на «Веснѣ» паровая машина, но командиръ и русской фамиліи, да по характеру изъ нѣмцевъ, очень скряжистый человекъ, все уголь экономилъ и черезъ то ловчился подъ парусами, да подъ парусами. А того не думалъ, что, сколько на углѣ заработаетъ, то на командномъ харчѣ проиграетъ, — дольше команду корми.

— Понятно, — сказалъ кто-то изъ слушателей.

— И столько за этого было неприятностей, что командиръ не любилъ машины. Да... Дѣйствительно, былъ такой случай, что турнули мы одного купца. Не успѣли во время пары поднять, а вѣтра нѣтъ и толчея. Мотаешь насъ, какъ пробку, и никакъ не можемъ мы съ купцомъ разойтись.

— Дѣло было въ Ламаншѣ. Купецъ онъ былъ желѣзный. Ничего себѣ бригъ въ тысячу тоннъ. Съ нимъ мы и кокнулись, сбили ему рангоутъ. Пустили въ ходъ машину, да поздновато какъ будто. Сговорились промежъ себя командиры, что возьметъ его «Весна» на буксиръ. И идемъ себѣ потихоньку въ первый портъ. Это былъ Шербургъ. Завели конецъ, какъ слѣдуетъ, ведемъ англичанина на буксирѣ... Дайте кто, матросики, табачку!

Ковалевъ сталъ растирать между ладонями табакъ.

— Да, такъ вотъ, — продолжалъ онъ со вздохомъ, — тянемъ мы этого желѣзнаго купца въ тысячу тоннъ на буксирѣ. Зыбъ мертвая, но огромная, и какъ онъ

съ горы слазить, — такъ бѣжить, что, намъ, смотри, въ кормѣ своимъ бухшпритомъ дрефть проткнетъ, а какъ на волну подыметъ, буксиръ нашъ такъ дернетъ, ажъ клипперъ дрожить. Подергалъ этотъ купецъ «Весну» цѣльную ночь и совсѣмъ раскачалъ ее. Все, что принаитовлено, все со своихъ мѣстовъ сошло... Да! Долженъ вамъ сказать, что на утро горизонтъ чернѣть-чернѣть, и такой штормяга надвинулся — ничего добраго не жди. Сейчасъ это вахтенные непромокаемую одежду понадѣвали и зюйдвестки, лееръ провели. Паруса всѣ чисто сбить, пары поднять и подобныя распоряженія. Командиръ, капитанъ второго рангу Пустовойтовъ, изъ нѣмцевъ, человѣкъ аккуратный, за всѣмъ слѣдить, глаза въ руки. Полный порядокъ. Но, однако, всего не доглядишь! — Не можетъ умъ человѣческой до того дойти, чтобы съ Богомъ сравняться.

Набѣжалъ циклонъ. Все это зашипѣло сейчасъ, темъ, ничего не слышать, ничего не видать, въ животѣ сосеть отъ нервовъ. Только смотримъ мы, пошелъ нашъ корабль совершенно свободно, и ничего уже его не дергаетъ. Здравія желаю, буксирный канатъ телепается, какъ ампутированный членъ! Потеряли мы своего спутника, надоѣдливаго купца, будто его и не было. Это, значить, онъ дергалъ, дергалъ, пока не оборвалъ. А перлинъ былъ здоровенный, шестидюймовый. Да... А штормъ пока знаетъ свое дѣло, работаетъ. Тутъ, само собой разумѣется, паденіе атмосферическаго давленія, что легкимъ невозможно вынести. Весь командный составъ на мстикъ собравши. Машина, однако, стучить себѣ исправно, безъ поврежденій... И вдругъ, какъ бахнетъ что внутри корабля, весь корпусъ содрогнулся. Что такое? Откуда беспорядокъ идетъ? Въ пороховомъ погребѣ взрывъ? Про мину тогда не думали. Да...

Ковалевъ замолчалъ надолго. Понималъ эффектъ. Наконецъ, какъ бы сжалившись, продолжалъ:

— Какъ бахнетъ, даже загудѣло. Да второй разъ, да въ третій! И выходитъ, что этотъ скандалъ въ каютъ-компаніи. Дѣйствительно, является оттуда вѣстовой Кузминъ, поблѣднѣлъ весь, губы синія, трясется. Руками показываетъ, что бѣда... А тутъ буря, окіанъ реветъ, дождь, безпокойство, что довѣренный корабль съ буксира убѣгъ. Неприятность!

— Всѣ до этого Кузмина, а тотъ на силу ротъ открываетъ: пянина, говоритъ, пянина вѣбѣсивши, чуть меня не убила! А тутъ все продолжаетъ: бахъ да бабахъ! Капитанъ второго рангу Пустовойтовъ старшаго офицера за себя на мостикѣ оставляетъ, бѣгитъ внизъ, да только въ люкъ заглянулъ, сейчасъ назадъ: «Укротить, кричить, связать и укротить!».

— А въ каютъ-компаніи, будто матросы въ заграничнаго плаванія кабацкѣ промежъ себя дерутся. — Пиларсы, какіе были, переборки разбиты, трапъ — все къ чортовой бабушкѣ! Столы-стулья! Несчастія одна. Какъ положить клипперъ на бокъ, такъ пянина прямо по воздуху летитъ и гудеть, какъ двѣнадцатидюймовый, и — трахъ въ бортъ, трахъ въ переборку! И такая она крѣпкая сама по себѣ была, что на себя никакихъ раненій не принимала.

— Ну вотъ командуетъ командиръ: «петлю закидай на ее!». Оно, конечно, трудно набросить, кгда предметъ вѣбѣсивши и нѣтъ времени прицѣлиться, да тутъ еще буря мотаетъ, волны черезъ корабль перекатываются. Что подѣлаешь?

Ковалевъ опять умолкъ.

— Дядя Ковалевъ, что жъ томишь! — не выдержалъ сигнальщикъ Артюховъ.

Но Ковалевъ сталъ жевать табакъ.

— Накидавай петлю! — продолжалъ онъ послѣ минутной паузы. — А какъ ее накинешь? Пянина плоская и скользкая. Правда, у ея на бокахъ золотые рога, чтобъ свѣчки вставлятъ, когда темно. Дѣйствительно, забросили петлю на эти рога, да она, какъ заиграла, какъ дернула. Рога и обломись. Ничего не подѣлать! И все крушить, все бѣть, разбиваетъ... У командира слезы на глазахъ: любимый корабль черезъ пянину погибаетъ, а ничего не выдумать! Развѣ разстрѣлить? Такъ ты ее пулей не возьмешь, а она все бѣть, пока пробоину не сдѣлаетъ. А какъ тутъ фластырь завести, если она въ помещеніе не впустить? Самъ посуди: нѣтъ выхода!

— Ну вотъ, такъ и погибли бы всѣ, если-бъ не нашлась голова, что все рѣшила, и докладываетъ командиру, что прекратитъ беспорядокъ сей минутъ. И была эта голова, — голосъ Ковалева зазвучалъ торжественно, — боцманъ Шульга, Игнатій Савельевичъ. Умный былъ покойникъ... Онъ тебѣ безъ всякихъ вычисленіевъ, безъ календарей, да мореходныхъ таблицъ, безъ хронометровъ, да пеленговъ, все это сообразилъ и догадался.

— Дѣйствуй, Игнатій Савельевичъ, — говоритъ командиръ. — Какъ спасешь корабль, будетъ тебѣ крестъ и чинъ кондуктора. И супруга у тебя будетъ въ родѣ офицерскаго званія. Спаси корабль!

И дѣйствительно, какъ получилъ Шульга власть, сейчасъ кричитъ: «Койки кидайте въ люкъ! Всѣ, какія есть, койки!». А какъ набросали въ каютъ-компанію коекъ по самый верхъ, такъ пянина и стала, потому что все

полно и нѣтъ ей простору скакать. А какъ остановилась, тѣ, что посмѣлѣе матросики, спустились и связали ее. И, подумать, что еще немного, и бортъ бы проломило! Уже надтреснуть былъ.

**
*

... Склянки ударили два двойныхъ и одинъ.

— Спать! — сказалъ Ковалевъ, — Ишь, до какихъ поръ засидѣлись!.. Это, значить, винты у нее проржавѣли, и она съ ихъ соскочила... Вообще, такихъ предметовъ на военныхъ корабляхъ лучше не держать. Пользы съ ихъ никакой, одинъ беспорядокъ.

ОДНОРУКІЙ БОЦМАНЪ

Было насъ восемь человѣкъ, — курсистки и студенты.

Большая крымская линейка съ парусиновымъ навѣсомъ, запряженная четверкой веселыхъ татарскихъ лошадокъ, стояла уже полъ часа въ утренней тѣни кипариса, а мы все не могли размѣститься и двинуться въ путь. А когда размѣстились, оказалось, что забыли бурки. Какъ же безъ бурокъ въ двухдневную экспедицію съ ночевкой?

Наконецъ, тронулись.

Направлялись мы изъ Алушты на горный хребетъ Демержи. Что означало это слово — никто не зналъ, но звучало оно прекрасно. Настоящее татарское слово!

Чеська Черновскій, студентъ военно-медицинской академіи, везъ ящикъ съ красками, собирался писать этюды. Подъ каждымъ изъ нихъ онъ поставитъ татарское названіе мѣста... Будетъ необычайно эффектно размѣстить эти этюды въ своей петербургской комнатѣ. Медицина и искусство!

Власовъ, тоже студентъ академіи, и я, юристъ, не имѣли опредѣленной программы, но насъ обоихъ прельщала перспектива — прямого, безъ тропинокъ — восхожденія на Демержи.

Барышень было пять и всѣ молоденькія и хоро-

шенькія. Въ нашемъ обществѣ царило товарищество, которымъ мы даже нѣсколько щеголяли. Въ этомъ, конечно, заключалось и нѣкое лицемѣріе.

Гуляешь, напримѣръ, по берегу моря, съ горъ несутся запахи цвѣтовъ, отъ которыхъ просто рыдать хочется! Особенно дѣйствовала магнолія, съ ея прянымъ ароматомъ. Да и мимозы, и миндаль, и кипарисы, мѣняющіе свою одежду... Все вмѣстѣ — букетъ необычайной крѣпости. И такъ онъ дѣйствовалъ на нервы, что они совсѣмъ сдавали, и бывало начинаешь... стихи декламировать.

Долженъ вамъ сказать, что на линейкѣ сидѣла Вѣрочка Копылова. Бестужевка. Къ сожалѣнію, не рядомъ со мною.

А вѣдь предлагала сѣсть рядомъ, но я (неожиданно для себя самого) отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я уже, знаете, на козлы, рядомъ съ кучеромъ. Оттуда перспектива получается полнѣе.

Перспектива! На чорта она была, когда я могъ сидѣть рядомъ съ Вѣрочкой. На ухабахъ насъ бы подталкивало другъ къ другу. Чуть, чуть, разумѣется, чтобы не подумала, что я нарочно.

Итакъ, я помѣстился на широкихъ козлахъ. Какъ полагается, не успѣли мы выѣхать за предѣлы Алушты, — сзади съ линейки полилась пѣсня. Пѣсня, конечно, къ моменту не относящаяся, — про «Стеньку Разина». Очень ее въ то время студенты пѣли.

Нравилось, что Разинъ жестоко обошелся съ персидской княжной. Тутъ и Ницше, и свобода воли... Не думаю, что бы ктонибудь изъ насъ поступилъ такъ же въ подобномъ случаѣ. Скорѣе, наоборотъ: на колѣнкахъ бы стоялъ передъ такой красавицей.

Пѣсню, однако, пѣли со свирѣпымъ воодушевленіемъ.

емъ. Курсистки подтягивали охотно, хотя пѣсня была не въ ихъ пользу. Голоса у нихъ были хорошіе, въ особенности у Вѣрочки... Контральто. Ее даже и называли Вѣра Панина. Почти Варя...

Пока допѣли пѣсню, линейка была уже далеко отъ Алушты, скрывшейся за высокимъ холмомъ. Началось Судакское шоссе. Дорога шла зигзагами, но нашъ возница не уменьшалъ хода, срѣзая на поворотахъ по самый край, иногда надъ обрывомъ.

Меня поразило, что онъ правилъ одной правой рукой.

А вѣдь четверка!

Осторожно, чтобы не смутить его, я посмотрѣлъ на лѣвую руку. Пустой рукавъ висѣлъ отъ локтя.

У него не было лѣвой руки. И вожжи и кнутъ онъ держалъ въ одной правой рукѣ. Въ какой рукѣ, въ какой лапѣ!

Ростомъ онъ былъ невысокъ, что замѣчалось по ногамъ — недлиннымъ, но плечи были не просто широки, а чудовищны, и спина такая же. Лицо простое, но суровое, жестокое и такіе глаза, какіе бываютъ у людей, перенесшихъ много физическихъ страданій.

Возница, вдругъ пустивъ во весь духъ лошадей по спуску, переложилъ вожжи и кнутъ подъ обрубокъ лѣвой руки, а правой досталъ табакерку, открылъ ее, упершись въ колѣно, вынулъ папиросу, сунулъ въ ротъ, досталъ коробокъ спичекъ и, зажавъ между колѣнъ этотъ коробокъ, зажегъ одну, оградивъ ее отъ вѣтра своей страшной ладонью. Закурилъ онъ въ послѣднюю минуту передъ тѣмъ, какъ линейка подлетѣла къ повороту надъ обрывомъ... Тутъ онъ успѣлъ взять въ руки вожжи, натянулъ ихъ, чуть умѣривъ ходъ лошадей, круто по-

вернулъ и обрѣзалъ задними колесами самый край дороги.

Съ линейки понеслись крики испуга. Всѣ кричали — курсистки, Чеська, Власовъ... Вѣрочка кричала со всѣмъ не низкимъ голосомъ, а тоненькимъ визгомъ, какъ затравленный заяцъ...

Линейка теперъ мчалась въ гору. Однорукой поглядывалъ на меня не безъ лукавства.

«Сумасшедшій», мелькнула у меня мысль.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали? — спросилъ я.

— Зачѣмъ? Да что же тутъ особеннаго? Обыкновенная вещь, поворотъ черезъ фордевиндъ на полномъ ходу. Чѣмъ полнѣе ходъ, тѣмъ лучше выходитъ поворотъ. Смотрите, мы съ такого ходу задарма поль-дороги въ гору дѣлаемъ. Даже построжки не натянуты...

— А я вамъ правду скажу, господинъ студентъ, — помолчавъ добавилъ онъ, — захотѣлось мнѣ васъ всѣхъ съ вашими дамочками испытать.

Лошади передъ гребнемъ перешли на рысь, а потомъ и на шагъ. Сверху открылось море, и волны на самомъ дѣлѣ большія, судя по высотѣ прибоя, казались сверху гладкими, низкими и замедленными.

— Да-а-а, такъ вотъ! — протянулъ однорукой, — явилась у меня такая мысль васъ всѣхъ поиспытать. Вотъ вы геройскія пѣсни поете, и очень даже хорошо, сердце у васъ говоритъ, страдаете вы вмѣстѣ со Стенькой, да... А вотъ, если васъ какъ слѣдуетъ пугануть, по-морски, — какъ вы на это отвѣчать будете? И выходитъ: кишка у васъ тонковата. Не то, что у Стеньки, нѣтъ! Стенька, кабы я его такъ прокатилъ, сейчасъ мнѣ бы кафтанъ бархатный со своего плеча, да кошель съ золотомъ въ награду. Потому самъ онъ на волканѣ гарцовалъ, по тонкой тропочкѣ. Стенька то отъ радости

бы волкомъ вылъ, если бы я его такъ прокатилъ! А вы... Одно — пѣсни пѣть, а другое — на самомъ дѣлѣ кто что представляетъ... Разинъ тотъ на водѣ работаль. Особый дѣлается характеръ у тѣхъ, кто на водѣ работаетъ.

Однорукой хмуρο замолчалъ, попыхивая папирсой.

На потныя спины лошадей сѣли слѣзни, которыхъ онъ съ ненавистью отгонялъ кнутовищемъ.

— Вы были морякомъ? — спросилъ я его не безъ уваженія. Онъ мнѣ очень нравился. — Гдѣ это вы руку?

— Знакома ли вамъ исторія возстанія Черноморскаго флота? — сказалъ онъ какимъ то официальнымъ тономъ. — Ну, вотъ, въ это самое время. За оторванную руку я не былъ казненъ, а потомъ подошелъ подъ амнистію. Теперь жалю, все это одна глупость была. А хорошее было у меня положеніе. Боцманъ. На японской войнѣ Георгія получилъ... Эхъ, да все равно! Спасибо, что хоть безъ руки, да живъ... Только мнѣ сейчасъ больше геройства надо проявлять.

— Какъ это такъ, почему? — вырвалось у меня.

— Да вотъ и потому. Обыкновенный человѣкъ, у котораго двѣ руки, можетъ и одну даже лошадь запретъ, никто ничего не подумаетъ. А я, кабы одну лошадь запретъ, всѣ бы тогда сейчасъ на меня: ахъ, бѣдный Севастьянычъ, куда ему съ парой или съ тройкой лошадей справиться, у него рука одна. А вотъ я имъ на зло четверку запрягу. У меня хоть и одна рука, да не простая: боцманская рука, съ заговоромъ. Будь у меня сейчасъ двѣ руки, я, можетъ быть, самый намирнѣйшій человѣкъ былъ, а тутъ приходится съ самыми отчаянными спориться, чтобы себя доказать, чтобы другіе не думали, что я сердце потерялъ и дрейфлю. Вонъ тамъ, — онъ указалъ кнутомъ въ горы, гдѣ показалась татарская де-

ревня, — такой есть одинъ татарва, богатырь считается. Онъ какъ меня увидить, сейчасъ корму ворочаетъ. Года три назадъ, какъ я здѣсь поселился, говорятъ мнѣ, есть въ одной деревнѣ татаринъ такой, что спиной груженую арбу подымаетъ. Подлѣзаетъ подъ нее и подымаетъ. Какъ мнѣ объ этомъ рассказали, я сейчасъ въ эту деревню. Мнѣ говорятъ — онъ въ трактирѣ. Это хорошо, что въ трактирѣ, думаю, по крайней мѣрѣ. публика будетъ и торжественнѣе тогда, и свидѣтели. Прихожу туда, а онъ, дѣйствительно, сидитъ, какъ идолъ. Здоровенный, одного стула мало. Шапка у него каракулевая съ золотымъ верхомъ, на самый лѣвый глазъ сдвинута. Заиграло у меня, что онъ такимъ покорителемъ сидитъ. Забылъ даже по хорошему начать. Какъ вошелъ, сразу его съ плеча рѣзанулъ, да культяпкой съ другой стороны поддержалъ. Онъ, конечно, упалъ, а какъ всталъ, то уже увѣренность потерялъ и побилъ я его жестоко. Съ тѣхъ поръ нѣкоторые татары все стараются меня запастъ, да пока не выйдить. Вотъ видите? А будь я человекъ съ двумя руками, жилъ бы спокойно, какъ другіе живутъ!

Мы подымались въ гору и навстрѣчу къ намъ спустились низенькія строенія бѣдной татарской деревушки. Грязныя дѣтишки въ черномъ и въ черныхъ каракулевыхъ шапкахъ окружили насъ и бѣжали за нами съ крикомъ: «Бэринъ, кипеечку».

— Вы у старухи остановитесь на краю самой деревни. У нея клоповъ мало, чисто, сказалъ однорукой боцманъ и добавилъ: добросовѣстная татарка.

ГИБЕЛЬ «ЖЕМЧУГА»

Ударили склянки. Четыре полныхъ удара. Полночь. Вахта окончилась, лейтенантъ С. сталъ медленно спускаться съ мостика. Кругомъ была непроглядная темень. Ни одно изъ судовъ, стоявшихъ въ Пенангскомъ проливѣ, не было освѣщено.

Въ этихъ мѣстахъ носился «Эмденъ»!

Десять дней нашъ «Жемчугъ» крейсировалъ въ окружныхъ районахъ, побывалъ на Андаманскихъ островахъ, на Некаборскихъ, нигдѣ не обнаруживъ корсара. Теперь, по приказанію англійскаго адмирала, командующаго союзнымъ отрядомъ, «Жемчугъ» пришелъ въ Пенангъ для кратковременнаго ремонта.

Лейтенантъ С., большой и плотный блондинъ, спустился привычнымъ движеніемъ, бокомъ, по неосвѣщенному трапу съ мостика на палубу и направился къ себѣ въ каюту.

Какъ и всѣхъ на кораблѣ, его не покидала мысль объ «Эмденѣ»: «Въ эту ночь? Завтра? Какая чудовищная игра въ прятки!».

Взявшись за мѣдное кольцо двери въ каюту, лейтенантъ С. подумалъ: «какъ непонятна эта исторія съ сигналомъ, которымъ обмѣнялись японцы, купецъ — съ военнымъ кораблемъ. На «Жемчугѣ» его легко прочли по международному коду: «Вы находитесь въ

страшной опасности...» — Кто, вы? Японцы? Или суда союзного отряда? Страшная опасность — со стороны кого? «Эмдена»?

Лейтенантъ вошелъ въ каюту, зажегъ свѣтъ. Крокодиловая кожа свисала съ потолка, вдоль стѣнъ — лакированные ящики, оружіе дикарей, безобразные, грубо размалеванные идолы... Все — какъ полагается въ офицерскихъ каютахъ, во время плаванія въ тропикахъ.

Лейтенантъ присѣлъ на койку и сталъ раздѣваться.

Уродливые божки каннибальскаго племени, вывезенные имъ изъ «Портъ-Блэръ», злобно гримасничая, смотрѣли на него, словно предрекая «страшную опасность»... И ему вспомнился нататуированный каннибальскій вождь-колдунъ въ «Портъ-Блэръ», сидѣвшій во время церемоніи священныхъ танцевъ такъ неподвижно, что онъ, лейтенантъ С., ткнулъ его въ бокъ, желая убѣдиться, что это взаправду живой человѣкъ. «Каково? Вождя и колдуна ткнулъ въ бокъ — какъ бы не наколдовалъ еще проклятый, не отомстил!».

Четыре часа вахты въ душную ночь утомили лейтенанта. Онъ быстро раздѣлся, бросился на койку и заснулъ сразу, не успѣвъ даже натянуть на себя простыни.

Полный разсвѣтъ еще не наступилъ, надъ водой еще стоялъ туманъ, разгоняемый утреннимъ вѣтеркомъ, когда лейтенантъ С. проснулся внезапно отъ напряженно-гулкаго взрыва.

Механически, не отдавая себѣ отчета въ происходящемъ, онъ повернулъ выключатель. Лампочка не зажглась. И сейчасъ же, вслѣдъ за первымъ, раздался второй взрывъ, затѣмъ, безостановочно, еще и еще.

Первый снарядъ, слышно было, разорвался въ ка-

ютъ-компани, второй — въ сосѣдней каютѣ... Перелетѣть, не долетѣть...

С. впрыгнулъ въ туфли, надѣлъ брюки и китель, схватилъ фуражку и помчался наверхъ.

Трапъ, ведущій на верхнюю палубу, былъ силой взрыва сдвинутъ на сторону, но еще держался. Ноги лейтенанта С. жгло, будто онъ сталъ босикомъ на муравьиную кучу, но нисколько не было больно и узнать причину этого ощущенія покалыванія ему казалось совершенно неважнымъ. Важно было другое: какъ можно скорѣе убѣдиться — «то» это или нѣтъ. — «Эмденъ» или...

И все же привязался таки маленькій, вовсе неважный вопросикъ: «почему такъ странно жжетъ ноги?».

С. даже остановился на секунду и посмотрѣлъ на свои бѣлыя туфли: онѣ были въ крови. И въ мозгу, помимо воли, стали группироваться факты, и автоматическій аппаратъ выбросилъ готовое рѣшеніе: отъ силы взрыва лопнула въ каютѣ электрическая лампочка, осколки стекла попали въ туфли. Потому и электричество не зажглось, что лопнула лампочка!

Онъ облегченно вздохнулъ и помчался по верхней палубѣ. Надъ его головой выстрѣлило кормовое орудіе «Жемчуга». Убѣдился онъ въ этомъ по упругому толчку воздушной волны, отбросившей его въ сторону, но звука выстрѣла не слышалъ. Согнувшись немного, онъ пробѣжалъ подъ орудіемъ и чуть не столкнулся со старшимъ лейтенантомъ К.

У К. во рту была трубка, слегка дрожавшая. Глаза его были расширены отъ ужаса.

— Есть спички? — спросилъ онъ отрывисто и съ такой тревогой ждалъ отвѣта, словно было очень важно, закурить или не закурить онъ свою трубку...

Въ начинавшемъ понемногу разсѣиваться туманъ, совсѣмъ близко, кабельтовыхъ въ двухъ, вырисовался изящно-боевой силуэтъ непріятельскаго корабля. Его носъ былъ скошенъ, какъ у яхты, на гротъ-мачтѣ сильно разнесены въ сторону два большихъ прожектора. Четвертая, наспѣхъ сооруженная изъ крашеной парусины, труба бросалась въ глаза своей грубой поддѣлкой.

Это былъ онъ, несомнѣнно, — трехтрубный «Эмденъ», и разстрѣливалъ онъ «Жемчугъ» въ упоръ, билъ безъ промаха изъ всѣхъ орудій своего праваго борта. Вспышки непрерывныхъ выстрѣловъ проносились отъ его носа къ кормѣ, какъ бѣгушіе по пороховой ниткѣ огоньки.

Но вотъ выстрѣлило носовое орудіе «Жемчуга» — стрѣлялъ съ полубака мичманъ Сипайло. Этотъ выстрѣлъ вывелъ С. изъ оцѣпенѣнія, и онъ бросился бѣгомъ къ своему плутонгу. Подбѣжавъ къ лѣвому орудію, онъ увидѣлъ подлѣ него груды неподвижныхъ тѣлъ — вся прислуга была перебита...

Обрывки тента, обугленные и залитые кровью, смѣшались съ тѣлами...

«Тентъ, да, да, тентъ! Тутъ былъ натянуть тентъ», — стучало въ мозгъ.

Онъ кинулся къ правому орудію.

«Эмденъ» проходилъ по борту «Жемчуга», не прекращая стрѣльбы. Лейтенанту С. показалось, что орудіе Сипайло повредило у нѣмца шлюпбалку. Это, можетъ быть, и невѣрное, впечатлѣніе окончательно встряхнуло его, послѣ оступѣнія, въ какомъ онъ находился съ минуты, когда, разбуженный взрывомъ, вскочилъ съ койки.

«Эмденъ» намѣревался, какъ будто, обойти «Жемчугъ» съ носа, чтобы перенести огонь на его правый

бортъ. У правобортнаго орудія лежалъ лишь одинъ снарядъ.

«Послать въ погребъ? — Нѣтъ, я самъ». Лейтенантъ С. ринулся къ погребу, но по дорогѣ наступилъ на что то мягкое и скользкое. Лежалъ унтеръ-офицеръ Дѣдовъ съ вывороченными внутренностями. Дѣдовъ смотрѣлъ на С. въ упоръ, не мигая, и глаза его на красивомъ художавомъ лицѣ, какъ будто, спрашивали: въ чемъ дѣло? Мгновеніе, и они закрылись.

С. отступилъ на шагъ... Тутъ раздался оглушительный грохотъ изъ порохового погреба, — лейтенанта С. подняло на воздухъ и отбросило въ сторону. Сорвавшимся катеромъ сильно задѣло спину. Онъ упалъ навзничъ, но тотчасъ же поднялся и бросился бѣжать.

Передъ нимъ тоже бѣжалъ матросъ сигнальщикъ (его фамиліи С. не могъ вспомнить), и вдругъ оказалось, что у этого матроса вовсе нѣтъ головы. Тѣмъ не менѣе, раньше, чѣмъ упасть, онъ пробѣжалъ еще нѣсколько шаговъ...

«Жемчугъ» зарывалъ носъ, склоняясь на правый бортъ. «Эмденъ» прекратилъ стрѣльбу, далъ ходъ и, красиво развернувшись, пошелъ къ выходу. Его команда выстроилась у праваго борта и кричала:

«Гипъ, гипъ, гипъ! — ура, ура, ура!» — коротко и остервенѣло въ упоеніи побѣдой.

На накренившейся палубѣ «Жемчуга» уже трудно было стоять. Кто то изъ команды крикнулъ: «Гибнемъ, братцы, погибаемъ!» и бросился въ воду. Тогда всѣ уцѣлѣвшіе, но истерзанные, потерявшіе человѣческой обликъ, обезумѣвшіе люди, повторили этотъ крикъ и стали одинъ за другимъ бросаться въ воду, вопя и причитая.

Толстый рыжій кондукторъ Мычалкинъ показался

въ одномъ изъ иллюминаторовъ. Онъ высунулся на половину изъ отверстія, стараясь пролѣзть дальше, да широкія бедра не пускали, — внезапно, отъ давленія воздуха онъ вылетѣлъ наружу, какъ пробка изъ бутылки шампанскаго.

Неизвѣстно откуда появился передъ С. опять старшій офицеръ К. Въ его рукахъ былъ маленькій люкъ, лежавшій до того у командирской двери.

— Прыгай! — крикнулъ онъ, бросая люкъ въ воду.

Лейтенантъ С. прыгнулъ. Люкъ держался на водѣ плохо, но, къ счастью, поблизости плыла койка, на которую съ трудомъ С. и взобрался.

«Снова, на этотъ разъ поодаль, слышалась орудійная пальба. Опять стрѣлялъ «Эмденъ». Въ кого? Но съ поверхности было видно плохо, а приподняться не доставало силъ.

«Схватился, должно быть, съ дозорнымъ французскимъ миноносцемъ...». Тутъ раздался тяжкій взрывъ, и пальба прекратилась.

Какъ во снѣ смотрѣлъ С. на почти уже вовсе погружившійся «Жемчугъ». Нѣкоторое время еще были видны — его корма, похожая на голову огромнаго кита, неподвижныя винты и склонившійся на бокъ руль. Затѣмъ корма стала все быстрѣе погружаться въ воду и скрылась.

Надъ водою, усѣянной двумя стами погибавшихъ людей, не прекращались крики....

«Сколько времени продолжался разстрѣлъ? Сколько минутъ?» — спрашивалъ себя С., стараясь не выпустить койки.

Въ ушахъ у него шумѣло. Шумъ смѣнился удивительно яснымъ металлическимъ звономъ, будто били

пѣвучія и громкія склянки. Двойные удары, много ихъ, одинъ за другимъ. Потомъ — одиночные...

И вдругъ — онъ явственно увидѣлъ — передъ нимъ появился колдунъ изъ «Портъ Блэръ». Присѣлъ на край койки и уставился злобно-торжествующимъ взглядомъ. Его кожа, уродливо разрисованная, блестѣла на солнцѣ.

Лейтенантъ С. потерялъ сознание.

Сухая, черная рука негра-гребца съ англійскаго портоваго катера подхватила его въ ту минуту, когда онъ уже погрузался въ воду.

ПЕСИКЪ «ФИФКА»

— Послушай, Ахметъ, но вѣдь, ей Богу, мнѣ не хватитъ этого! Подумай, что я буду дѣлать съ двадцатью франками, одинъ стыдъ!

— Ничего, довольно тебѣ, вашеблагородіе, а то, если я тебѣ дамъ больше, ты сейчасъ другимъ отдашь. Нѣтъ, больше не дамъ, вашеблагородіе!

Маленькій и косоглазый Ахметъ Бековъ, вѣстовой мичмана Дернау, большого и толстаго, заключилъ со своимъ бариномъ условіе, въ силу котораго все жалованіе послѣдняго находилось на сохраненіи у Бекова и выдавалось по мѣрѣ надобности маленькими порціями, «травилось черезъ кнехтъ». Характеръ мичмана не позволялъ ему отказывать людямъ, обращающимся къ нему за помощью, изъ-за чего большую часть мѣсяца онъ самъ сидѣлъ безъ денегъ, хотя отецъ присылалъ ему достаточно, и жалованье въ заграничномъ плаваніи было немалое. Платили золотомъ.

— Все равно, вашеблагородіе, тебѣ обратно надо быть съ шестичасовымъ катеромъ, тебѣ на вахту надо вступать, а Пирей греческій городъ, много денегъ не потратишь. Въ Марсели далъ бы тебѣ больше. Нельзя, вашеблагородіе!

Дернау попробовалъ было «взять Ахмета на характеръ», подошелъ къ нему вплотную съ грознымъ видомъ.

Маленькій Ахметъ, приходившійся ему до плеча, не сробѣлъ и стойко выдержалъ взглядъ начальника своими косыми глазками.

Мичманъ постоялъ немного, размякъ и, вздохнувъ, отошелъ въ сторону. Ничего не подѣлаешь, приходится итти на берегъ съ двадцатью франками...

Когда Дернау возвращался на корабль, уже на самой пристани, въ виду дожидавшагося катера, ему пришлось пережить маленькое происшествіе, величину и значеніе котораго онъ учелъ позднѣе. — Толпа оборванныхъ мальчишекъ тащила на веревкѣ маленькую собачку, очень жалкаго вида, облѣзлую и худую. Собирались топить. Всѣмъ дѣломъ завѣдывалъ греченокъ съ кудрявыми смоляными волосами, на видъ лѣтъ двѣнадцати. Мальчишки кричали и жестикулировали въ величайшемъ возбужденіи, очевидно, ожидая многого отъ предстоящаго зрѣлища.

Несмотря на апатичную наружность, Дернау въ нужный моментъ становился въ своихъ дѣйствіяхъ быстрымъ и рѣшительнымъ, если того требовали обстоятельства. Онъ съ величайшей энергіей растолкалъ мальчишекъ, бросился къ кудрявому и вырвалъ изъ его рукъ веревку, на которую былъ привязанъ песикъ. Но тотчасъ-же за эту веревку ухватился десятокъ грязныхъ дѣтскихъ лапокъ. — Мальчишки не соглашались отдать собаку. Откуда-то полетѣли камни, одинъ изъ которыхъ больно ударилъ его по плечу.

Услышавъ крики, изъ катера поднялись гребцы на помощь своему мичману.

Дѣло принимало серьезный оборотъ.

Кто-то изъ мальчишекъ развязалъ веревку, освободилъ собачку и умчался съ ней въ сосѣднюю узкую и

грязную улочку. Остальные послѣдовали за нимъ, крича и прыгая, какъ стая голодныхъ воробьевъ.

У входа въ улочку они остановились въ ожиданіи. Предводитель, быстро тараторя излагалъ имъ свою программу дѣйствій.

Мичманъ Дернау оказался въ затруднительномъ положеніи. Было ясно, что собаку утопятъ, лишь только онъ сядетъ въ катеръ, и навѣрное на его глазахъ. Повидимому, мальчишки ждали, что за собаку предложать деньги. Но какъ приступить?

Какой то человѣкъ въ чесучевомъ пиджакѣ и въ надувнутой на носъ панамѣ, съ синимъ бритымъ подбородкомъ и черными, закрученными въ колечки усами проходилъ въ это время по пристани.

— Нехароси мальчики, — обратился онъ по русски къ Дернау, — если зелаєте, капитанъ, я могу городской звать.

— Вы не понимаете, — бросился къ нему мичманъ, — они хотять потопить несчастную собаченку. Я готовъ за нее заплатить, сколько они затребуютъ. Невозможная вещь, топить беззащитное животное!

Чесучевый пиджакъ выступилъ въ роли переводчика и парламентарія, одновременно. Собачка была отнесена куда-то внѣ предѣловъ досягаемости, и начался торгъ. Цѣна, вначалѣ, была назначена необычайно высокая, сто франковъ, о чемъ съ негодованіемъ сообщилъ чесучевый пиджакъ. — Никакой породы, нельзя платить, капитанъ, — сказалъ онъ печально, но рѣшительно.

— Даю двадцать пять, — былъ отвѣтъ Дернау, тутъ же спохватившагося, что и этихъ денегъ у него нѣтъ.

— Возьму у гребцовъ, но собаку выкуплю!

Меньше, чѣмъ за пятьдесятъ, мальчишки не соглашались. Мало того, они добавили, что если имъ не

заплатятъ, то они потопятъ не только ее, но вообще будутъ топить собакъ, каждый день по одной.

Дернау былъ въ отчаяннѣ. «Колюбакинъ», обратился онъ къ загребному, высокому, съ острыми плечами и громными красными кистями рукъ, «есть пятьдесятъ франковъ животное спасти, я тебѣ на корабль отдамъ?».

— Двадцать есть, ваше благородіе, да у другихъ матросиковъ, надо полагать, найдется кое-что. Собачка паршивая, все равно, что гіена, да жаль, дѣйствительно, хотя пятьдесятъ многовато. За ее можно франкъ дать, за глаза будетъ!

Пятьдесятъ франковъ было собрано, и собака была вручена Дернау переводчикомъ, мальчишки не соглашались приблизиться.

Мичманъ съ нѣжностью взялъ на руки дрожащаго, дурно пахнуващаго, необыкновенно худого песика и прижалъ къ своей груди, какъ мать прижимаетъ ребенка, чудомъ спасеннаго отъ смерти.

Онъ былъ лиловаго цвѣта, но кончикъ морды — бѣлаго; самъ же носъ — розовый. Одинъ глазъ голубой, а другой — карій. Хвостъ пушистый, метелочкой, что не вязалось съ его почти лишеннымъ шерсти тѣломъ.

Песикъ довѣрчиво расположился на широкой груди мичмана. Одна его лапа заползла подъ погонь, и получалось, будто онъ обнимаетъ спасителя за шею. Повидимому его беспокоили новые для него запахи, моря, дерева катера и свѣжаго человѣческаго тѣла. Его лишенная рѣсницъ вѣки вздрагивали при каждомъ выбрасываніи весель гребцами, сопровождавшемся стукомъ уключинъ, но выраженіе его мордочки говорило: я вѣрю, что з д ѣ с ь мнѣ не сдѣлають зла. Я вѣрю этому твердо.

У трапа, на верхней палубѣ стоялъ старшій офицеръ Рыковъ, средняго роста, черный, съ толстыми, по хохлацки спускавшимися усами и тройнымъ подбородкомъ. Лицо его всегда имѣло выраженіе неудовольствія и раздраженія. Его могло бы успокоить лишь одно: полный порядокъ на кораблѣ, но абсолютнаго не бываетъ на свѣтѣ. Кромѣ того, ко всему онъ относился съ подозрѣніемъ. И теперь, увидѣвъ подымавшагося по трапу Дернау, со сконфуженнымъ лицомъ прижимавшаго что-то къ груди, подъ запахнутымъ пальто, онъ сразу заподозрилъ что-то неладное.

— Что несешь? — крикнулъ онъ хриплымъ басомъ, и черные жгуты его усовъ тоже зашевелились съ подозрѣніемъ.

— Я — ничего, — началъ было мичманъ, но затѣмъ рѣшившись итти напрямикъ, собралъ всю силу воли и сказалъ:

— Мерзавцы греченята собирались утопить прелестную собачку, я ее отнял у нихъ, и вотъ привезъ къ намъ. Пусть и у насъ будетъ своя собака. Ты знаешь, что на «Ростиславѣ» есть и коза, и обезьяна, пусть и у насъ будетъ что-нибудь... Отличная собака, — добавилъ онъ не вполне убѣжденно.

— Опусти ее на палубу, — сказалъ Рыковъ отрывисто.

Собачку опустили. Она стала на свои тоненькія ножки и быстро-быстро завиляла хвостомъ-метелочкой.

— Отправить собаку на берегъ, — безразлично бросилъ Рыковъ, — одну грязь на военномъ кораблѣ разводить. У насъ не Гагенбекъ! — и черные жгуты его усовъ удовлетворенно дрогнули и замерли.

Дернау съ отчаяніемъ посмотрѣлъ на Рыкова.

— Слушай, Михаилъ Александровичъ, я тебя прошу, очень прошу! Вѣдь эти мальчишки ее потопятъ!

Песикъ вопросительно смотрѣлъ своими голубымъ и каримъ глазами на офицеровъ, будто тоже просилъ.

— Я думаю, что это безвредная тварь, — вмѣшался незамѣтно подошедшій на кривыхъ босыхъ ногахъ широкой съ выпуклой грудью боцманъ Крыловъ.

— Дозвольте доложить вашему благородію, что песикъ очень ничего, вѣжливый такой. Какъ вышкочить его, будетъ настоящій марсофлотъ. Мы его Фифкой назовемъ.

Крыловъ помодчалъ немного и добавилъ:

— Ничего песикъ.

Рыковъ щелкнулъ пальцами и отошелъ.

Такъ была рѣшена Фифкина судьба.

Изъ Фифки не вышло марсофлота, то есть отчаянно-лихой матросской души. Нѣтъ, характеръ у него оказался штатскій, береговой. Была-ли у него на берегу зазноба, либо утомляло его однообразіе моря, но къ 11 часамъ вечера онъ не могъ болѣе сдерживаться и весь отдавался щемящей тоскѣ.

Корабль былъ старой постройки, офицерскія каюты выходили въ каютъ-компанію, и все, что въ нихъ происходило, было отлично слышно.

Сидятъ себѣ мирно въ каютъ-компаніи офицеры, читаютъ, музицируютъ или играютъ въ трикъ-тракъ, изъ каюты Дернау всегда въ одно и то-же время, — въ 11 часовъ вечера, раздается душу щемящій собачій вой.

Фифка скулилъ. Сначала онъ только потяфкивалъ, будто пробовалъ голосъ, затѣмъ, убѣдившись, что все въ порядкѣ, постепенно расходился и давалъ полную силу. Рыдалъ совсѣмъ женскимъ голосомъ.

Слышно было, какъ Дернау уговаривалъ его перестать, ласково и умоляюще, Фифка не сдавался и продолжалъ свое. Неожиданно вой прекращался, — очевидно, хозяинъ зажималъ его морду, затѣмъ возобновлялся снова. — Фифка, значитъ, вырвался. И такъ, всю ночь, до зари.

Дернау нѣсколько разъ получалъ черезъ Рыкова предупрежденія. Наконецъ, пришелъ ультиматумъ: либо Фифка перестанетъ по ночамъ выть, либо будетъ списанъ съ корабля. Мичманъ былъ въ отчаяньи и цѣлый день ходилъ самъ не свой.

Но въ эту ночь Фифка не вылъ больше.

Не вылъ онъ и въ слѣдующую, и такъ, — всю недѣлю. Изъ каюты Дернау не доносилось ни звука.

Каютъ-компанія заинтересовалась этимъ обстоятельствомъ, не находя объясненія Фифкиному молчанію. Съ сбакой, однако, все обстояло благополучно, потому, что по утрамъ она появлялась, какъ всегда, въ хорошемъ настроеніи, вѣжливо и умильно помахивая своей метелочкой. Къ слову сказать, она быстро вошла въ тѣло и обросла шелковистой лиловой шерстью.

Какъ-то, вечеромъ, мичмана рѣшили зайти въ каюту Дернау, чтобы посмотреть, что онъ дѣлаетъ съ Фифкой, чтобы тотъ не вылъ. Войти не удалось, дверь оказалась запертой. На стукъ отозвался заспанный голосъ: «я сплю».

Это было все. Фифкой перестали-бы интересоваться, если-бъ не случилась одна исторія.

Однажды, въ два часа ночи вахтенные, а затѣмъ и весь корабль были разбужены дикими воплями: спасите, тонетъ! — По верхней палубѣ метался толстый Дернау въ длинной, доходящей до пять ночной сорочкѣ и,

подымая къ небу руки, не переставалъ вопить: тонетъ, спасите!

Разбудили подвахтеннаго, спустили на воду спасательную шестерку. Показался Рыковъ, заспанный, съ «подозрѣвающимъ» лицомъ. Вышелъ командиръ, а за нимъ и адмиралъ, маленькій, сухой, акуратненькій.

— Кто тонетъ? — спросилъ онъ командира. Тотъ пожалъ плечами: ничего не понять, ваше превосходительство, никто не видалъ!

— А этотъ отчего бѣгаетъ? — по-прежнему вѣжливо и тихимъ голосомъ освѣдомился адмиралъ, указывая на носившагося по палубѣ въ ночной сорочкѣ мичмана Дернау.

... «Весла... на воду», — послышался охрипшій отъ ночной сырости голосъ подвахтеннаго офицера. Шестерка скрылась въ темнотѣ.

Она не возвращалась довольно долго. — Искали.

Потомъ послышались оживленные голоса, смѣхъ, стукъ укладываемыхъ вдоль банокъ веселъ и ударъ крюка по столбику трапа. Спасители вернулись. На верхней палубѣ показался подвахтенный, мичманъ Малыгинъ. Онъ былъ ярко освѣщенъ люстрой. Въ правой рукѣ онъ держалъ что-то, съ чего лилась вода.

— Фифка!

Дернау бросился къ собакѣ и прижалъ къ груди ея мокрое и озябшее тѣльце.

Адмиралъ подошелъ къ нему короткими, быстрыми шажками. Мичманъ вытянулся, по-прежнему сжимая въ объятіяхъ тихонько потягивавшаго пса. Подойдя къ нему вплотную, адмиралъ долго и иронически смотрѣлъ на странную группу, чуть прищуривъ глазъ. Затѣмъ повернулся, плюнулъ съ необычайной энергіей и скрылся въ свое помѣщеніе.

Черные и толстые усы Рыкова извивались змѣями, когда громовымъ голосомъ онъ кричалъ Дернау:

— Восемь сутокъ безъ берега! Будешь сидѣть у себя въ каютѣ съ пикой!*)).

Произошло это такъ. Въ одиннадцать часовъ вечера, когда Фифка обыкновенно принимался выть, Дернау бралъ пса, привязывалъ его къ своимъ помочамъ и вывѣшивалъ черезъ иллюминаторъ наружу. Темнота-ли, тишина-ли ночного моря, но Фифка не скулилъ. Давъ ему повисѣть четверть часика, Дернау водворялъ его обратно, и Фифка спокойно засыпалъ и спалъ до утренней побудки. Онъ хорошо зналъ дудку. Въ эту ночь Дернау, побывавшій на берегу и совершившій возліяніе, заснулъ раньше, чѣмъ снялъ со своихъ помочей собаку, и Фифкѣ на этотъ разъ пришлось висѣть надъ водой необычайно долго. Больно-ли стало ему или надоѣло, но онъ сталъ освобождаться и свалился въ воду. Плескъ отъ его паденія разбудилъ мичмана. Произошла описанная сцена... Въ кубрикѣ матросы долго не засыпали.

— Влетѣло нашему Дырнау! До чего у человѣка есть до всего жалость! — слышался голосъ изъ темноты.

— Да, доброта, онъ и за блоху будетъ беспокоиться, чтобы не повредили ей, — отвѣтилъ другой.

— А какъ Фифка нашъ обрадовался, что его опять на корабль берутъ, — сказалъ одинъ изъ гребцовъ спасательной шестерки, — ажъ плакалъ, право, какъ дите!

... У Фифки была сломана его тоненькая задняя лапка. Зацѣпился, должно быть, при паденіи за обушокъ. Сросталось плохо.

*) Въ особенно важныхъ случаяхъ ареста къ дверямъ каюты приставлялся часовой, — пика!

Корабельный врачъ, Афросимовъ, старый холостякъ, съ безусымъ бабьимъ лицомъ, «принималъ всѣ мѣры». — Ничего не выходило. Фифка волочилъ за собой лапу съ самымъ жалкимъ видомъ. Душа надрывалась смотрѣть, какъ мучится собака.

Дернау страдалъ невыносимо. Поставили фифкину ногу въ гипсъ. — Не помогло. Афросимовъ прописалъ сѣрные ванны. Денегъ на леченіе выходило уйма. Вѣстовой попробовалъ было протестовать, но пришлось уступить, — слишкомъ ужъ грозно наступилъ на него мичманъ. — Это было нужно для спасенія Фифки!

Отчаявшись въ Афросимовѣ, Дернау сталъ приглашать «береговыхъ» врачей. Произошло однажды недоразумѣніе, пріѣхалъ врачъ по женскимъ болѣзнямъ.

Фифкѣ суждено было остаться навѣкъ уродомъ.

Дернау сдѣлался необычно молчаливымъ. Онъ все расхаживалъ по каютъ-компаніи, хрустѣлъ пальцами и что-то шепталъ. Можно было разобрать при этомъ: «нѣтъ, не могу больше, это не можетъ такъ продолжаться дальше». Казалось, онъ раздумываетъ передъ тѣмъ, какъ принять какое-то важное рѣшеніе.

Однажды, блѣдный и измученный, онъ сказалъ офицерамъ, оставшимся послѣ обѣда попить кофейку: «Господа, я рѣшился, надо кончить Фифкины мученія! Придумайте, что хотите, надо съ нимъ что-нибудь сдѣлать, усыпить его, или отравить... Самъ я не могу... Пусть кто-нибудь...»

Въ каютъ-компаніи воцарилась тишина. Очень ужъ неожиданно. Но еще больше удивило выступленіе Рыкова. Да, да, именно свирѣпаго старшаго офицера! Онъ сказалъ, что не надо торопиться, что надежда на исцѣленіе еще не потеряна, что надо подождать лѣта, когда пойдутъ въ Тулонъ, тамъ французскіе врачи, не чета гре-

камь, что Фифка отличная собака, марсофлотъ, жаль убивать такую и т. д., и т. д.

— Нѣтъ, — слабымъ голосомъ отвѣтилъ мичманъ, — нѣтъ никакой надежды, у него мало фосфора въ костяхъ. Этотъ послѣдній врачъ, что здѣсь былъ, Манганопуло, мнѣ сказалъ, а вѣдь онъ, говорятъ — свѣтило. Нѣтъ, господа, одинъ выходъ...». Спазма схватила его горло...

Доктору Афросимову было поручено отравить Фифку.

— Не умѣлъ лѣчить, по крайней мѣрѣ отрави, какъ слѣдуетъ, — мрачно сказалъ ему Рыковъ.

Фифка, ласково повиливая хвостикомъ-метелочкой, вѣжливо съѣлъ два отравленныхъ пирожка и тутъ-же свалился. Дернау не могъ найти въ себѣ силу присутствовать при его смерти.

Трупикъ положили на дощечку и спустили черезъ мусорный рукавъ въ море.

На слѣдующее утро происходила обычная церемонія подъема флага и гюйса. Была прекрасная погода, оркестръ игралъ необычайно торжественно, полотнища флага — на кормѣ и гюйса — на носу корабля радостно трепетали подъ вѣтромъ, солнце играло зайчиками на ярко надраенныхъ мѣдныхъ частяхъ, но не хватало чего-то, къ чему уже всѣ успѣли привыкнуть. — Не хватало маленькаго лиловаго созданія съ хвостомъ-метелочкой и разноцвѣтными глазами, всегда подымавшася на верхнюю палубу, при подъемѣ флага, — вѣжливаго и воспитаннаго песика Фифки.

Церемонія уже подходила къ концу, когда на крайнемъ флангѣ, населенномъ мелкотой, зашевелились.

Передавали другъ другу о чемъ то странномъ и не-

ожиданномъ, указывая пальцами на близкій берегъ, къ которому корабль былъ обращенъ кормой.

Возбужденіе передавалось по линіи, докатилось до Рыкова, отъ него къ командиру и къ адмиралу.

Адмиралъ живо заинтересовался.

— Послушайте, да вѣдь это Фифка, эта знаменитая собака, — произнесъ онъ протяжно, всмотрѣвшись въ метавшуюся по берегу собачку. — Мичманъ Нифантовъ, берите вельботъ и доставьте намъ Фифку. Право, странная и непонятная вещь. Гдѣ Афросимовъ? Позовите ко мнѣ доктора Афросимова!

Черезъ два мѣсяца, уже въ порту Бильбао, Афросимовъ списался на другой корабль. Жизнь его сдѣлалась слишкомъ тяжелой, не давали прохода. Даже пѣсенку сочинили про него и Фифку.

Пришла Японская война. Дернау командовалъ транспортомъ. Съ нимъ былъ и Фифка. Во время Цусимскаго боя въ числѣ прочихъ кораблей, начиненные шимозой японскіе снаряды потопили и транспортъ Дернау.

Японцы спасли съ него нѣсколько человѣкъ.

Потомъ они рассказывали находившимся въ плѣну русскимъ офицерамъ, что, во время боя, они видѣли такую сцену: какой то русскій транспортъ показаль киль и быстро погрузился. Нѣсколько человѣкъ барахталось на поверхности воды. Ихъ подобрала.

Поодаль держался за какой то обломокъ офицеръ.

Въ одной рукѣ у него была собачка. Очевидно, онъ долго уже боролся за жизнь, силы ему измѣнили, и онъ ушелъ подъ воду, раньше, чѣмъ японцы успѣли къ нему подойти.

БЛИНЫ

«Катенькѣ» было не по себѣ. Она вытянула свою острую, какъ у собаки морду, желтовато-бѣлую, съ чернымъ носомъ, уложила ее межъ мощныхъ лапъ съ большими черными когтями и заурчала.

Это была уже большая двухгодовалая бѣлая медвѣдица, вывезенная ледоколомъ «Баканъ» изъ Ледовитаго Океана. Теперь, по волѣ начальства, она прибыла въ Либаву, чертовски далеко отъ родимыхъ мѣстъ. Конечно, ей никакъ не могло бы прійти въ голову, что въ этихъ широтахъ ей никогда не увидѣтъ милыхъ картинъ — необозримыхъ ледяныхъ и снѣжныхъ пространствъ. Если-бъ и пришла эта мысль, ею овладѣло бы безысходное отчаяніе. Она чувствовала это инстинктомъ. Не все шло, какъ слѣдуетъ, и она была поэтому въ меланхоліи.

А тутъ еще, ея любимецъ, сигнальщикъ Федюковъ, рѣдкое существо съ поразительно пріятнымъ запахомъ, умѣвшій такъ великолѣпно чесать за ушами, сдѣлалъ сегодня съ ней что-то нехорошее... Инстинктъ, къ сожалѣнію, заговорилъ въ ней слишкомъ поздно... Раньше бы надо было!

«Не надо было ѣсть этого мягкаго и горячаго хлѣба», подумала она съ тоской и опять заурчала. — Будто колесики прокатились у нея въ носоглоткѣ.

Она встала, мягко, слегка постукивая когтями прошла по палубѣ нѣсколько шаговъ и опять легла, мордой къ морю и прижавъ животъ къ мокрой, послѣ недавняго дождя палубѣ, чтобы охладить свое пылающее нутро.

— Какъ будто пустыки было съѣдено, а какъ плохо ей! И отъ предчувствія бѣды она опять, по медвѣжьей застонала... Никакъ ей не освободиться отъ этой страшной тяжести въ желудкѣ и отъ этого жженія... Броситься въ воду, что ли? Но ей не хотѣлось подыматься, отъ этого становилось потомъ еще больнѣе. И она стала раскачивать головой изъ стороны въ сторону, какъ человѣкъ, у котораго болитъ зубъ.

Тепловато-сырая струя воздуха, знакомая и всегда милая, коснулась ея воспаленнаго носа. Она подняла голову и урчаньемъ выразила свое удовольствіе.

Она не ошиблась: передъ ней сидѣлъ на корточкахъ Федюковъ.

Она пристально посмотрѣла на матроса, своими маленькими черными глазками. Если бы могла говорить, она бы сказала: «Боже, до чего больно! И это сдѣлалъ ты, мой лучшій другъ! Но очевидно, такъ нужно, разъ это сдѣлалъ ты. Ты знаешь, вѣдь я всегда тебѣ подчинюсь, тебѣ одному». И она опять застонала.

Федюковъ почувствовалъ угрызенія совѣсти.

Какъ всегда, во время стоянки, онъ былъ подъ хмѣлькомъ, а тутъ еще масленица. — Самъ Богъ велѣлъ!

Въ одной рукѣ онъ держалъ сырую рыбу, а другой онъ смущенно и недоумѣнно скребъ подъ фуражкой.

— Вотъ я тебѣ къ блинкамъ закуску принесъ, скажешь онъ хриплымъ баскомъ. Можете ѣсть. Здѣсь, въ Либавѣ, хорошая рыба.

Можно сказать, рыба страна. Не желаете? Морду

воротите? Думаешь, я тебя долго буду упрашивать? Лопай!

А, такъ ты такъ? Пущай-же она дрейфуетъ въ морѣ!
Онъ швырнулъ рыбу въ воду.

Тогда Катька положила ему на колѣни свою огромную голову и закрыла глаза. Это означало, что онъ долженъ почесать ей за ушами.

Но Оедюковъ сдался не сразу.

— Понимаешь, ты меня обидѣла. Въ тебѣ жалости нѣтъ никакой ко мнѣ. Я за тебя старался, спеціально для тебя на рынокъ побегъ, уваженъе тебѣ оказалъ, а ты пренебрегла. Отъ рыбы отказалась, отъ своей природной пишки, а теперь тебѣ за ушами чеши! Здрате вамъ!

Оедюковъ съ достоинствомъ отвернулся.

Катька съ шумомъ вздохнула и глубже вдавила голову въ его колѣни... Опять рѣзнуло въ животѣ. Она застонала.

— Да что съ тобой? — встревожился Оедюковъ, котораго начинало уже сильно развозить, — черезъ ѣду это давешнюю случилось съ тобой, што-ли? Черезъ то, что я тебѣ горяченькихъ блинковъ далъ? Бѣдная ты моя ведмедица, дай я тебѣ за ушками потреплю! Ты не болѣй, Екатерина, я это не со злости далъ горячія.

— Думаль, что, во-первыхъ, — масленица, праздникъ для всѣхъ чисто, и для человѣка, и для животнаго, а потомъ рассуждалъ, что ты обожжешься и начнешь чихать, чтобы команда греготала. А ты ихъ всѣхъ сразу и поглотала, какъ корова.

— Все черезъ обжорство твое, черезъ него бѣда!

Вотъ погоди, пущай нашъ фельширь съ берегу воротится, онъ тебя полѣчитъ. Онъ тебѣ касторки дастъ, внутренность, какъ метлой вымететь. И будешь ты опять

здоровая и веселая, будешь за матросиками гоняться, народъ пужать.

Катенька опять съ шумомъ втянула воздухъ, будто боясь, что расплечется.

— Не горюй принцесса моя, — продолжалъ Федюковъ такимъ тономъ, какимъ взрослые рассказываютъ дѣтямъ сказки, вотъ кончитъ нашъ командиръ здѣсь свои семейныя дѣла, опять поѣдемъ мы въ Ледовитое море-окіанъ, въ Архангельскъ. — Хорошо тамъ, холодно, — не дай Богъ! А тебѣ што? Тебѣ это самая жизнь. Будешь себѣ по льдамъ-снѣгамъ расхаживать, рыбку изъ пролуби ловить...

Я тоже, знаешь, холодъ люблю, какъ я есть поморъ. Вся семья наша — всѣ чисто поморы, испоконъ вѣковъ. Федюковы.

И онъ низко склонился къ Катькиной головѣ, обдавая ее виннымъ перегаромъ. «А потомъ, кто знаетъ, можетъ тебѣ какой медвѣжій прынецъ, хороший человекъ встрѣнется и полюбитъ тебя за красоту. Поженитесь вы, и пойдутъ у васъ дѣтки-медвѣжатушки, малъ-мала меньше».

Федюковъ икнулъ и покачнулся. Рассказываемая имъ исторія растрогала его самого, и на глаза выступили слезы.

— И будешь ты меня вспоминать, что былъ такой на «Баканѣ» сигнальщикомъ Федюковъ, сирота и горькій пьяница. Никому онъ не нуженъ, несчастный человекъ, только ты у меня, да и та покинула для другого.

И Федюковъ залился слезами.

Каткѣ становилось не въ моготу. Она сняла голову съ колѣнъ матроса, стала на заднія лапы, опершись передними о планширъ и заревѣла изо всѣхъ силъ.

Удивленный Федюковъ сѣлъ на палубу и смотрѣлъ на нее мутными глазами. Онъ ничего не понималъ.

Неожиданно Катька, изогнувшись дугой, мягко перевалилась черезъ бортъ и съ сильнымъ плескомъ ушла въ воду.

Федюковъ, затаивъ дыханье, ждалъ, когда, наконецъ медвѣдица покажется надъ водой.

Но Катька долго не появлялась на поверхности, гораздо дольше, чѣмъ лучший пловецъ міра. Когда-же, наконецъ, она вынырнула, ея бѣлая голова была чуть видна вдали. Двѣ струи быстро расходились отъ ея стремительнаго движенія.

Она давно не плавала. Пожалуй, съ того ужаснаго дня, когда къ зеленовато-прозрачной льдинѣ, на которой была ея мать съ братишкой, подплыла лодка съ людьми. Тѣми самыми, что вотъ уже два года составляютъ ея общество на «Баканѣ».

Изъ лодки ударилъ грѣмъ, еще одинъ, и ея мать, ставшая на заднія лапы, чтобы защитить дѣтей, покадилась на твердый ледъ. Катька съ братомъ подошли къ ней и стали слизывать съ ея развороченнаго разрывной пулей брюха темную алую кровь.

Послѣ ее забрали и ей больше не приходилось плавать.

Теперь она прыгнула въ воду, потому, что чувствовала все сильнѣе приближеніе страшнаго и неизбежнаго. Ей больше нечего было ждать спасенія на твердой палубѣ, и инстинктъ погналъ ее въ воду. Для своего удовольствія она никогда бы не сдѣлала этого, — вода была слишкомъ грязна и мутна, а у самага борта расходились кольца нефти. Не было той прозрачности и синевы, къ которой она привыкла, а съ берега доносился про-

тивный и однообразный гулъ города, который одинъ можетъ лишить плаваніе всякаго удовольствія.

Сейчасъ она объ этомъ не думала. Тяжелый комъ блиновъ лежалъ въ ея желудкѣ страшной тяжестью, рѣзы были такъ сильны, что порой въ ея глазахъ сверкали искры. Смерть приближалась, она это чувствовала, и отъ нея она хотѣла уйти.

Сначала она поплыла наискосокъ порту, но затѣмъ рѣзко повернула и понеслась къ выходу.

Какъ разъ входилъ въ портовые ворота огромный купецъ, съ узкой высокой трубой и толстыми низкими мачтами.

Все время мѣняя курсы и идя малымъ ходомъ, онъ давалъ гудки. «Держу право» — два гудка, «держу лѣво» — три. Отъ его могучаго басоваго «вжжъ» у Катъки дрожало въ животѣ, и она заметалась, не зная, куда ей броситься.

Неизвѣстно, сколько бы времени это продолжалось, если-бъ не замѣтили случившагося вахтенные. Черезъ три минуты ей наперерѣзъ уже неслась шестерка. На носу, размахивая петлей, стоялъ унтеръ-офицеръ, Кондаковъ, маленькій кряжистый челоуѣкъ, страшно живой и любитель происшествій. Онъ былъ изъ породы «совѣтчиковъ», при чемъ иногда доходилъ до того, что давалъ совѣты самому боцману, скептику Артамонову. На рулѣ былъ лейтенантъ Шредеръ, худой остзеецъ, принимавшій два года назадъ участіе въ охотѣ, закончившейся поимкой Катъки.

— Ваше благородіе, разрѣшите доложить, — въ обходъ надо налѣво забирать, потому лайба сейчасъ оттуда пойдетъ! Ее за пароходами не видать, — суетился Кондаковъ. Катъка безпремѣнно испужается и повернетъ!..

Но Катька, увидѣвъ шестерку и услышавъ знакомые голоса, сама повернула навстрѣчу со всей быстротой, нуть не выпрыгивая изъ воды. Въ своемъ беспорядочномъ метаніи передъ близкой смертью, она опять бросилась къ людямъ, не спасутъ ли?

Не могли же они желать ея гибели! Вода не помогла, помочь люди...

Когда на крѣпкихъ концахъ Катьку подняли на палубу, она стала кататься по ней, отжимая воду своимъ тяжелымъ тѣломъ изъ своей длинной желтоватой шерсти, съ сопѣньемъ втягивая воздухъ и урча. Порой она затихала, а потомъ металась еще сильнѣй.

— Что случилось съ животнымъ, не понимаю, обратился Шредеръ къ матросамъ, — дали навѣрное что-нибудь проглотить! Чья это дурья голова? А гдѣ фельдшеръ?

— Фельдшеръ къ своей тетенькѣ уѣхавши, — выступилъ Кондаковъ. — А проглотить, это должно Федюковъ ей дали. Безпремѣнно, это они. Это горячихъ блиновъ онъ ей далъ, говорилъ — чихать Катька будетъ. За обѣдомъ далъ. Это вѣрно. Онъ ей это, должно полагать, не отъ злого сердца, а для смѣху, произвелъ опытъ, что-бъ командѣ удовольствіе доставить для празднику, а теперь можно вообразить, самъ убивается выше человѣческихъ силъ.

А ей что надо давать? Ей для прохлады желудка сырость повсегда, надо давать. А теперь у ей горить. Околѣетъ она, ваше благородіе, безпремѣнно околѣетъ. Рази можно ей горячихъ блиновъ? Это ей никакъ нельзя, — сыпальъ весело Кондаковъ. Медвѣдь, она животная деликатная, рази можно ее держать при такомъ грубомъ народѣ... А можетъ она и съ тоски, что снѣгу не видать.

— Какъ тутъ понять, какая причина? Однако, скорѣе всего — блины. Это она черезъ нихъ!

Кондаковъ съ жалостью посмотрѣлъ на затихавшую Катьку. Все рѣже втягивала она въ себя воздухъ, и все медленнѣе поднимались ея сразу запавшіе бока.

— А шкуру, — добавилъ Кондаковъ, — тому-же Федюкову надо приказать снять. Они, охотники поморы эти, и съ медвѣдямъ привыкли, все равно, къ курямъ. Я такъ полагаю, что онъ во всей командѣ одинъ только хорошо сдѣлаетъ. — Больше некому.

НА «КАЗАКЪ ХАБАРОВЪ»

Разсказъ матроса.

«Золотой Рогъ во Владивостокъ, прекраснѣйшее мѣсто для стоянки, но я вспоминаю объ немъ безъ осолобога удовольствія, и есть отчего. Я, знаете ли, пережилъ тамъ непрятныя минутки. И вотъ по какому случаю.

Въ то время я служилъ матросомъ на одномъ такомъ большомъ транспортѣ «Печенга». Товарищемъ моимъ самымъ близкимъ былъ Спиридонъ Голопань, такой, страшной силы и мужественности, и мы съ нимъ повсегда шли вмѣстѣ на берегъ.

Какъ разъ это было въ началѣ революціи, когда мы познакомились лишь съ капитаномъ ледокола «Казакъ Хабаровъ». Сейчасъ не помню, какъ его фамилія, а изъ себя онъ былъ шуплый и неказистый.

Въ тотъ день какъ разъ изловчились мы со Спирой на два мѣшка муки по шести пудовъ, и съ того началось, что капитанъ этотъ поразился, что мы такъ совершенно свободно несемъ грузъ.

Нисколько не колеблясь и съ вѣжливой улыбкой пригласилъ онъ насъ къ себѣ на ледоколъ въ тотъ же день выпить водки и закусить семгой.

Во время революціи изъ за недостатка съѣстныхъ продуктовъ подобныя приглашенія очень прятныя, и

мы, съ моимъ другомъ Спиридономъ Матвѣвичемъ на силу дождались часу, когда на берегъ иттить.

Погрузились мы въ шампуньку, зарюлилъ китаецъ однимъ весломъ и доставилъ насъ на пристань, какъ разъ туда, куда ему заказали, къ «Казаку Хабарову».

Ледоколь этотъ, какъ ледоколь, честь честью, кургузый, широкій, носъ что корма, а трубы нечеловѣческой величины, не меньше, чѣмъ на нашей «Печенгѣ». Видно, что помѣщенія для частнаго груза у него не имѣется, только для собственнаго угля, а все пространство занято подъ машину. Страшно сильная машина, чтобъ крѣпкій ледъ бить.

Свободная жизнь началась тогда въ первое время революціи и съ нову намъ было лестно сидѣть въ капитанской каютѣ. Выходила она прямо на верхнюю палубу, а это всегда хорошо, когда выходъ свободный.

Народу въ этой капитанской каютѣ было уже довольно много къ нашему приходу. Предчувствіе ли, или такъ простой случай, но съли мы со Спирой поближе къ выходу.

Въ числѣ прочихъ гостей, какъ по разговору потомъ выяснилось, былъ старшій помощникъ, машинистъ и два кочегара. А изъ береговыхъ были два китайскихъ купца, для тайной торговли спирта въ бидонахъ.

Одинъ по настоящему одѣтъ, въ пиджакѣ чечунчовомъ, а другой, въ своей кофтѣ и въ очкахъ.

Да еще былъ одинъ совершенно штатскій субъектъ интеллигентнаго вида и неизвѣстно для какого случая.

Посмотрѣвши на выставленные продукты, мы убѣдились, что водки много и вполне хватить, пять большихъ графиновъ, а закуска состоитъ изъ томатовъ, тоже въ довольномъ обиліи, однако же обѣщанной семги что то не видать, даже не пахнетъ.

Такъ какъ я за это время, какъ случилась революція, научился себя вести въ любомъ обществѣ совершенно свободно и отлично, то и замѣтилъ я капитану, что это довольно даже слабо, звать гостей на одно, а давать другое и что сейчасъ не такое время, чтобъ издѣваться надъ личностью, тѣмъ болѣе, что какъ онъ самъ изъ матросской среды и въ капитаны выбранъ на основаніи судового комитета.

Послѣ такого моего заявленія, капитанъ насъ успокоилъ и стали мы выпивать и закусывать томатами, которыхъ было сколько душѣ угодно. При этомъ завязалась оживленная бесѣда, которую велъ самъ капитанъ и вралъ при этомъ совершенно недопустимо.

Такъ, онъ, между прочимъ рассказалъ, какъ ему пришлось бить одного рыжаго инглиша въ Гонъ Конгѣ. Я думаю, что все это сплошная наглая ложь была.

Вышло такъ, что сталъ въ него рыжій пробки бросать.

— Это я считаю возможнымъ, и очень часто случается, что люди въ кабакъ другъ въ друга пробками завинчиваютъ.

А послѣ того, какъ пробки, начались у нихъ необходимыя объясненія.

И первымъ дѣломъ за короны не согласились.

Каждый за свою стоялъ.

Вотъ рыжій сейчасъ за своего короля и противъ нашего.

Казакъ-хабаровскій капитанъ тогда, по его словамъ, очень ловко про англійскую корону выразился, только здѣсь нельзя привести потому, что дамы, какія прочтутъ, могутъ не согласиться.

Съ того и пошло.

Я тогда сталъ возражать и говорю капитану: ты,

товарищъ, не съ того конца тали отдаешь, когда съ полнаго хода корабля шестерку на воду спускаешь, не оттуда дѣйствуешь. Смотри, говорю ему, какъ бы ты воды полную шестерку не накачалъ.

Какъ это ты о такихъ тонкостяхъ распространяешься, что ты этого рыжого убѣждалъ, а на какомъ языкѣ ты съ нимъ геройствовалъ? Какъ разговоръ про между вами былъ старорежимный, про королей-императоровъ, то, надо полагать, это до революціи случилось, когда ты еще матросомъ былъ и, должно быть, по какой слабосильной спеціальности, потому, что фигурка у тебя довольно паршивая.

Такъ вотъ, ты и объясни, какъ же ты съ нимъ договорился, на какомъ языкѣ? Что пробками кидались, это я согласенъ, это можно сказать, одна мимика, кинематографъ, это на всякомъ языкѣ можно, а вотъ когда про короны начали и про оскорбленіе націй, это ужъ я не согласенъ и не хочу, чтобы ты насъ со Спирой за дураковъ считалъ.

И, простите меня, товарищъ капитанъ, но я опять къ прежней темѣ обсуждения вернусь и укажу, что вы уссурійскую семгу обѣщались поставить, а пустили лишь это красное затменіе изъ томатовъ.

Такъ что я послѣ всего этого совсѣмъ даже собираюсь сняться съ якоря изъ вашей прекрасной бухты...

Смотрю я, а хозяинъ нашъ, капитанъ съ «Казакъ Хабарова», откровенно мигаетъ машинисту, который рядомъ съ моимъ Спиридономъ у входа сидѣлъ и съ ружьемъ.

Машинистъ этотъ изъ себя совершеннѣйшій африканскій бегемотъ, только позлѣе, такой породы, что тутъ кулакомъ ничего не подѣлать, такое густое тѣло.

И вотъ, семафорить ему нашъ хозяинъ, мигаетъ

такъ, что морда у него совсѣмъ на сторону перекосившись.

Понятно, какъ самъ нализавши, никакъ не можетъ своей конспираціи соразмѣрить, думаетъ другіе и не замѣчаютъ.

А другіе какъ разъ замѣчаютъ.

Даже китайцы, на что иностранный элементъ, и тѣмъ забеспокоились и про межъ себя лопочуть на тотъ предметъ, какъ бы имъ въ шампуньку поскорѣй, да юли до фанзы.

Я про себя соразмѣрю, какъ бы намъ съ одного счета «ать» африканскаго бегемота подхлестнуть, тѣмъ болѣе, что по причинѣ революціи у него ружьишко можетъ стрѣльнуть на идейной платформѣ, какъ смотрю, хозяинъ нашъ опять до меня распространяется.

И это очень интересно, до чего человѣкъ былъ охотникъ врать.

Вотъ онъ самымъ откровеннымъ голосомъ говорить:

«Товарищи моряки съ «Печенги», вы не беспокойтесь, время вамъ шеи посворачивать не пришло еще, ужо успѣтся. Мой машинистъ руками дуло казенной винтовки крутить, такъ что, повторяю, успѣтся, горячиться пока нечего. А вотъ на мою комплекцію вы ложно смотрите. Я хучь маленькій, а злой и страшно сильный.. А былъ еще сильнѣе, но въ собственномъ имѣніи, четыре тысячи десятинъ Черниговской губерніи, съ сестрой повздоровивши, тройку чистокровныхъ коней, что она правила, не отпускалъ, за заднюю ось фативши.

Какъ дернули кони, такъ полъ коляски на моей сторонѣ осталось. Вотъ послѣ этого случая я себѣ въ поясницѣ жилы на четверть аршина вытянулъ.

Однако же, есть еще сила, на васъ хватить!

И единственно, какъ я, капитанъ и полновластный командиръ «Козакъ Хобарова», то не имѣю полного права рукъ марать, съ простыми матросами сшибаться.

Бить васъ будутъ мой машинистъ и кочегарная команда.

Все равно не уплыть вамъ безвредно отсюда, такъ что пока выпейте еще кое что, это польза для храбрости».

А за столомъ, дѣйствительно, кочегары сидятъ въ публикѣ. Прилично сидятъ, въ чистыхъ вязаныхъ рубашкахъ.

Конечно, должны были заработать отъ капитана по полтиннику, или по рублю, можетъ быть, на душу.

Всегда ли на «Казакъ Хабаровъ» такой обычай былъ для гостей, была-ли кочегарная команда на специальномъ жалованьи у капитана, но сразу сдѣлалось мнѣ понятно, что хозяинъ нашъ былъ не перваго срока форма одежды и человѣкъ подлой души.

И, можете себѣ представить, никакой драки не вышло и не было зрѣлища для злобнаго капитанскаго сердца.

Дѣйствительно, неожиданно совсѣмъ повернулся случай. Оно какъ будто и жалко, что съ бегемотомъ-машинистомъ не попробовались, но ничего, можетъ быть еще выйдетъ случай, Богъ дастъ, не все еще пропало, но сидѣлъ въ публикѣ, какъ я уже говорилъ, одинъ такой интеллигентный человѣкъ.

Какъ мы потомъ примѣрились и справились, то оказался это комиссаръ пловучихъ средствъ, а до революціи былъ онъ въ Кунсъ-Альберсовой фирмѣ конторщикомъ.

Тоже, можно сказать, жидковатый довольно субъектъ и въ очкахъ. Книжки читаль-читаль, даже глаза

себѣ напортилъ. Слушала эта очковая змѣя нашъ разговоръ все подробно, да потомъ и говорить нашему хозяину:

— Можетъ, товарищъ капитанъ, это и не вполне такъ подобаесть, какъ я вашу хлѣбъ-соль и напитки потреблялъ, но я долженъ такое замѣчаніе сдѣлать, что сегодня-же буду на васъ въ совѣтѣ комиссаровъ доносить, что вы не на мѣстѣ и не на высотѣ задачъ.

Первое основаніе есть, что вы изъ монархическихъ соображеній въ прошлой вашей жизни состязались съ англичаниномъ на кулачки, который хоть и другой державы, но тотъ-же интернаціональ.

А второе основаніе будетъ, что вы суть бывший собственникъ, какъ имѣвшій четыре тысячи земли въ Черниговской губерніи и чистокровныхъ коней для удовольствія, а не для пахотныхъ работъ на землѣ.

А третья идеологическая платформа моего доноса, товарищъ капитанъ «Казакъ Хабарова», это то, что вы изъ среды выйдя, не хотите рукъ съ простой матросней пачкать, какъ вы указали, и употребляете для этого наемный трудъ честныхъ труженниковъ кочегаровъ, которые, замѣсто вашихъ подкупныхъ избіеній, должны бы лучше отъ огнедышащихъ топокъ отдохнуть. А засимъ, говорятъ эти интеллигентные очки, — я поблагодарю и прощаюсь.

— Домой надо. У меня съ пупочной грызи бандажикъ мой соскокнулъ».

— Эге, думаю я себѣ, запеленговали нашего красавчика. Ну, какъ-то онъ будетъ въ такомъ узкомъ мѣстѣ разворачиваться подъ собственными машинами и безъ буксировъ.

Такъ и ушли мы съ пушками на «товсъ», да безъ единого выстрѣла.

Потомъ узнали, что слетѣла наша птичка съ высокаго шеста, пересталъ нашъ любезный командиръ свой вымпелъ на «Казакъ Хабаровъ» держать.

Другими словами, совсѣмъ обосячился человѣкъ, какъ прошуровали его за антиреволюціонность съ ледокола, и до того дошелъ, что даже водовозы-корейцы его били.

А они-то, какіе ужъ люди!

Каждый можетъ сбрехнуть, оно разумѣется, для форсу, для величія или для чего, но съ умомъ дѣлай.

Да еще при комиссарѣ за королей говорить!

... «И РАЗОШЛИСЬ, КАКЪ ВЪ МОРЬ КОРАБЛИ»

Какъ и всегда, при входѣ въ Вальпарайзо, море было удивительнаго зеленаго цвѣта. Но дувшій въ этотъ разъ сильный, балловъ въ пять вѣтеръ, разведя зыбь, взбудоражилъ его поверхность, набросилъ на скаты волнь густую, болѣе темную сѣтку ряби и далеко несъ по воздуху хлопья пѣны, сорванной съ ихъ гребней.

Небо было забрано сѣрыми грозowymi облаками и не сулило на ближайшее будущее ничего хорошаго.

Клипперъ «Крейсеръ» входилъ въ портъ. Уже прошли маякъ, однако, волны были почти такъ же высоки, какъ въ открытомъ морѣ.

Корабль шелъ въ бакштагъ, слегка зарывая при спускѣ съ огромной волны и купая сѣтку бугшприта. Слышался шумъ вытѣсняемой стройнымъ и крѣпкимъ корпусомъ воды и шипящій звукъ разсыпающихся гребней уже позади корабля.

Бѣлоснѣжные паруса его, той чистоты, которая бываетъ только на военномъ флотѣ, ярко выдѣлялись на сѣро-свинцовомъ небѣ.

Мичманъ Келлеръ стоялъ на вахтѣ, на просторномъ, свободномъ отъ машинъ, мостикѣ, держась за поручни и, сгибая колѣни широко разставленныхъ ногъ, чтобы не слетѣть при спускѣ съ водяной горы, смотрѣлъ на открывающуюся панораму огромнаго порта.

Сотни парусныхъ судовъ, бриговъ, барковъ, бригантинъ и шхунъ щетинились лѣсомъ голыхъ мачтъ. Порой виднѣлась высокая и тонкая труба колеснаго парохода, затѣмъ опять шли парусники. Всѣ эти суда раскачивались на взволнованной поверхности моря.

Казалось, они были измучены беспокойной погодой и все не могли дождаться, когда же, наконецъ, море успокоится.

Вотъ, какъ будто, ничего, но подлетить волна повыше, и опять нагибается корпусъ, и мачта укоризненно раскачивается.

Будто огромный лѣсъ, чудомъ выросшій на водѣ, гудѣлъ, свистѣлъ своимъ рангоутомъ и склонялся подъ напоромъ злобнаго соленаго вѣтра.

Вдали показалась бочка, на которую собирался стать «Крейсеръ». Волны порой высоко подымали ее на своихъ гребняхъ и покрывали затѣмъ плотной зеленой массой.

Слѣва отъ бочки стоялъ трехмачтовый купеческій бригъ подъ англійскимъ флагомъ. На его широкой черной кормѣ большими бѣлыми буквами было написано:

— «Minerva, — Liverpool».

Много дальше, вправо, стояла бѣлая шхуна съ необыкновенно высокими мачтами. Два негра глядѣли съ ея юта на мчавшійся «Крейсеръ».

Для того, чтобы «стать на бочку», необходимо было, убавивъ паруса, пройти въ глубь между «Минервой» и бѣлой шхуной, много ниже бочки, повернуть черезъ фордевиндъ и, почти въ лобъ вѣтру, пользуясь забранымъ ходомъ, подойти къ бочкѣ и заложить перлинь. Для того, чтобы описать дугу пошире, «Крейсеръ» долженъ былъ взять какъ можно больше влѣво, чтобы по-

лучить, такимъ образомъ, разгонъ, необходимый ему для хода противъ вѣтра по инерціи, вплоть до самой бочки.

Проходя мимо «Минервы», онъ задѣлъ своей гротъ-брамъ-реей за снасть англичанина. Раздался трескъ. На «Минервѣ» забѣгалъ народъ, но клипперъ «Крейсеръ» былъ уже далеко. Свистѣли боцманскія дудки, готовились къ трудному повороту «черезъ фордевиндъ».

Когда, черезъ нѣсколько минутъ, корабль стоялъ уже «на бочкѣ», волнуясь, какъ привязанный, послѣ долгаго галопа, конь, командиръ приказалъ Келлеру, на слѣдующее утро, передъ уходомъ изъ Вальпарайзо, пойти на англійскій бригъ, представить извиненія и уплатить за поломки.

Когда наступило это утро, сѣренькое и дождливое, все еще дулъ сильный вѣтеръ. Ругаясь про себя и злясь, мичманъ Келлеръ шелъ по скользкому «выстрѣлу», чтобы сѣсть въ танцевавшую подъ нимъ «шестерку».

— И всегда посылаютъ меня, — говорилъ онъ себѣ, сидя уже въ «шестеркѣ» и съ непріязнью глядя на приближавшійся огромный черный бортъ «Минервы», — всякую дырку задѣлывать. На горе мнѣ мой англійскій языкъ!

Маленькій толстый, начисто выбритый капитанъ «купца» былъ немногословно любезенъ съ мичманомъ.

— Командиръ корабля «Крейсеръ» приноситъ вамъ свои извиненія за вчерашнее столкновеніе и проситъ сообщить, какъ велики убытки, причиненные этимъ столкновеніемъ, — серьезно и холодно сказалъ Келлеръ.

— О, убытки, — медленно протянулъ капитанъ, не вынимая изо рта короткой и толстой, какъ онъ самъ, трубки. — О, это ничего, это не такъ много. О, я думаю, что это пятьдесятъ фунтовъ. — Онъ вынулъ при этомъ

трубку изо рта и посмотрѣлъ на мичмана водянистыми, слегка вытаращенными глазами. — Это пустяки, — продолжалъ онъ и, внезапно оживившись, добавилъ: — Вы хотите виски-сода? Я знаю, что вы, русскіе, любите виски безъ сода. — Капитанъ разсмѣялся.

Мичманъ Келлеръ, серьезно сдвинувъ брови, вынулъ изъ портфеля пять шелковистыхъ десятифунтовыхъ бумажекъ.

— Виски? Собственно говоря, я очень тороплюсь, мы сейчасъ снимаемся. — Онъ былъ, видимо, въ нерѣшительности. «Впрочемъ, была не была, трахну баночку, такая чертова погода», подумалъ онъ про себя.

Капитанъ разлилъ виски изъ черной пузатой бутылки.

— Вашъ корабль прекрасный ходокъ, о, это дѣйствительно такъ, я замѣтилъ вчера. Онъ дѣлаетъ по крайней мѣрѣ...

— Четырнадцать узловъ, идя въ бакштагъ.

— О, четырнадцать! Это замѣчательно, да.

Они помолчали.

— У васъ былъ благополучный переходъ? — продолжалъ «занимать» капитанъ.

«Надо итти», подумалъ Келлеръ и, приподнявшись, сказалъ: — да, благодарю васъ, — но въ этотъ моментъ открылась дверь и на порогъ появилась дѣвушка, «необычайно интересная», какъ опредѣлилъ Келлеръ. Высокая, крупная блондинка съ большими сѣрыми глазами и красивымъ, хотя и не маленькимъ, чувственнымъ ртомъ.

Она посмотрѣла на мичмана, чуть-чуть улыбаясь и слегка прищурясь, будто онъ сидѣлъ далеко.

— Моя дочь, — сказалъ капитанъ и, вынувъ изо рта трубку, показалъ ею на дѣвушку. — Она родилась

на «Минервѣ» и у нея морская кровь. Хе-хе! Но, вѣдь, вамъ кажется время итти на свой корабль? Смотрите, тамъ что-то говорятъ у васъ, я не понимаю, это не международный кодъ.

Мичманъ выглянулъ въ иллюминаторъ. «Крейсеръ» сигнализировалъ: «Мичману Келлеру вернуться немедленно».

— Это не то; у меня еще есть немного времени, — сказалъ онъ, нѣсколько сбиваясь, — меня возьмутъ на ходу. Это, знаете, у насъ всегда принято — на ходу. По морскому. Я люблю это.

— Ваше здоровье, — добавилъ онъ затѣмъ, смотря прямо въ глаза красавицѣ. И залпомъ осушилъ стаканъ.

Въ головѣ зашумѣло, въ груди жгло. Теперь онъ былъ готовъ рѣшительно на все, даже на разстрѣль, лишь бы побыть еще часокъ, полъ часа, четверть, здѣсь, на «Минервѣ», въ этой большой каютѣ, озаренной сіяніемъ отъ присутствія красавицы.

«Боже, какая родинка», замѣтилъ онъ про себя. «Въ самомъ углу рта. Вотъ бы прикусить ее во время поцѣлуя. Нѣтъ, нѣтъ, дезертировать, вписаться въ роль на «Минервѣ», неслись въ его головѣ хаотическія мысли.

Лицо капитана сдѣлалось сумрачнымъ. Онъ пыхтѣлъ съ остервенѣніемъ своей трубкой, утопая въ облакахъ дыма и... молчалъ, чертовски молчалъ.

«Какъ бы задобрить папашку», съ тоской говорилъ себѣ мичманъ. «Нѣтъ, надо уходить» и... не уходилъ. Грядущее было черно, онъ примирился уже съ нимъ. Одно было необходимо, какъ воздухъ: остаться еще на «Минервѣ», совсѣмъ немножко, самую капельку! А родинка на милой губѣ выступала все призывнѣе, какъ черная звѣздочка...

— Вамъ не надоѣло быть постоянно на морѣ, —

изящно склонившись, обратился онъ къ дочкѣ капитана. — Вѣдь, вы такъ молоды; вамъ, вѣроятно, и повеселиться хочется, потанцевать иногда, а вы все время такъ, одна.

Ему ужасно хотѣлось услышать ея голосъ.

— Нѣтъ, — отвѣтила дочь капитана, — я не скучаю.

Это было все, что она сказала. У нея было контральто.

— Ваше здоровье! — сказалъ онъ уже съ нѣкоторымъ отчаяніемъ и вызовомъ, дерзко адресуясь къ ней одной и не обращая вниманія на отца. — Только англичанки могутъ быть такой совершенной красоты, — добавилъ мичманъ.

— О, это не совсѣмъ такъ, — вмѣшался капитанъ, перекатывая хрипѣвшую трубку изъ одного угла рта въ другой. — Во-перывхъ, въ Россіи бываютъ изумительно красивыя женщины. Я видѣлъ въ Санктъ-Петербургѣ, и въ Архангельскѣ, и въ Ригѣ. А, во-вторыхъ, лейтенантъ, вашъ корабль уже снялся. — Онъ показалъ въ иллюминаторъ своимъ ревматическимъ пальцемъ.

Клипперъ «Крейсеръ», красиво накренившись, шелъ въ полъ-вѣтра.

«Подняться на ходу», говорили разноцвѣтные флажки.

Не помня себя отъ печали, простился мичманъ съ красавицей и ея недовольнымъ отцомъ и, какъ въ туманѣ, сталъ спускаться по повисшему надъ водяной бездной штормтрапу въ «шестерку». Гребцы рванули съ силой и «шестерка» взлетѣла на водяную гору.

Келлеръ оглянулся:

Высокая, крутая корма «Минервы» поднималась изъ воды за отхлынувшимъ валомъ, обнажившимъ ее ниже

ватерлинии. Видна была ея подводная, заросшая сѣрыми ракушками, часть.

Онъ поднялъ глаза.

У борта, опершись на него, стояла дочь капитана. Ея свѣтлые волосы развѣвались по вѣтру, черная родинка у милаго, улыбающагося рта, была отчетливо видна.

Вдругъ ея руки отдѣлились отъ поручней, медленно поднялись и, приблизившись ко рту, послали бѣдному мичману долгій и страстный поцѣлуй.

Она была одна, дочь капитана; отца не было видно.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Келлеръ уже не вспоминалъ объ этой встрѣчѣ, равно какъ и о двухъ печальныхъ мѣсяцахъ «безъ берега», полученныхъ въ наказаніе.

Клипперъ «Крейсеръ» входилъ въ портъ Коломбо.

Навстрѣчу ему, почти бортъ о бортъ прошелъ большой бригъ подъ англійскимъ флагомъ, выходившій изъ Коломбо.

Келлеръ былъ на мостикѣ. Вѣтеръ былъ свѣжій, и парусникъ быстро удалялся, но мичманъ все же успѣлъ прочесть его имя, стоявшее на кормѣ:

— «Minerva. — Liverpool».

Бѣлымъ мотылькомъ трепетало что-то на ютѣ «Минервы».

Келлеръ схватилъ бинокль: женская фигура махала платкомъ.

Что-то кольнуло сердце мичмана. Затѣмъ прошло.

«Мы разошлись, какъ наши корабли», — сказалъ онъ самъ себѣ поучительно. «Но, если въ Коломбо произойдетъ что-либо подобное, я уже не упущу, нѣтъ-съ!»

И ему сдѣлалось задорно весело.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Двѣ волны	5
Встрѣча	13
Коля Турокъ	23
У «Круглой Бухты»	33
Уале	35
Случай съ цикадой	42
Боксъ	53
Гребная гонка	61
Спасите наши души	72
Женщина въ мѣхахъ	81
Сонъ	91
Два шиллинга	98
Взбѣсившееся піанино	104
Однорукій боцманъ	112
Гибель «Жемчуга»	118
Песикъ «Фифка»	125
Блины	137
На «Казакъ Хабаровъ»	145
И разошлись какъ въ морѣ корабли	153